

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

4
2025

VESTNIK RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series
Academic Journal

There are 12 issues of the journal a year.

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

- 5.9.3. Literary theory (Philology)
- 5.9.4. Folkloristics (Philology)
- 5.9.7. Classical philology, Byzantine and modern Greek studies (Philology)
- 5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (Cultural Studies)
- 5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (History)
- 5.10.2. Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects (Art Studies)

Goals of the journal. Presentation of the results of the latest researches in the field of philology, linguistics and culturology, which have an unquestionable theoretical and practical value and are promising for the development of research in these fields of knowledge.

Advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

Objectives of the journal. Implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the educational process as examples of correct scientific work; attraction of new authors, researchers, showing high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047

e-mail: antonov-dmitriy@list.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»

Научный журнал

Выходит 12 номеров печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.9.3. Теория литературы (филологические науки)

5.9.4. Фольклористика (филологические науки)

5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (культурология)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (исторические науки)

5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов (искусствоведение)

Цель журнала: представление результатов новейших исследований в области литературоведения, языкознания и культурологии, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этих областях знания. Продвижение эмпирически ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6

Электронный адрес: antonov-dmitriy@list.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

P.M. Arkadiev, Dr. of Sci. (History), professor RAS, Institute of Slavic Studies RAS/ Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

Yu.V. Domanskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

G.I. Zvereva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

T.B. Agranat, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation

D.I. Antonov, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.Yu. Antsyferova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.N. Basovskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu.G. Bit-Yunan, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation

S.A. Burlak, Dr. of Sci. (Philology), professor RAS, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation

I.I. Chelysheva, Dr. of Sci. (Philology), professor, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

D.J. Clayton, Ph.D., emeritus professor, University of Ottawa, Ottawa, Canada

O.V. Fedorova, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

D.M. Feldman, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.Kh. Gilmanov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), professor RAS, RAS corr. memb., A.M. Gorky Institute of World Literature RAS, Moscow, Russian Federation

N.Yu. Gvozdetskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, Dr. of Sci. (Philology), RAS corr. memb., Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

- E.Yu. Ivanova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation
- G.I. Kabakova*, Dr. of Sci. (Philology), University of Paris-Sorbonne, Paris, France
- A.A. Kholikov*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
- O.B. Khristoforova*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Kimmelman*, Ph.D., University of Bergen, Bergen, Norway
- A.V. Kostina*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Moscow University for the Humanities, Moscow, Russian Federation
- G.E. Kreidlin*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.A. Krongauz*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.I. Kulikov*, Ph.D., Cand. of Sci. (Philology), Ghent University, Ghent, Belgium
- I.A. Kuptsova*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), associate professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation
- A.B. Letuchii*, Dr. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
- M.N. Lipovetskii*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Columbia University, New York, United States of America
- D.M. Magomedova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- L.A. Maltsev*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
- I.G. Matyushina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.P. Odesskii*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.E. Pekelis*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- N.I. Reinhold*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Vinogradov Russian Language Institute RAS, Moscow, Russian Federation
- E.L. Rudnitskaya*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russian Federation
- I. Rzepnikowska*, Doctor Habilitatus, Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

- B.L. Shapiro*, Dr. of Sci. (Cultural Studies), Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.A. Sharoff*, Ph.D., Candidate of Science (History), University of Leeds, Leeds, United Kingdom
- I.A. Sharonov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.V. Sideltsev*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation
- A.E. Skvortsov*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation
- N.A. Slioussar*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russian Federation
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- A.N. Taganov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation
- Ya.G. Testeleets*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH)/Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation
- Yu.I. Tsvetkov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- N.G. Vladimirova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation
- V.I. Zabolotkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.V. Zagidullina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation
- A.V. Zimmerling*, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russian Federation

Executive editor

D.I. Antonov, Dr. of Sci. (History), professor, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук, профессор РАН, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Г.И. Зверева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Т.Б. Агранат, доктор филологических наук, доцент, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

Д.И. Антонов, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.Ю. Аницферова, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация

С.И. Баранова, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.Н. Басовская, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ю.Г. Бит-Юнан, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация

С.А. Бурлак, доктор филологических наук, профессор, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

Н.Г. Владимирова, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Н.Ю. Гвоздецкая, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.Х. Гильманов, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация

Н.П. Гришчер, доктор филологических наук, профессор РАН, член-корреспондент РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Жетниковская, доктор наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

В.И. Заботкина, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- М.В. Загидуллина*, доктор филологических наук, профессор, Челябинский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация
- Е.Ю. Иванова*, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация
- Г.И. Кабакова*, доктор филологических наук, Университет Сорбонна, Париж, Франция
- В.И. Киммельман*, Ph.D., Университет Бергена, Берген, Норвегия
- Д.Д. Клейтон*, Ph.D., Оттавский университет, Оттава, Канада
- А.В. Костина*, доктор культурологии, доктор философских наук, профессор, Московский гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация
- Г.Е. Крейдлин*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- М.А. Кронгауз*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Л.И. Куликов*, кандидат филологических наук, Ph.D., Гентский университет, Гент, Бельгия
- И.А. Кушцова*, доктор культурологии, доцент, Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Москва, Российская Федерация
- А.Б. Летучий*, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- М.Н. Литовецкий*, доктор филологических наук, Университет Колумбия, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки
- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Л.А. Мальцев*, доктор филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Российская Федерация
- И.Г. Матюшина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- М.П. Одесский*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Е. Пекелис*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлеская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Н.И. Рейнгольд*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГУ), Москва, Российская Федерация
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Российская Федерация
- Е.Л. Рудницкая*, доктор филологических наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация
- А.В. Сидельцев*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

- А.Э. Скворцов*, доктор филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Казань, Российская Федерация
- Н.А. Слюсарь*, доктор филологических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- А.Н. Таганов*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Институт языкознания РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.В. Федорова*, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- Д.М. Фельдман*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Ю.Л. Цветков*, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация
- А.В. Циммерлинг*, доктор филологических наук, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
- И.И. Чельшева*, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Б.Л. Шапиро*, доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Шаров*, кандидат филологических наук, Ph.D., Университет Лидса, Лидс, Великобритания
- И.А. Шаронов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

Д.И. Антонов, доктор исторических наук, профессор (РГГУ)

CONTENTS

Studies in Cultural History

- Igor E. Surikov*
Life and customs of the Iranian monarchy as viewed by an Hellene,
but on the inside. Ctesias of Cnidus 12
- Liudmila B. Sukina*
Engraving from 1666 with the image of the family tree
of the Russian Tsar and European art of the 16th – 17th centuries.
Visual parallels 32
- Varvara V. Ponomareva*
K.D. Ushinskii at the Smolny Institute. Restructuring the system 46
- Dmitrii I. Antonov*
Foil icons of the 19th century. On the issue of the craftsmen's strategies 55
- Dmitrii Yu. Doronin, Victor Yu. Korovin*
Smoked icon. The soot and the holiness 70
- Ksenia O. Gusarova*
Between truth and absurdity? Turn-of-the-century taxidermists
look at snapshots of animals 105

Cultural Anthropology and Studies of Present-day Traditions

- Ciril M. Korolev*
New rurality as constructed by townspeople.
A case of the Pyalma historical village in Karelia 125

“The New Art” and Culture of the 20th century

- Natalia V. Kazurova, Ekaterina Yu. Trushkina*
French cinema and immigration. School case and Islam 161

СОДЕРЖАНИЕ

Культурно-исторические исследования

- Игорь Е. Суриков*
Быт и нравы иранской монархии глазами эллина, но изнутри:
Ктесий Книдский 12
- Людмила Б. Сукина*
Гравюра 1666 г. с изображением семейного древа русского царя
и европейское искусство XVI–XVII вв.: визуальные параллели 32
- Варвара В. Пономарева*
К.Д. Ушинский в Смольном институте: перестройка системы 46
- Дмитрий И. Антонов*
Фольговые иконы XIX в.: к вопросу о стратегиях мастеров 55
- Дмитрий Ю. Доронин, Виктор Ю. Коровин*
Копченая икона: сажа и святость 70
- Ксения О. Гусарова*
Между истиной и нелепостью: фотографии животных
в контексте таксидермических практик рубежа XIX–XX вв. 105

Культурная антропология и исследования актуальных традиций

- Кирилл М. Королев*
Новая сельскость и ее конструирование в воображении горожан:
случай исторической карельской деревни Пяльма 125

«Новое искусство» и культура XX в.

- Наталья В. Казурова, Екатерина Ю. Трушкина*
Французский кинематограф и процессы иммиграции:
школьная тема и ислам 161

УДК 82.0

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-4-12-31

Быт и нравы иранской монархии глазами эллина, но изнутри: Ктесий Книдский

Игорь Е. Суриков

*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, isurikov@mail.ru*

Аннотация. В статье привлекается внимание к уникальному месту Ктесия среди античных авторов: этот грек, много лет проведший в Персии и по возвращении на родину решивший ближе познакомиться соотечественников с этой страной, в полной мере обладал, как выражаются, «инсайдерской информацией». Как историк он пользовался и пользуется заслуженно низкой репутацией, однако в тех частях его трактата «Персидские дела» (начиная с 18-й книги), где он выступает уже не в качестве собственно историка, а скорее в качестве мемуариста, рассказывая о событиях, происшедших на его памяти, и о людях, которых знал лично (среди них – Дарий II, Артаксеркс II, Кир Младший, а отдельно должна быть отмечена Парисатида, от которой Ктесий получил особенно много информации), ситуация меняется. Ведь эллин из Книда, находясь в высоком статусе лейб-медика, был вхож в самые интимные покои царя и членов его семьи, посвящен во многие тайны и интриги персидского двора.

Ключевые слова: Ктесий Книдский, «Персидские дела», Ахемениды, монархия, Артаксеркс II, Парисатида, Фотий

Для цитирования: Суриков И.Е. Быт и нравы иранской монархии глазами эллина, но изнутри: Ктесий Книдский // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 4. С. 12–31. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-4-12-31

Life and customs of the Iranian monarchy
as viewed by an Hellene, but on the inside.
Ctesias of Cnidus

Igor E. Surikov

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
isurikov@mail.ru*

Abstract. The article draws attention to Ctesias' unique place among Classical authors: the Greek, who spent many years in Persia and after his return home decided to nearer acquaint his compatriots with that country, possessed in full measure, so to say, insider information. As a historian he enjoyed and enjoys a deservedly law reputation; however, the situation is different in the parts of his *Persica*, where he speaks not as a historian as such but as an author of memoirs and tells about the events, which took place in his presence, and about persons, who he was personally familiar with (such as Darius II, Artaxerxes II, Cyrus the Younger, and especially Parysatis, one of the main informers of Ctesias). For the Hellene from Cnidus, in his high status of physician-in-ordinary, was well received in the most intimate chambers of the King and his family members; he was privy to many secrets and intrigues of the Persian court.

Keywords: Ctesias of Cnidus, *Persica*, Achaemenids, monarchy, Artaxerxes II, Parysatis, Photius

For citation: Surikov, I.E. (2025), "Life and customs of the Iranian monarchy as viewed by an Hellene, but on the inside. Ctesias of Cnidus", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 4, pp. 12–31, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-4-12-31

Данная статья написана на материалах доклада автора, сделанного в марте 2023 г. на проходившей в ИВКА РАН конференции «Миусские античные посиделки – XIII». Тема этого научного мероприятия была обозначена как «Эллинизм и иранизм». Впрочем, поскольку имелись в виду культурные, цивилизационные феномены, нам, пожалуй, ближе известная формулировка М.И. Ростовцева «Эллинизм и иранство»¹, тем более что термин «эллинизм» обычно применяется к конкретной исторической эпохе² (конец IV – I в. до н. э.),

¹ *Ростовцев М.И.* Эллинизм и иранство на юге России: Общий очерк. Пг.: Огни, 1918.

² И применяется, нужно сказать, не очень удачно (см. хотя бы развернувшуюся в последние годы очередную дискуссию об эллинизме в отечественной историографии [Габелко 2018; Ладынин 2018; Балахванцев 2020; Суриков 2022; Суриков 2023], но здесь речь не об этом).

а тот историк, имя которого вынесено в заголовок нашей статьи и о котором в ней пойдет речь, жил еще до ее наступления. Тем не менее к проблематике взаимоотношений эллинского и иранского миров Ктесий Книдский имеет самое прямое отношение, поскольку этот грек достаточно долгое время жил при персидском дворе, причем в качестве персоны весьма важной по статусу – лейб-медика. Приведем некоторые наиболее важные свидетельства о нем (по «Фрагментам греческих историков» Ф. Якоби).

Ctes. FGrHist. 688. T1 (из лексикона «Суда»): «Ктесий. Сын Ктесиарха или Ктесиоха, книдзянин; врач, который вылечил у персов Артаксеркса, прозванного Мнемоном (Артаксеркса II. – И. С.), и написал «Персидские дела» (Περσικά) в 23 книгах». Наверное, необходимо сказать несколько слов в связи с используемым нами переводом названия главного труда Ктесия. Эта оговорка касается, в принципе, всех такого рода названий, нередких у древнегреческих историков (Αἰολικά, Λεσβιακά, Αἰγυπτιακά, κтл.). В оригинале стоят, понятно, просто прилагательные в обобщающем множественном числе среднего рода. Буквально их следовало бы передавать как «Персидское», «Эолийское», «Лесбосское», «Египетское» и т. п., но так не принято в русском узусе. Последовать примеру С.Я. Лурье, который ничтоже сумняшея перевел Ἑλληνικά Ксенофонта как «Греческая история»? Тогда получится «Персидская история»³, «Эолийская история», «Лесбосская история», «Египетская история» и т. п. Но нам это тоже не кажется оптимальным. Тот же трактат Ктесия содержал не только рассказ об истории Персии. Судя по всему, оно представляло собой комплексное описание страны, включавшее, помимо изложения исторических событий, характеристику природных условий, населения и его обычаев, разных местных «дикивинок». Исходя из вышесказанного, мы предпочли тот вариант перевода, который представляется нам наиболее расширительным и нейтральным.

Ctes. FGrHist. 688. T2 (из Страбона): «Книд... Оттуда – и Ктесий, вылечивший Артаксеркса и написавший “Ассирийские дела” и “Персидские дела»». Здесь допущена некоторая неточность:

³ Кстати, новейший издатель Περσικά Стронк [Stronk 2010] так и передал название сочинения – “Persian History”. Коль речь зашла об изданиях Ктесия, мы должны оговорить, что ни в коем случае нельзя назвать устаревшим и образцовое издание великого Якоби. См.: *Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker (F Gr Hist). Tl. 3: Geschichte von Staedten und Voelkern (Horographie und Ethnographie). C. Autoren ueber einzelne Laender. Nr. 608a–856 (Bd. 1: Aegypten – Geten, Nr. 608a–708). Leiden: Brill, 1958. P. 416–517.*

сочинения «Ассирийские дела» (у Страбона Ἀσσυρικὰ, хотя чаще встречалось написание Ἀσσυριακὰ). В качестве такового могло восприниматься начало (первые несколько книг) «Персидских дел» (см. ниже в связи со свидетельством Т8).

Ctes. FGrHist. 688. Т3 (из Диодора Сицилийского): «А Ктесий Книдский по времени был тогда же, когда поход Кира на своего брата Артаксеркса; став пленником и за знание врачебного искусства оставленный царем у себя, он прожил там семнадцать (?) лет, почитаемый им». Вопросительный знак поставлен Якоби, который считает, что число здесь испорчено и в аппарате предлагает (тоже со знаком вопроса) «семь».

Ctes. FGrHist. 688. Т4 (из Галена): «Ктесий Книдский, его (врача Гиппократа. – *И. С.*) родственник (συγγενής): ведь и он был родом Асклепад». Информация о родстве между Ктесием и Гиппократом содержится только в этом свидетельстве. Впрочем, само это «родство», возможно, следует толковать в самом общем и широком смысле (тем более что они не были даже земляками-согражданами): Гален мог иметь в виду попросту то, что оба автора, будучи медиками, по самому своему статусу считались потомками Асклепия.

Ctes. FGrHist. 688. Т5а (из «Хроники» Евсевия, под 1-м годом 95-й олимпиады, т. е. 400/399 г. до н. э.): «Становятся знаменитыми Ксенофонт, сын Грилла, и Ктесий». Данное свидетельство нельзя назвать особенно информативным, да и дата в нем предложена в достаточной мере условная, приблизительная.

Ctes. FGrHist. 688. Т5b (из «Библиотеки» патриарха Фотия): «А в расцвете он (Ктесий. – *И. С.*) был⁴ во времена Кира, родившегося от Дария и Парисатиды, того, что приходился братом Артаксерксу, к которому перешла персидская царская власть».

Затем идут несколько свидетельств (в основном они взяты из «Артаксеркса» Плутарха, хорошо известны и не нуждаются в цитировании), восходящих к повествованию самого Ктесия (Т6а–b, Т7а–d), в которых говорится о том, как будущий историк был при царе во время битвы при Кунаксе, как он потом пытался помочь вождю наемников Кира Младшего спартанцу Клеарху и как, наконец, возвратился в Грецию. А вот на следующем свидетельстве необходимо остановиться подробнее – оно представляется важным.

Ctes. FGrHist. 688. Т8 (из «Библиотеки» Фотия): «Была прочитана книга Ктесия Книдского “Персидские дела” в 23 книгах. Но в первых 6 он разбирает ассирийские дела и те, что были до персидских, а вот начиная с 7-й излагает персидские. И в книгах

⁴ В оригинале ἦκτασε.

7-й, 8-й, 9-й⁵, 10-й, 11-й, 12-й и 13-й он рассказывает о событиях при Кире, Камбисе, маре (Лже-Смердисе. – И. С.), Дарии и Ксерксе, почти во всех случаях повествуя противоположное Геродоту, более того – во многих случаях изобличая его как лжеца и обзывая сочинителем басен. Сам-то ведь он был позже Геродота. Он говорит, что был очевидцем большей части того, о чем повествует, или ему случилось слышать собственными ушами от самих персов о том, чего видеть ему было невозможно; и так-де он написал свою историю. Он излагает противоречащее не только Геродоту, но кое в чем разногласит (ἐπ’ ἐνίον διαφωνεῖ) и с Ксенофонтом, сыном Грилла. А в расцвете он был...». Далее следует пассаж, помещенный выше, как свидетельство T5b.

Именно из этого сообщения мы узнаем точное количество книг в главном труде Ктесия, и оно, нужно сказать, оказывается весьма изрядным. Пожалуй, «Персидские дела» на момент своего появления были самым значительным по объему прозаическим сочинением на древнегреческом языке. И действительно, что можно сказать о размерах трактатов его предшественников? «Истории» (именно так, Ἱστορία) Ферекида Афинского, увидевшие свет в 450-х гг. до н. э., состояли из 10 книг. В «Истории» Геродота, как известно, их 9, а в произведении Фукидида – 8. Можно еще упомянуть «Сицилийские дела» Антиоха Сиракузского в 9 книгах, завершённые к концу 420-х гг. до н. э. Только позже пришло время для гигантских исторических «полотен» (30 книг во «Всеобщей истории» Эфора, 58 книг в Φιλῆλικά Феопомпа).

Фотий указывает также, как видим, на ярко выраженную «антигеродотовскую» тенденцию труда Ктесия. В том, что касается событий Греко-персидских войн и более ранних, она действительно просто-таки бросается в глаза и была, несомненно, совершенно сознательной. С другой стороны, специального намерения спорить с Ксенофонтом Ктесий, может быть, и не имел (да, строго говоря, и неизвестно, появились ли его «Персидские дела» раньше или позже «Анабасиса»), а отмеченные византийским патриархом разногласия имели причиной то, что два автора смотрели на поход Кира, так сказать, из разных лагерей. К тому же, если можно так выразиться, с разных точек зрения и с разного расстояния: Ксенофонт был в рядах греческой фаланги Кира, непосредственно к царю не приближавшейся, Ктесий – рядом с Артаксерксом.

Итак, книдский врач уже в силу своего положения был лицом, вхожим в самые интимные покои персидского царя и членов его семьи (наиболее тесно он, судя по всему, общался с царицей

⁵ «9-й» – необходимая конъектура Якоби (текст здесь испорчен).

Парисатидой, которую и сам в ряде мест прямо называет своим информатором⁶ и на которую, похоже, он даже имел определенное влияние⁷), посвященным во многие тайны и интриги этого двора. Таким образом, взгляд Ктесия на ахеменидскую монархию был взглядом эллина, но, так сказать, «внутреннего эллина», взглядом изнутри (в плане реалий) и одновременно извне (в цивилизационном плане). Иранскому культурному влиянию он практически не подвергся, Персия оставалась для него чужой страной. И по возвращении на родину он решил ближе познакомить своих соплеменников с этой страной, тем более что о нем уже, несомненно, сложилось мнение как о человеке, обладающем, как ныне выражаются, «инсайдерской информацией».

Впрочем, как историк Ктесий пользовался и пользуется заслуженно низкой репутацией. Его лживость постоянно отмечалась уже античными авторами. Несколько примеров. Ctes. FGrHist. 688. T11a (из Страбона): «Уж скорее кто-нибудь сможет поверить Гесиоду и Гомеру, когда они рассказывают о героях, или авторам трагедий, чем Ктесию, Геродоту, Гелланику и другим писателям такого рода». Ctes. FGrHist. 688. T11b (тоже из Страбона): «А Феопомп честно признается, говоря, что в своих исторических сочинениях будет рассказывать и мифы; это лучше, чем поступать так, как Геродот, Ктесий, Гелланик и те, кто описывал индийские дела». Правда, здесь «на одну доску» с Ктесием поставлены представители исторической мысли, которых обычно воспринимают куда более всерьез. Хотя традиция о «Геродоте-лжеце» тоже ведь восходит уже к античности [Суриков 2011, с. 212–231], и периодически ее пытаются возрождать и поныне (один из последних примеров, весьма шумевший, – книга Д. Фелинга⁸, гиперкритицизму которого, впрочем, была дана достойная отповедь [Pritchett 1993]).

Порицаний, высказанных за выдумки конкретно Ктесию, безусловно, больше, чем адресованных кому-либо из других древнегреческих историков. Согласно Аристотелю (Ctes. FGrHist. 688. T11f), он «не заслуживает доверия» (οὐκ ὄν ἀξίωπιτος). По формулировке Плутарха (Ctes. FGrHist. 688. T11d), он «вставил в свои книги пе-

⁶ Например: Ctes. FGrHist. 688. F15 (из Фотия): «И историк говорит, что сам слышал это от самой этой Парисатиды».

⁷ В частности он воспользовался этим влиянием, чтобы несколько облегчить положение пленного Клеарха (Ctes. FGrHist. 688. F27).

⁸ Вначале вышла на немецком [Fehling 1971] и долгое время оставалась практической незамеченной, но после появления английского перевода [Fehling 1989] привлекла к себе значительное внимание.

стрый набор невероятных и безумных вымыслов» (μύθων ἀπιθάνων καὶ παραφόρων ἐμβέβληκεν εἰς τὰ βιβλία παντοδαπὴν πωλαίαν). А вот характеристика Лукиана (Ctes. FGrHist. 688. T11h), правда, относящаяся к другому сочинению книдянина: «Ктесий, сын Ктесиоха, книдянин, который написал о стране индийцев и о том, что у них происходит, хотя ни сам этого не видел и не слышал от кого-нибудь другого, кто был бы правдив».

Периодически предпринимаются попытки «реабилитировать» Ктесия как источник (один из недавних примеров: [Габелко, Рунг 2020]), показать, что, например, даже из его «версии» Греко-персидских войн (в которой Платейская битва предшествует Саламинской, Ctes. FGrHist. 688. F13), можно почерпнуть какой-то достоверный и полезный материал. Однако уже давно по этому поводу Дж. Бигвудом было категорично, но справедливо сказано: «Независимо от того, каковы были источники Ктесия и методы, использовавшиеся Фотием при сокращении <его труда>, во всем повествовании о войнах содержится чрезвычайно мало того, что могло бы быть правдой, и нет вообще ничего, свидетельствующего о стремлении <автора> к истине и тщательному исследованию фактов. Вместо этого мы обнаруживаем все, что обычно связывается с Ктесием, – безумные данные о численности армий, неузнаваемых персонажей, упрощения, удивительную путаницу, хронологию, которая сбивает с толку, некоторую меру анахронизма и определенную степень пристрастности, а как результат – качество, являющееся специфической чертой поздних рассказов о <Греко-персидских> войнах, и стремление к сенсационному, которое начинается отнюдь не с Эфора. Оно присутствует уже у Ктесия» [Bigwood 1978, p. 36].

Мы здесь подписались бы буквально под каждым словом. Вообще говоря, все свидетельства о Греко-персидских войнах (имеем в виду период от их начала до 479–478 гг. до н. э.), которые не восходят к Геродоту и не находят подтверждения с его стороны, должны априорно ставиться под подозрение (поскольку непонятно, откуда бы такая информация могла быть взята). А уж к свидетельствам, *прямо противоречащим* данным Геродота, сказанное относится а fortiori. Ктесий же, как отмечалось выше, сознательно писал «в пику» великому галикарнасцу.

Один современный исследователь [Meurer 2018] дает несколько более высокую оценку рассказу Ктесия об афинской экспедиции в Египет в конце 460–450-х гг. до н. э. (Ctes. FGrHist. 688. F14). Здесь нужно оговорить, что Геродот до этой фазы вооруженного конфликта между эллинами и Ахеменидской державой в своем повествовании не дошел, Фукидид же дает упомянутый эпизод лишь

в предельно конспективном изложении (Thuc. I. 104, 109–110). Так что сравнивать Ктесиев пассаж, в общем-то, почти и не с чем. Но допустим даже, что здесь он действительно сохранил какие-то крупицы истины. Даже ученый, отстаивающий эту точку зрения, в конце своей статьи вынужден признать, что в данном случае перед нами редчайшее, экстраординарное исключение, а в целом книдский историк критикуется за вымыслы совершенно справедливо [Meyer 2018, p. 57].

Другой пример. В эпитоме Фотия «Персидские дела» Ктесия завершаются перечнем переходов на «Царской дороге» (Ctes. FGrHist. 688. F33). Это выглядит признаком научного метода. Но то, что в трактате действительно содержался такой перечень, да еще в качестве «последнего аккорда» труда, недавно было поставлено под серьезное сомнение: «Трудно представить, чтобы такой красочный автор, как Ктесий, закончил свою работу прозаическим списком расстояний» [Almagor 2020, p. 161]. Соответственно, здесь предполагается чья-то интерполяция, ко Ктесию отношения не имеющая [Almagor 2020, p. 164].

Что касается пресловутой «красочности» нашего автора – она-то как раз неоднократно констатировалась ценителями. Опять же приведем несколько суждений. Ctes. FGrHist. 688. T12 (из Дионисия Галикарнасского): «Ведь слог Фукидида и Антифонта из Рамнунта является красивым... будучи не очень-то приятным. А вот слог историка Ктесия Книдского и сократика Ксенофонта в высшей степени приятен, но не красив в той мере, в какой следовало бы (я имею в виду – по большей части, но не всякий раз, поскольку некоторые места и у первых звучат приятно, и у вторых – красиво). А слог Геродота имеет обе эти черты, он и приятен, и красив». Ctes. FGrHist. 688. T13 (из Фотия): «А историк этот очень ясен и прост, поэтому у него повествование сопряжено с приятностью. Он пользовался ионийским диалектом, хотя и не в полной мере, подобно Геродоту, а в некоторых выражениях; и он, в отличие от того, не делает в изложении неуместных отступлений. Побасенки, за которые его упрекают, ему действительно не чужды, и особенно в приписываемых ему “Индийских делах”. Приятность его истории заключается по большей части в обработанности рассказов, в которых много страстного и неожиданного, и в умении разукрасить их вещами, близкими к баснословным. И его изложение свободно сверх необходимости, так что даже впадает в просторечие. А сочинение Геродота этой и иной мощью выражений и мастерством являет собой образец ионийского диалекта».

Особенно показательна характеристика, данная Деметрием, ритором I в. н. э. (Ctes. FGrHist. 688. T14): «А прежде всего о жи-

восте: живость появляется, во-первых, из точности в выражениях и из того, чтобы ничего не пропускать и не сокращать... из происходящего и происшедшего, так что часто повторение придает большую живость, чем однажды сказанное... А что Ктесия из-за повторов упрекают в болтливости – то часто, допустим, и справедливо упрекают, но часто – потому, что не чувствуют живости этого мужа: ведь у него многократно одно и то же, будучи сказано дважды, приводит к большей выразительности, как в следующем случае. Некий Стриангей, муж-мидянин, сбив⁹ с коня сакскую женщину («ведь женщины-то у саков сражаются, словно амазонки»¹⁰), увидев, что эта сакидянка прелестна и молода, позволил ей спастись. А после этого, когда было заключено перемирие, он, влюбившись в эту женщину, не мог добиться успеха. Он решил уморить себя голодом, а перед тем пишет женщине письмо, упрекая ее таким образом: “Я тебя спас, и ты спаслась благодаря мне, а я благодаря тебе погиб”. И в целом этот поэт – а ведь его по справедливости можно назвать поэтом – является творцом живости во всем им написанном, например, и вот в каких словах. Следует о происшедшем говорить не сразу после того, как оно произошло, а спустя небольшое время, как бы подвешивая слушателя и заставляя его тревожиться. Так и делает Ктесий, изображая весть о смерти Кира. Ибо пришедший вестник не сразу говорит Парисатиде, что Кир погиб (ведь это означало бы, как говорят, выражаться по-скифски), а вначале возвестил, что он побеждает, а она возрадовалась и встревожилась; после этого она спрашивает: “А что с царем?”. Вестник говорит: “Он бежал”. А она, подхватив: “Ведь Тиссаферн виновен в этом перед ним”. И снова спрашивает: “А где теперь Кир?”. Вестник отвечает: “Там, где подобает отдыхать добрым мужам”. И так он продвигается понемногу и постепенно, и вдруг у него как бы с трудом вырываются главные слова. Автор очень характерно и живо изобразил вестника, против своей воли сообщающего о несчастье, и дал слушателю почувствовать тревогу матери».

Только что процитированное свидетельство чрезвычайно ценно. Тут стиль Ктесия перед нами буквально как на ладони, в то время как из сухой эпитомы Фотия о нем, конечно, нельзя составить должного представления. Но вот ведь что бросается в глаза: Ктесия даже и хвалят с оговорками, как бы с некоей оглядкой на общую его репутацию как недобросовестного писателя. Для Дионисия

⁹ Здесь уместнее глагол, а не причастие. Поэтому Якоби в аппарате предлагает (со знаком вопроса) исправить на «сбил».

¹⁰ Дословная цитата из Ктесия.

Галикарнасского его слог «приятен, но не красив», и Геродот им ставится выше. Фотий тоже отмечает «приятность» Ктесия, но при этом оговаривает, что он пишет уж слишком свободно, вплоть до элементов просторечия. Деметрий указывает, что Ктесия упрекают в болтливости, причем часто эти упреки справедливы.

* * *

А теперь, начав «за упокой», продолжим «за здравие». В той части труда Ктесия, в которой он выступает *как историк*, то есть излагает факты прошлого, перед нами даже не «античный Александр Дюма-отец», а «античный барон Карл-Фридрих-Иероним фон Мюнхгаузен», и опора на него как на источник чревата огромными опасностями. Однако в «Персидских делах» есть и часть, в которой автор являет себя в роли не историка в собственном смысле слова, а скорее *мемуариста*, то есть повествует о делах, которые имели место на его памяти. И в этой части (от 18-й книги и до конца) ситуация в значительной степени меняется: перед нами появляются *свидетельства* в самом буквальном смысле слова, то есть показания человека, который либо лично был прямым *свидетелем* событий, либо узнал о них из первых рук. На этих-то пассажах мы и остановимся в дальнейшем, рассмотрев их, понятно, выборочно. Некоторые фрагменты книг, о которых идет речь, сохранены Плутархом в биографии Артаксеркса II; они хорошо знакомы любому антиковеду, и долго говорить о них не приходится. Куда менее известны фрагменты из эпитомы Фотия (Phot. Bibl. cod. 72), и к ним надлежит обратиться в приоритетном порядке.

С 18-й книги начинается у Ктесия рассказ о тех монарших особах, которых он, прибыв к ахеменидскому двору в 416 г. до н. э. и убыв оттуда в 399 г. до н. э., знал лично: Дарий II, его супруга (впоследствии вдовствующая царица-мать) Парисатида, Артаксеркс II, его жена Статира, его младший брат Кир. Помимо них, перед нашими глазами проходит немало второстепенных персонажей – вельмож, придворных евнухов и т. д.

Во фрагменте F15 (из Фотия), первом дошедшем до нас из 18-й книги, говорится о событиях, имевших место после кончины Артаксеркса I в 424 г. до н. э. Наследовал покойному Ксеркс II, «который был у него единственным законнорожденным от Дамаспии, а она ушла из жизни в тот день, когда умер и Артаксеркс¹¹». Тут заходит речь и об Охе, будущем Дарии II. Кстати, интересно, что у Ктесия имена Дария I и Дария II пишутся по-разному: в первом

¹¹ Исправление издателей из явно ошибочного «Ксеркс».

случае Δαρειός (чаще всего Дарий I появляется во фрагменте F13), во втором – Δαρειαῖος, т. е. как бы «Дарией». Мы все-таки будем в дальнейшем и применительно к этому царю использовать общепринятое написание «Дарий».

Ох-Дарий впервые появляется в тексте как сатрап Гиркании. О нем говорится, что он был одним из 17 незаконнорожденных сыновей Артаксеркса I, «среди которых – и Секиндиан (Σεκυνδιανός) от вавилонянки Алогуны, и Ох, и Арет (Ἄροίτης) от Космартидены (Якоби предполагает, что имя, возможно, испорчено), тоже вавилонянки». Из способа выражения Ктесия в этом месте не вполне понятно, была ли его матерью та же Алогуна, которая родила Артаксерксу сына со странным «римским» именем, которое можно даже передать как «Секундиан», или какая-то другая женщина. Впрочем, далее вопрос становится несколько яснее: тут же названа царская дочь Парисатида и сказано, что она – «от Андрии, тоже вавилонянки», а чуть ниже мы узнаём, что Оху отец дал «жену по имени Парисатида, которая приходилась Артаксерксу¹² дочерью, а ему самому – родной сестрой (ἀδελφὴ δὲ οἰκεία)». «Родная сестра», насколько можно судить, обозначает здесь полную, а не единокровную сестру, и выходит, что матерью как Парисатиды, так и Оха являлась вавилонянка, получающая у Ктесия эллинизированное имя Андрия.

Все эти генеалогические сплетения, возможно, поведала лейб-медику сама Парисатида в беседах с ним: от кого-то из мужчин царского дома трудно было бы ожидать подобных откровений, тем более что из них вырисовывался малоблаговидный факт «нечистого» происхождения данной линии Ахеменидов. Кстати, афишировать этот факт было совершенно не с руки не только Дарию II или Артаксерксу II, но и самой Парисатиде. Поэтому мы не исключаем, что рассказчицей была другая женщина из числа тех, которых лечил Ктесий, а именно Статира. Известна непримиримая вражда, которая существовала между нею и Парисатидой, и невестка вполне могла говорить дурное о свекрови, тем более что у самой Статире в этом плане все было безупречно: она принадлежала пусть не к царскому, но к одному из знатнейших персидских родов, восходящему к Гидарну (у Ктесия он Идерн), одному из семи убийц Лже-Смердиса.

Впрочем, когда через какие-нибудь 45 дней после смерти Артаксеркса I Секиндиан при содействии евнуха Фарнакия устранил единственного его законного сына Ксеркса II («случилось так, что обоих (Артаксеркса I и Ксеркса II. – И. С.) доставили в страну пер-

¹² Исправление издателей из ошибочного «Ксерксу».

сов одновременно: ведь влекшие повозку с Артаксерксом мулы не хотели идти, как будто дожидаясь тела сына, а когда оно прибыло – пошли с охотой»), уже ни один царь Персии не мог быть вполне чистокровным. Не приходится сомневаться в том, что именно совершенное Секиндианом убийство пробудило амбиции и у гирканского сатрапа Оха («А чем я хуже?». На призывы Секиндиана явиться к его двору он отвечает неопределенными обещаниями, тянет время, а сам тем временем собирает войско, переманивает на свою сторону ряд виднейших вельмож и влиятельных евнухов, в конце концов коронуется, принимая имя Дария, обманом захватывает («по совету Парисатиды», оговаривает Ктесий) единокровного брата (правление Секиндиана продолжалось шесть с половиной месяцев) и уничтожает его.

Так начинается в «Персидских делах» повествование о «быте и нравах иранской монархии», и дальше оно разворачивается в том же духе: следует череда отталкивающих эпизодов – коварство и жестокость, интриги придворных и мятежи царских родичей, казни и пытки... «Был побит камнями и Фарнакий, который участвовал в убийстве Ксеркса Секиндианом. Был убит царем и Меностан, уже арестованный для казни», и т. п. Не приходится сомневаться в том, что любой грек, прочитавший это, составлял себе представление об Ахеменидской державе как о некоем «антимире» по сравнению с миром свободных эллинских полисов, как об обществе, в котором никто не может быть уверен в завтрашнем дне.

«Итак, единственным царем становится Ох, он же и Дарий. При нем были в силе три евнуха: могущественнейший – Артоксар, второй – Артибарзан, а третий – Афой. Но в наибольшей степени советником царя была его жена, от которой до воцарения он имел двух детей: дочь Аместриду и сына Арсака¹³, который позже был переименован в Артаксеркса. Уже будучи царицей, она рождает ему другого сына и дает ему имя Кир – в честь солнца. Затем рождает Артоста и далее остальных, всего тринадцать детей. И историк говорит, что сам слышал это от самой этой Парисатиды. Но большинство детей быстро умерли, а в живых остались названные выше и еще четвертый сын, названный Оксендром».

Подробно пересказывать с пространным цитированием следующие излагаемые Ктесием перипетии мы, конечно, не будем: это заставило бы нас значительно превысить лимит объема, определенный для статей в настоящем издании. Поэтому придется перейти на несколько конспективный стиль. Итак, далее во фрагменте F15 упомянуты следующие события:

¹³ Встречается также написание «Арсик» (например: Plut. Artax. 1).

1. Мятеж царского брата Арсита и вельможи Артияфия. Оба схвачены и казнены. В эпизоде значительную роль играет Парисатида. Вначале она подкашивает Дарию, как обманом побудить Арсита сдаться. Затем она активно участвует и в решении его участи: «...Арсита царь не хотел губить. Но Парисатида – отчасти убеждением, а отчасти и принуждением – добила его гибели».

2. Мятеж сатрапа Лидии Писсуфна. Последний с помощью подкупа схвачен и казнен. Его сатрапия передана Тиссаферну.

3. Заговор евнуха Артоксара. Заговорщик «изобличается, берется под стражу, передается Парисатиде, а та его убивает».

4. Женитьба наследника престола Арсака (будущего Артаксеркса II) на Статире, дочери Гидарна, и одновременный брак Теритухма, сына Гидарна, и Аместриды, дочери Дария II. Мятеж Теритухма и его гибель. Его родственники (мать, братья и сестры) по приказу Парисатиды подвергаются жестокой расправе. Из всей семьи подобной участи избегает только Статира, да и то благодаря заступничеству своего мужа: «...царь сказал своей жене Парисатиде, чтобы она поступила так же и со Статирой, женой их сына. Но Арсак, со своей стороны, стал настойчиво умолять мать и отца, плача и бия себя в грудь; когда Парисатида смягчилась, уступил и Ох-Дарий, сказав, что она сильно раскается в этом».

Таково содержание 18-й книги «Персидских дел», которая, как видим, целиком охватила царствование Дария II; 19-я начинается с его смерти, и с этого момента Ктесий начинает вести рассказ с гораздо большей степенью детальности, чем прежде: если почти двадцатилетнему правлению Дария посвящена одна книга, то для изложения происходившего всего лишь в первые шесть лет пребывания на престоле его сына (до отъезда автора в Грецию) ему потребовалось четыре. Конечно, одна из причин перемены в том, что именно на эти годы пришелся мятеж Кира Младшего, воспринимавшийся современниками как весьма значительное событие. Впрочем, всеми ли современниками? В принципе, в Ахеменидской державе мятежи царских братьев были делом едва ли не обыденным. Вспомним: только что шла речь о мятеже Арсита против Дария II, и сказано о нем было весьма кратко. А вот дела, связанные с Киrom, развернуты у него просто-таки в настоящий роман. Дело, думается, в том, что греческих авторов (и читателей) волновало прежде всего то, что имело какое-нибудь отношение к грекам. Последнее в полной мере относится к Киру, который был филэллином, наиболее боееспособную часть своих вооруженных сил набрал из эллинов, да и на царя отправился, в сущности, из эллинских земель (из Эфеса, Xen. Anab. II. 2. 6). Можно сказать, что поход Кира восприни-

мался греками как событие *их* истории¹⁴, а о мятеже Арсита этого не скажешь¹⁵.

Итак, рассмотрим дальнейшие фрагменты. Фрагмент F16 (из Фотия) содержит информацию из 19-й и 20-й книг «Персидских дел». Вот основные упомянутые в нем факты.

1. Смерть Дария в Вавилоне, воцарение Арсака, принявшего имя Артаксеркса. Из дальнейшего видно, что в связи с этим значительно возросло влияние Статиры, несколько отодвинувшей Парисатиду на второй план.

2. Мучительная казнь по настоянию Статиры вельможи Удиаста, в свое время убившего Теритухма – брата новой царицы; возвышение Митридата, сына Удиаста, отрекшегося от отца и до конца оставшегося верным Теритухму. «А Парисатида огорчалась (καὶ ἠνείθε Παρυσάτις)», – добавляет историк.

3. Кир обвинен Тиссаферном в покушении на жизнь царя, подвергается унижениям, но благодаря заступничеству Парисатиды избегает смерти и отправлен в свою сатрапию, в Малую Азию (у Фотия изложено предельно кратко; ср. красочный рассказ у Плутарха, взятый из того же Ктесия, Plut. Artax. 2–4).

4. Казнь вельможи Оронда, обвиненного в любовной связи с Парисатидой («хотя она была чрезвычайно целомудренной», καίτοι λίαν αὐτῆς σφρονοῦσης). За этот поступок вдовствующая царица гневается на Артаксеркса.

5. Парисатида с помощью яда убивает сына Теритухма, то есть племянника Статиры, – очередной раунд в «схватке» двух женщин. Далее следует фраза, не вполне ясная вне контекста: «И о том, кто

¹⁴ Кстати, в случае победы Кира (а ее возможность была вполне реальной) он мог бы действительно стать этапным событием в том числе и истории Древней Греции. На ахеменидском троне оказался бы человек, который свою любимую наложницу переименовал в Аспасию, – стало быть, даже знал о знаменитой подруге Перикла, носившей это имя. Он явно увлекался всем эллинским, всем «западным», был персидским аналогом нашего Петра I. Он мог бы повести Персию по новому пути, сделать свой двор греческим (и по персональному составу, и по манерам), – одним словом, уже с него могло бы начаться то, что называют эллинизмом на Востоке.

¹⁵ То некоторое (небольшое) участие греков в мятеже Арсита, которое имело место, Ктесий, разумеется, отмечает во фрагменте F15: царский полководец Артасир, воевавший против Арсита и Артифия, «дарями» (δόροις), т. е. подкупом, переманил на свою сторону бывших при тех эллинов (несомненно, наемников), так что верными мятежникам остались только три милетянина.

похоронил отца посредством огня вопреки закону; отсюда – и избличение Гелланика и Геродота, что они лгут». Имеется в виду, что кто-то сжег тело отца на погребальном костре (у персов-зороастрийцев такое употребление огня запрещалось как оскверняющее его святыню). О ком идет речь – из сжатой эпитомы Фотия непонятно; соответственно, остается несколько загадочным и смысл «избличения» Ктесием Гелланика и Геродота. В связи с упоминанием Гелланика можно отметить, что среди многочисленных сочинений последнего¹⁶ был и трактат с таким же названием, что и у Ктесия, – *Περσικά*, «Персидские дела». Он принадлежит ко второй, «этнографической» тематической группе трудов этого историка¹⁷ и, по нашим расчетам, должен был быть создан около середины V в. до н. э. или чуть позже¹⁸. Сохранившиеся от него фрагменты, к сожалению, не слишком информативны; в них повествуется в основном о делах легендарных (Hellan. FGrHist. 4. F59–60, F63, F177), об обычаях персов (Hellan. FGrHist. 4. F178), либо трактуются частные топографические проблемы (Hellan. FGrHist. 4. F61–62, F179). Лишь в нескольких речь идет о перипетиях истории Персидской державы и/или о Греко-персидских войнах (Hellan. FGrHist. 4. F180–183).

Вернемся ко Ктесию, к продолжению разбора его фрагмента F16. Далее и до конца этого фрагмента следует повествование о мятеже Кира и его последствиях. Фотий опускает подавляющее большинство деталей (их мы узнаём из «Артаксеркса» Плутарха), сохраняя лишь единичные (в частности, что у убитого Кира отрубили голову и руку). Нужно сказать, в этом месте его пересказ вообще похож на какой-то конспект (даже подчас без соблюдения литературных грамматических конструкций), например: «...сбор эллинского и варварского войска; и Клеарх – полководец эллинов;

¹⁶ Лучшими, наиболее пространными работами о Гелланике в мировой историографии остаются два довольно давних текста: большая энциклопедическая статья Ф. Якоби (*Jacoby F. Hellanikos // Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa. Hbd. 15: Helikon – Hestia / Hg. von W. Kroll. Stuttgart: J.V. Metzler, 1912. P. 104–153*) и глава в монографии Л. Пирсона «Ранние ионийские историки» [Pearson 1975, p. 152–235] (ссылаемся на доступное нам переиздание, впервые книга вышла в 1939 г.). Из отечественной литературы см. [Суриков 2021].

¹⁷ Общепринятую и поныне классификацию наследия Гелланика см.: *Jacoby F. Hellanikos. P. 112–113.*

¹⁸ Характерно, что примерно тогда же еще два весьма видных представителя раннего историописания – Дионисий Милетский и Харон Лампсакский – тоже написали *Περσικά* [Balcer 1987, p. 25].

и о том, что Сиеннесий, царь киликийцев, был союзником обоим, и Киру, и Артаксерксу; и о том, как Кир увещевал свое войско, а Артаксеркс опять же – свое. А лакедемонянин Клеарх, который командовал эллинами, и фессалиец Менон, бывшие при Кире, всегда были друг другу враждебны, потому что с Клеархом Кир во всем советовался, а слово Менона ничего не значило. От Артаксеркса к Киру пришло много перебежчиков, а от Кира к Артаксерксу – ни одного».

В подобном «телеграфном» стиле сообщив о походе царевича, эпитоматор затем приводит куда больше подробностей, связанных с поведением Парисатиды (которая, как известно, любила Кира сильнее, чем его старшего брата). Царица получает голову и руку погибшего Кира; затем она, по обыкновению, начинает мстить тем людям, которые были непосредственно причастны к его насильственной кончине; так, Багапата, который изувечил труп, она выигрывает в кости у Артаксеркса и приказывает распять его, предварительно содрав с него кожу. «Тогда у нее прекратилась сильная скорбь по Кире, потому что ее очень просил об этом Артаксеркс». С другими убийцами Кира (а убивали его долго и постепенно, см. Plut. Artax. 11–13) расправился, по сути, сам царь, поскольку они хвастались своими деяниями, а он хотел присвоить эту честь себе. В частности, он «по просьбе Парисатиды передал ей Митридата, похвалявшегося за столом, что он убил Кира, а она, получив его, жестоко умертвила» (детали опять же у Плутарха, Plut. Artax. 14–17).

Следующий фрагмент «Персидских дел», происходящий из Фотия, – F27, относящийся к 21-й и 22-й книгам. В его начале еще продолжается рассказ о походе Кира, точнее, о судьбе его греческих наемников. Речь идет о том, как Тиссаферн обманом захватил их стратегов, в том числе Клеарха, и отправил их в Вавилон. О Клеархе тут говорится больше всего, и по понятной причине: автор сам тесно общался с ним в узилище: «Как сам Ктесий, будучи врачом Парисатиды, когда Клеарх находился в тюрьме, много через нее сделал, чтобы уход за Клеархом был ему приятен. Парисатида освободила бы его из узилища и отпустила бы, если бы Статира не склонила Артаксеркса убить этого мужа». В связи с казнью Клеарха историк вводит элемент чудесного (могильный холм, насыпанный ветром над его телом).

Наконец, перед нами проходит колоритнейший эпизод – отравление Парисатидой Статиры. Тут уж даже Фотий, обычно не склонный к сантиментам, не удерживается от того, чтобы изложить подробности: «Одна сторона ножа намазывается ядом (при том, что на другой стороне ножа его не было), этим ножом режется маленькая птичка, размером с яйцо (эту птичку персы называют

риндаком). А режется она надвое, и половину, чистую от яда, берет и съедает Парисатида, а ту, которая соприкасалась с ядом, протягивает Статире; та, поскольку видела, как дающая ей эту половину сама ест другую, не могла ни о чем догадаться, и вкушает пищу, содержащую смертельный яд. Гнев царя на мать, последовавший из-за этого...» и т. д.

Небольшой фрагмент F30 посвящен делам внешнеполитическим. В нем появляются царь Саламина Кипрского Евагор и нашедший у него убежище после катастрофы при Эгоспотамах афинский полководец Конон, желавший поступить на персидскую службу и в конце концов прикомандированный к Фарнабазу, следствием чего стала в дальнейшем битва при Книде 394 г. до н. э., лишившая Спарту гегемонии на море (но об этом, понятно, в «Персидских делах» говорить уже не могло). Письмо Конона к Артаксерксу было передано именно через Ктесия; впрочем, уже в античности считалось, что лейб-медик приукрасил свою роль в данной ситуации (Plut. Artax. 21). Дело кончилось тем, что Ктесий, посланный царем с ответным письмом к Конону (а также с письмом к спартамцам, с которыми у Персии как раз тогда начиналась война), в конечном счете оказался на родине, в Книде.

Совсем уже краток завершающий фрагмент F33 (из 23-й книги), который можно привести целиком: «Число переходов, дней пути, парасангов от Эфеса до Бактр и Индики. Перечень царей от Нина и Семирамиды до Артаксеркса. На этом и конец». Впрочем, как отмечалось выше, все это может представлять собой интерполяцию, составленную в качестве итогового резюме каким-нибудь издателем «Персидских дел», и в таком случае Ктесий оканчивал труд своим возвращением домой.

Итак, ценность сохранных Фотием фрагментов интересующего нас автора заключается прежде всего в том, что они в своей совокупности являют целостное, последовательное изложение содержания его главного сочинения. Сочинение же это, – подчеркнем, именно в той его части, которая была рассмотрена в данной статье (с 18-й книги) – может служить источником по делам ахеменидского двора в период пребывания при нем Ктесия.

Литература

- Балахванцев 2020 – Балахванцев А.С. Споры об эллинизме // Восток. 2020. № 4. С. 21–31.
- Габелко 2018 – Габелко О.Л. Полемиические заметки об исторических судьбах греческого полиса в эпоху эллинизма // PENTHKONTAETIA: Исследования по

- античной истории и культуре: Сб., посвященный юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова / под ред. О.Л. Габелко, А.В. Махлаюка, А.А. Синецины. СПб.: Изд-во РХГА, 2018. С. 180–190.
- Габелко, Рунг 2020 – *Габелко О.Л., Рунг Э.В.* Византий и Калхедон во время скифского похода Дария I // *Аристей*. 2020. Т. 21. С. 139–155.
- Ладынин 2018 – *Ладынин И.А.* Понятие эллинизма в советской и постсоветской историографии: стадиальность и закономерность или историческая конкретность и случайность? // *Диалог со временем*. 2018. № 65. С. 185–206.
- Суриков 2011 – *Суриков И.Е.* Очерки об историописании в классической Греции. М.: Языки славянских культур, 2011. 504 с.
- Суриков 2021 – *Суриков И.Е.* К хронологии жизни и творчества историка Гелланика // *Вестник древней истории*. 2021. Т. 81. № 4. С. 837–862.
- Суриков 2022 – *Суриков И.Е.* О некоторых особенностях эллинистической цивилизации: полемические заметки // *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*. 2022. № 2. С. 44–60.
- Суриков 2023 – *Суриков И.Е.* Вновь к «спорам об эллинизме» // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2023. № 1 (79). С. 92–107.
- Almagor 2020 – *Almagor E.* The royal road from Herodotus to Xenophon (via Ctesias) // *Aršāma and his world. The Bodleian letters in context* / ed. by C.J. Tuplin, J. Ma. Vol. 3: *Aršāma's world*. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 147–185.
- Balcer 1987 – *Balcer J.M.* Herodotus and Bisitun. Problems in Ancient Persian historiography. Stuttgart: Steiner, 1987. 166 p.
- Bigwood 1978 – *Bigwood J.M.* Ctesias as historian of the Persian wars // *Phoenix*. 1978. Vol. 32. No. 1. P. 19–41.
- Fehling 1971 – *Fehling D.* Die Quellenangaben bei Herodot: Studien zur Erzählkunst Herodots. Berlin: De Gruyter, 1971. 198 S.
- Fehling 1989 – *Fehling D.* Herodotus and his “Sources”. Citation, invention and narrative art. Leeds: Francis Cairns, 1989. 277 p.
- Meyer 2018 – *Meyer E.* The Athenian expedition to Egypt and the value of Ctesias // *Phoenix*. 2018. Vol. 72. No. 1–2. P. 43–61.
- Pearson 1975 – *Pearson L.* Early Ionian historians. Westport: Greenwood Press, 1975. VIII, 240 p.
- Pritchett 1993 – *Pritchett W.K.* The Liar School of Herodotos. Amsterdam: J.C. Gieben, 1993. 359 p.
- Stronk 2010 – *Stronk J.P.* Ctesias' Persian history. Part 1: Introduction, text and translation. Düsseldorf: Wellem Verlag, 2010. 422 p.

References

- Almagor, E. (2020), “The royal road from Herodotus to Xenophon (via Ctesias)”, in Tuplin, C.J. and Ma, J., eds., *Aršāma and his world. The Bodleian letters in context, vol. 3: Aršāma's world*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 147–185.

- Balakhvantsev, A.S. (2020), "Disputes about Hellenism", *Oriens*, no. 4, pp. 21–31.
- Balcer, J.M. (1987), *Herodotus and Bisitun. Problems in Ancient Persian historiography*, Steiner, Stuttgart, Germany.
- Bigwood, J.M. (1978), "Ctesias as historian of the Persian wars", *Phoenix*, vol. 32, no. 1, pp. 19–41.
- Fehling, D. (1971), *Die Quellenangaben bei Herodot: Studien zur Erzählkunst Herodots*, De Gruyter, Berlin, Germany.
- Fehling, D. (1989), *Herodotus and his "Sources". Citation, invention and narrative art*, Francis Cairns, Leeds, UK.
- Gabelko, O.L. (2018), "Polemical notes on historical fates of the Greek polis in the period of Hellenism", in Gabelko, O.L., Makhlayuk, A.V. and Sinitsyn, A.A., eds., *ΠΕΝΤΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ: Issledovaniya po antichnoi istorii i kul'ture: Sbornik, posvyas-hchennyyi yubileyu Igorya Evgen'evicha Surikova* [ΠΕΝΤΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Studies of Ancient history and culture. A collection of articles on Igor Evgen'evich Surikov's anniversary], Izdatel'stvo RKhGA, Saint Petersburg, Russia, pp. 180–190.
- Gabelko, O.L. and Rung, E.V. (2020), "Byzantion and Calchedon during the Scythian campaign of Darius I", *Aristei*, vol. 21, pp. 139–155.
- Ladynin, I.A. (2018), "The notion of Hellenism in Soviet and post-Soviet research. A regular stage or an idiographic contingency?", *Dialogue with Time*, no. 65, pp. 185–206.
- Meyer, E. (2018), "The Athenian expedition to Egypt and the value of Ctesias", *Phoenix*, vol. 72, no. 1–2, pp. 43–61.
- Pearson, L. (1975), *Early Ionian historians*, Greenwood Press, Westport, USA.
- Pritchett, W.K. (1993), *The Liar School of Herodotos*, J.C. Gieben, Amsterdam, Netherlands.
- Stronk, J.P. (2010), *Ctesias' Persian history. Part 1: Introduction, text and translation*, Wellem Verlag, Düsseldorf, Germany.
- Surikov, I.E. (2011), *Ocherki ob istoriopisanii v klassicheskoi Gretsii* [Studies on historical writing in Classical Greece], Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia.
- Surikov, I.E. (2021), "On the chronology of the life and work of the historian Hellenicus", *Journal of Ancient History*, vol. 81, no. 4, pp. 837–862.
- Surikov, I.E. (2022), "On some peculiarities of the Hellenistic civilization. Polemical notes", *RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"*, Series, no. 2, pp. 44–60.
- Surikov, I.E. (2023), "Once again on 'disputes about Hellenism' ", *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, vol. 79, no. 1, pp. 92–107.

Информация об авторе

Игорь Е. Суриков, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-кт, д. 32а;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; isurikov@mail.ru

Information about the author

Igor E. Surikov, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32a, Leninsky Av., Moscow, Russia, 119334;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; isurikov@mail.ru

Гравюра 1666 г.
с изображением семейного древа русского царя
и европейское искусство XVI–XVII вв.:
визуальные параллели

Людмила Б. Сукина

*Институт программных систем им. А.К. Айламазяна РАН,
Переславль-Залесский, Россия, lbsukina@gmail.com*

Аннотация. В статье впервые рассматривается проблема европейских параллелей иконографической схемы, использованной для изображения семейного древа царя Алексея Михайловича на гравюре из книги архиепископа Лазаря Барановича «Меч духовный» 1666 г. Визуальная генеалогия, сформировавшаяся в культуре европейского Запада в XI–XIII вв., получила распространение в России только при втором государе династии Романовых. До начала XVIII в. она носила спиритуальный характер и была ориентирована на репрезентацию богоизбранности правящего рода. Исследуемое изображение царского древа включает только царя Алексея Михайловича с супругой и их детей. Корнем древа является киевский князь Владимир – креститель Руси. Точно установить образец этой иконографии практически невозможно, так как собрание гравюр Киево-Печерской типографии, где была издана книга и сделаны ее иллюстрации, полностью не сохранилось. Изучение материала западноевропейского искусства раннего Нового времени позволило выявить иконографически похожие изображения. Все они восходят к одному из вариантов «Древа Иессеева», произрастающего из тела легендарного предка. Наиболее близкой аналогией исследуемому царскому древу является гравюра белорусского мастера Александра Тарасевича «Род Полубинских» 1675 г. Ее анализ позволяет предположить, что заказчикам и граверам в восточноевропейских землях в XVII в. были доступны какие-то западноевропейские книжные и станковые гравюры, служившие для них общими иконографическими моделями.

Ключевые слова: русская культура XVII в., гравюра, визуальная генеалогия, царское древо, европейские параллели

Для цитирования: Сукина Л.Б. Гравюра 1666 г. с изображением семейного древа русского царя и европейское искусство XVI–XVII вв.: визуальные параллели // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 4. С. 32–45. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-4-32-45

Engraving from 1666
with the image of the family tree of the Russian Tsar
and European art of the 16th – 17th centuries.
Visual parallels

Liudmila B. Sukina

*The Program Systems Institute of RAS, Pereslavl-Zalessky, Russia,
lbsukina@gmail.com*

Abstract. The article is the first to consider an issue of European parallels of the iconographic scheme used to depict the family tree of Tsar Aleksei Mikhailovich in an engraving from the book by Archbishop Lazar Baranovich “The Spiritual Sword” of 1666. Visual genealogy, which was formed in the culture of the European West in the 11th – 13th centuries, became widespread in Russia only under the second sovereign of the Romanov dynasty. Until the beginning of the 18th century, it was spiritual in nature and was aimed at representing the ruling family as chosen by God. The studied image of the royal tree includes only Tsar Aleksei Mikhailovich with his wife and their children. The root of the tree is the Kiev Prince Vladimir, the baptizer of Rus’. It is almost impossible to accurately establish a sample for that iconography, since the collection of engravings of the Kiev-Pechersk Printing House where the book was published and its illustrations were made has not been completely preserved. Identifying the iconographically similar images was facilitated by the study in the Western European art material of the early Modern period. All of them go back to one of the versions of the “Tree of Jesse” growing from the body of the legendary ancestor. The closest analogy to the studied royal tree is the engraving of the Belarusian master Aleksandr Tarasevich “The Polubinsky Family” of 1675. Its analysis allows us to assume that customers and engravers in Eastern European lands in the 17th century had access to some Western European book and easel engravings that served as common iconographic models for them.

Keywords: Russian culture of the 17th century, engraving, visual genealogy, royal tree, European parallels

For citation: Sukina, L.B. (2025), “Engraving from 1666 with the image of the family tree of the Russian Tsar and European art of the 16th – 17th centuries. Visual parallels”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 32–45, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-4-32-45

Изображения генеалогических древ владетельных семейств с фигурами легендарных предков и членов правящей династии были характерным явлением средневековой культуры. Как показал

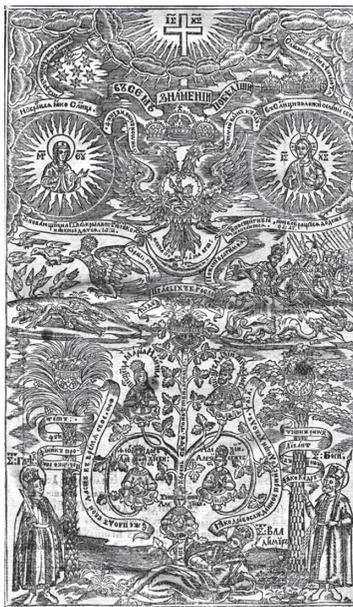
К. Клапиш-Зубер [Клапиш-Зубер 2002], в Западной и Центральной Европе визуальная генеалогия сформировалась в XI–XIII вв. и продолжала развиваться в последующее время, множа разнообразные иконографические схемы и подстраиваясь под требования новых стилей искусства (ренессанс, барокко). В России изображения родословных древ появились при царе Алексее Михайловиче. Они создавались исключительно для репрезентации генезиса самодержавной монархии, священного характера ее власти и представляли собой образцы спиритуальной генеалогии. Поэтому царские древа XVII в. зачастую включали персон, не находившихся в прямом и даже косвенном родстве с династией Романовых (древнерусских князей, государей старой династии Рюриковичей-Калитичей, многие из которых почитались во святых или приняли монашество перед кончиной, церковных иерархов). С помощью образов Христа и Богородицы, христианских символов их композиция подчеркивала богоизбранность царского рода и пребывание его под небесным покровительством. Как и визуальные родословия на средневековом Западе, изображения генеалогии царской власти в России XVII в. эксплуатировали различные варианты «Древа Иисева» (Родословия Иисуса Христа), но при этом их иконография была довольно разнообразной [Сукина 2022]. Поэтому каждое из них уникально, и источники, и параллели композиции каждого царского древа нуждаются в отдельном исследовании.

В данной статье мы рассмотрим в контексте европейской визуальной генеалогии XV–XVII вв. одно из самых известных изображений династического древа Романовых – выходную гравюру из сборника проповедей архиепископа Черниговского и Новгород-Северского Лазаря Барановича «Меч духовный» 1666 г.¹ (ил. 1). Издание было поднесено его составителем и издателем царю Алексею Михайловичу во время Московского церковного собора 1666–1667 гг. Иконография его титульного листа и гравюры «Род правых благословится» (так ее принято называть по заглавию стихотворного предисловия, которое она иллюстрирует, и по надписи на центральной ленте-бандероли, включенной в композицию) была составлена в надежде угодить государю и получить его покровительство (что и было достигнуто). Анализу семантики изображения на этой оригинальной иллюстрации к «Мечу духовному» мы посвятили специальное исследование [Сукина 2020, с. 119–123]²,

¹ *Лазарь (Баранович)*. Меч духовный. Киев, 1666.

² Титульный лист и иллюстрация «Род правых благословится» были награвированы неизвестным мастером специально для издания «Меча духовного» 1666 г. Все остальные гравюры, иллюстрирующие этот сборник

в котором рассмотрена и историография вопроса, и не станем возвращаться к данным проблемам. Установить точный круг образцов композиции, которыми могли воспользоваться заказчик и гравёр, крайне затруднительно, поскольку находившееся в их распоряжении собрание гравюр типографии Киево-Печерской лавры не сохранилось. Поэтому в настоящем исследовании мы сосредоточимся на поиске возможных иконографических параллелей.

Ил. 1. «Род правых благословится». Гравюра Лазарь (Баранович). Меч духовный. Киев, 1666. Л. 2

Гравюра из «Меча духовного» 1666 г.

Гравюра «Род правых благословится» представляет собой визуальный панегирик семье царя Алексея Михайловича. В предисловиях (двух прозаических и одном стихотворном) к «Мечу

проповедей, являются оттисками с досок мастера Илии, набор которых хранился в типографии Киево-Печерской лавры и неоднократно использовался при печати разных книг.

духовному» Лазарь Баранович описал этого государя, его супругу Марию Ильиничну (Милославскую) и их троих сыновей Алексея, Федора и Симеона как праведных правителей напрогноченных книжниками середины XVII в. последних времен, тех монархов, что достойны предстоять своим подданным на Страшном суде. Поэту композиция гравюры включает большое количество микросюжетов эсхатологического содержания [Сукина 2022, с. 69–76]. Составитель этой довольно оригинальной иконографии и гравер, вероятно, заимствовали их из разных знакомых и/или доступных им произведений этого жанра. При этом ядром композиции является изображение семейного древа, на котором мы и остановимся подробнее.

Его основу составляет «виноградная лоза», мощный вертикальный ствол которой выходит из «чресел» первопредка символического «царского рода» русских правителей, крестителя Руси князя Владимира Святого (ок. 960–1015). Владимир изображен в позе полулежачи, облачен в подбитый мехом парадный опашень, в каком мы видим его на иконах и фресках XVI–XVII вв., на голове князя – царский венец. Правой рукой он прикасается к собственной груди, в левой, локоть которой опирается на землю, держит скипетр. Владимиру здесь отведено то место, которое в композиции «Древа Иессеева» занимает основатель рода Мессии. При создании образа древнерусского князя также воспроизведена одна из традиционных и распространенных в византийском и западном искусстве поз тела Иессея. В чашечках цветов на ветвях древа царской семьи изображены попарно (сверху вниз) Алексей Михайлович и Мария Ильинична, царевичи Алексей и Федор. Царевич Симеон помещен в чашечку отдельной короткой ветви, которая изогнута так, что полуфигура младшего на тот момент сына царской четы оказалась как бы на центральном стволе, который служит ей фоном. Скорее всего, здесь нет никакого символического смысла – это, как мы покажем позднее, исключительно композиционное решение гравера, позволяющее сохранить симметрию изображения. На вершине древа находится орлиное гнездо, которым служит перевернутый царский венец. Изображения орлов и орлят в различных вариациях в литературе и искусстве восточнославянского барокко были символами царской власти и небесного покровительства царскому роду, его связи с самим Христом [Гребенюк 1989].

В целом изображение царского древа на гравюре из «Меча духовного» не имеет близких иконографических и стилистических аналогов среди композиций «Древа Иессеева» в искусстве византийского мира. Поэтому возможные визуальные источники

этой схемы следует искать за его пределами. Какие-то заинтересовавшие их примеры могли видеть составитель иконографической программы рассматриваемой гравюры Лазарь (Баранович), обучавшийся в юности в Виленской (Великое княжество литовское) и Калишской (Польша) иезуитских коллегиях³, и выполнившей ее неизвестный гравер, также, возможно, имевший «западный» художественный опыт. В XVI–XVIII вв. многие «литовские» граверы ездили учиться в Западную Европу, в частности в крупнейший центр художественного гравирования Аугсбург. В свою очередь, в городах Великого княжества Литовского в это же время работали зарубежные мастера гравировального дела, привозившие с собой альбомы и папки с «образцовыми» изображениями [Шматаў 1984].

*Иконография «Древо Иессеево»
в западноевропейской визуальной генеалогии
XV–XVII вв.*

В западноевропейской художественной культуре позднего Средневековья и раннего Нового времени иконографическая композиция «Древо Иессеево» была довольно вариативной. Один из наиболее распространенных ее вариантов – изображение с лежащим или полулежащим Иессеем с «корнем» в чреве/чреслах, и полуфигурами его потомков царского и духовного статуса в венчиках цветов на гибких круглящихся ветвях. Прекрасным примером такой композиции является миниатюра в Бревиарии герцога Бургундского Филиппа Доброго второй половины XV в.⁴ К этой же иконографической разновидности относится и известное изображение на боковой створке «Франкфуртского алтаря доминиканцев» Ганса Гольбейна Старшего⁵ (ил. 2).

³ См.: Корзо М.А. Лазарь (Баранович) // Православная энциклопедия. Т. 39. М., 2015. С. 279.

⁴ Бревиарий герцога Бургундского Филиппа Доброго. Зимняя часть. Франция или Южные Нидерланды. Около 1460 г. Королевская библиотека Бельгии в Брюсселе. KBR, ms. 9511.

⁵ Ганс Гольбейн Старший. Франкфуртский алтарь доминиканцев. 1501 г. Штеделевский художественный институт (Städel Museum). Франкфурт-на-Майне. НМ 6.

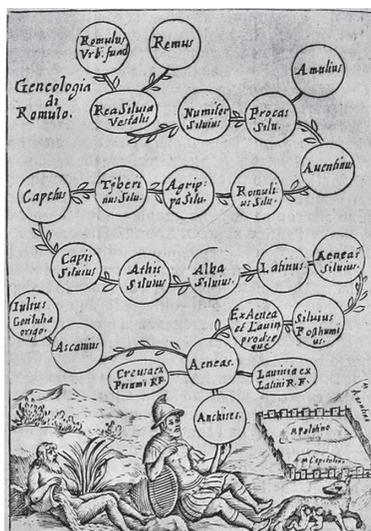
Ил. 2. Ганс Гольбейн Старший. Древо Иессеево
Створка Франкфуртского алтаря доминиканцев. 1501 г.
Städel Museum. НМ 6⁶

Конечно, эти и другие живописные произведения на сюжет «Древа Иессеева» не были доступны интеллектуалам и граверам Великого княжества Литовского для копирования и творческой переработки иконографических схем. Они могли ориентироваться, скорее на станковые и книжные гравюры своего времени, не только воспроизводившие, но и интерпретировавшие для потребностей генеалогии иконографию Родословия Иисуса Христа. К примеру, в Европе XV–XVII вв. получили популярность путеводители для паломников и туристов, попадавшие, в том числе, в монастырские библиотеки и книжные собрания учебных заведений (таких как коллегии). Они иллюстрировались картами и гравюрами, которые тиражировались также и в виде отдельных листов [Арутюнян 2022]. Так, в путеводителе по античному Риму мы находим изображение мифологической генеалогии первого правителя города Ромула⁷ (ил. 3). Она сконструирована также по образцу «Древа Иессеева».

⁶ Digital Collection. URL: <https://sammlung.staedelmuseum.de/en/work/high-altar-of-the-dominican-church-in-frankfurt> (дата обращения 15.12.2024).

⁷ Rossi de' Filippo. *Ritrato di Roma antica*. Roma, 1654.

Древо Ромула и Рема выходит из левого бедра (художники Нового времени были, порой, скромнее средневековых), а не прямо из «чресел» Анхеса – легендарного основателя династии, отца героя Троянской войны Энея. Анхес и Эней принадлежали к мифической династии дарданских царей, поэтому перед нами тоже изображение «царского древа». Локтем правой руки Анхес опирается на какой-то предмет округлой формы – скорее всего, это намек на корзину, в которой нашли близнецов – основателей вечного города.левой рукой он поддерживает ствол дерева, «корнем» которого, собственно, и является. Слева от Анхеса изображена символическая фигура Тибра в виде лежащего обнаженного мужчины с кувшином, из которого течет вода. Справа – капитолийская волчица, кормящая двух младенцев, Ромула и Рема. Издание было недорогим, поэтому заказчики гравюры на изображениях остальных потомков Анхеса, включая Энея, сэкономили. Их присутствие на ветвях древа обозначено кругами и овалами с вписанными в них именами. Но, в целом, схема схожа с той, какую использовали в гравюре «Меча духовного».

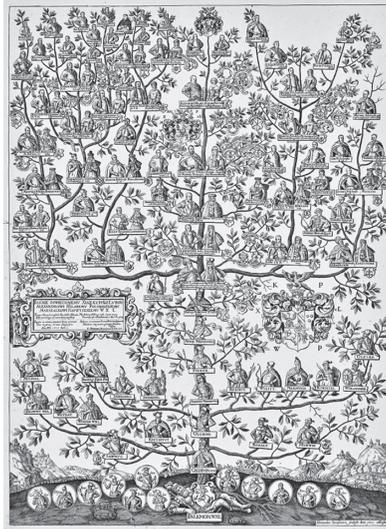

Ил. 3. Генеалогия Ромула (Genealogia di Romolo). Гравюра 1654 (?) Rossi de Filippo. *Ritratto di Roma antica* Roma, 1654. P. 1⁸

⁸ Ritratto di Roma antica... URL: <https://archive.org/details/ritrattodiromaan00ross/page/n17/mode/2up> (дата обращения 15.12.2024).

*Гравюра Александра Тарасевича
«Род Полубинских»*

Мы полагаем, что наиболее близкими аналогиями иллюстрации из книги Лазаря Барановича были гравированные «родоводы» знатных семей Речи Посполитой и, в первую очередь, Великого княжества Литовского, которые выводили свое происхождение от князя Витовта и его легендарного «римского» прародителя Палемона⁹. В генеалогии русской знати хорошо известны «конкуренция»/сопоставление Рюрика и Гедимины. Но поскольку у нас идет речь не об исторических, а о символических родословиях, то правомерно усматривать другую параллель: для Романовых князь Владимир был таким же легендарным «первопредком», как Палемон для потомков Витовта в литовских и белорусских землях.

*Ил. 4. Александр Тарасевич. Род Полубинских
Гравюра. 1675¹⁰*

⁹ Легенда о Палемоне сформировалась в польской историографии XV–XVI вв. и отсюда перекочевала в летописание Великого княжества Литовского [Фядосік 2014].

¹⁰ URL: <https://palubinskas.lt/palubinskiai1675.jpg> (дата обращения 15.12.2024).

Самым ярким в художественном отношении примером изображения древа «князей Палемоновичей» является гравюра Александра Тарасевича 1675 г. «Род Полубинских» (ил. 4). Александр Тарасевич (ок. 1640–1727) – гравер из Великого княжества Литовского учился в Аугсбурге, работал в белорусском Глуске и в Вильно, возглавлял типографию Киево-Печерской лавры. В науке существует проблема различения его с другим мастером, носившим ту же фамилию, Львом/Леонтием Тарасевичем, которого традиционно считают братом Александра (к примеру, это мнение зафиксировано во многих энциклопедических статьях). Однако есть аргументированное предположение, что это мог быть один и тот же человек, успевший поработать и в Москве при дворе правительницы Софьи Алексеевны [Алексева 1990].

Тарасевич прожил долгую жизнь. Гравированное родословие Полубинских он создал в зрелом творческом возрасте, когда работал в Глуске на крупного вельможу – маршалока Великого княжества Литовского Александра-Гилярия Полубинского, создав, в частности, по его заказу иллюстрации к «Розарию» (сборнику избранных молитв Богородице), изданному по-латыни в Вильно и Аугсбурге (“Rosarium et Officium...”, 1677–1678), а позже и по-польски¹¹. Автор, дата и место гравирования родословного древа вельможного потомка Витовта указаны на самом листе, в рамочке в нижнем правом углу: “Alexander Tarasowicz Sculpsit Anno 1675 w Hluskę” («Александр Тарасович вырезал в 1675 году в Глуске»).

Древо Полубинских высоко и ветвисто. Его «корнем» является уже упомянутый нами Полемон. Этот «античный» персонаж изображен лежащим на земле и облаченным в короткую тунику и римские доспехи, его голову венчает характерный римский шлем с плюмажем. Так на ренессансных и барочных картинах и гравюрах было принято изображать древнегреческих и древнеримских героев. При этом лицо Полемона украшают пышные усы и борода, каких в античности не носили, зато они были обязательной деталью облика властителей средневекового времени. На «царский» статус изображенного указывает скипетр в его правой руке. Чресла Полемона, из которых вырастает его родословное древо, целомудренно прикрыты геральдическим щитом с изображением герба

¹¹ См.: Києво-Могилянська академія в іменах, XVII–XVIII ст. Київ, 2001. URL: <https://vm.ukma.edu.ua/person/олександр-тарасевич/> (дата обращения 15.12.2012).

Великого княжества Литовского «Погоня»¹². На основном стволе помещены полуфигуры легендарных князей Гедимины, Ольгерда, а также некоего князя Федора, которого, как и его сыновей, польские генеалоги относят к числу выдуманных предков Полубинских, исторически ведущих свой род от князя Андрея Полубинского, жившего в конце XV в.¹³ На древе много боковых ветвей, заполненных изображениями реальных и воображаемых родственников. Основной ствол завершают парные изображения самого заказчика гравюры Александра-Гилярия Полубинского и его второй жены, дочери новгородского воеводы Софьи Констанции Володкович, а также их двоих сыновей Доминика Яна и Криштофа Константина. Венчает древо родовой герб Полубинских «Ястребок». В целом композиция по-барочному сложна: в нее включены не только полуфигуры исторических и фантастических персон, но и гербы семей, с которыми предки Полубинских и они сами создавали родственные альянсы. Родни так много, что некоторые «второстепенные» представители рода, в том числе первая жена А.-Г. Полубинского и его дочери от обоих браков, не удостоились персональных изображений, а отмечены только именами на лентах-бандеролях, вьющихся на ветвях. Обращает на себя внимание «портретность» передачи внешности не только членов семьи самого великого маршалка, но и его предков и родственников, живших в XVI–XVII вв.

Семейное древо царя Алексея Михайловича неизмеримо скромнее по количеству изображенных персонажей, что было обосновано целями создания этой композиции – не репрезентация многочисленности и знатности рода, а демонстрация происхождения государей последних времен от благоверного «корня». Тем не менее между двумя гравированными композициями обнаруживается и много общего. Мы уже отмечали, что на иллюстрации из книги Лазаря Барановича роль Иисуса принадлежит князю Владимиру Святому. Он изображен почти в той же позе, что и Палемон на гравюре Александра Тарасевича, только с разворотом фигуры в противоположную сторону. Это можно объяснить наличием общего визуального образца вкупе с техническими особенностями гравировального искусства (при печати изображение зеркально

¹² Родовой герб Полубинских выглядел совершенно иначе – его главным символическим элементом был не скачущий серебряный всадник, а хищная птица с распростертыми крыльями (так называемый Ястребок). На гравюре Александра Тарасевича подчеркивается «великокняжеское» происхождение этого рода.

¹³ См.: *Wolff J.* Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. P. 368–391.

поворачивается, что опытные граверы обычно учитывают, а менее опытные могут ошибиться на стадии создания рисунка). В руках у обоих персонажей скипетры. Но прочий антураж отличается. Палемон выглядит как римский военачальник, а Владимир как древнерусский князь. На гравюре Тарасевича слева и справа от Палемона размещены медальоны с полуфигурами родственников Гедиминовичей старших поколений без соединения с древом (ветвь к нему идет только из груди персонажа, подписанного как “Witenus”, легендарного Витеня – одного из предполагаемых отцов Гедимиана). На листе из «Меча духовного» основное древо князя Владимира фланкируют финиковая пальма и кедр его святых сыновей Глеба и Бориса, не давших потомства – их древа не генеалогические, а символические. Расположение на древе образов членов царской семьи композиционно также вторит визуальной родословию Полубинских – царевич Симеон помещен фактически на ствол, остальные попарно разместились на ветвях. Наконец, на вершине древ в обоих случаях находятся символы власти и славы династий: гнездо в виде перевернутой короны у Романовых и родовой герб у Полубинских. Все эти сравнения позволяют предположить, что для обеих композиций использовался одна и та же разновидность иконографической схемы, распространенная на территории Великого княжества Литовского. Ее образцы, вероятно, встречались в книжных и гравюрных собраниях типографий, гравировальных мастерских и частных библиотеках вельможных особ.

Заключение

Итак, создатели семейного древа царя Алексея Михайловича на гравюре «Род правых благословится» из книги «Меч духовный» 1666 г. ориентировались на западноевропейскую традицию визуальной генеалогии. В качестве иконографической модели ими выбрано изображение с легендарным предком – «корнем» рода «царей русских», каковым тогда представлялся первый благоверный правитель Руси Владимир Святой. Подобные родословные древа в европейском искусстве воспроизводили один из распространенных вариантов «Древа Иессеева» (Родословия Иисуса Христа). В художественной культуре Великого княжества Литовского, в ареале которой в то время находились интеллектуалы-книжники и художники украинских и белорусских земель, было сильно влияние европейской книжной и печатной графики, откуда и была заимствована композиционная схема, сюжетика и образная система исследуемой нами гравюры. Наиболее близким ее аналогом является работа

гравера Александра Тарасевича «Род Полубинских». Возможно, у обоих изображений был общий круг иконографических образцов, который пока не удается установить.

Литература

- Алексеева 1990 – *Алексеева М.А.* Гравер Тарасевич в Москве в 1689 г. // Панорама искусств. М.: Советский художник, 1990. Вып. 13. С. 250–262.
- Арутюнян 2022 – *Арутюнян Ю.И.* Карты и путеводители: тиражная графика XVII в. в современном искусствознании // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2022. № 12. С. 224–235.
- Гребенюк 1989 – *Гребенюк В.П.* Эволюция поэтических символов российского абсолютизма (от Симеона Полоцкого до М.В. Ломоносова) // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII – начала XVIII в. М.: Наука, 1989. С. 188–200.
- Клапиш-Зубер 2002 – *Клапиш-Зубер К.* От священной истории к наглядному изображению генеалогий в X–XIII вв. // Одиссей: Человек в истории, 2002. М.: Наука, 2002. С. 200–227.
- Сукина 2020 – *Сукина Л.Б.* «Род царствия благословится»: два случая интерпретации богоизбранности правящего дома Романовых в русской художественной культуре второй половины XVII – начала XVIII в. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 3. С. 115–131.
- Сукина 2022 – *Сукина Л.Б.* Воображаемое древо: как первые Романовы изобретали для себя царскую родословную. М.: Проспект, 2022. 128 с.
- Успенский 2021 – *Успенский Б.А.* От герба к парсуне (Портрет царевны Софьи «в орле») // Slověne=Словѣне. 2021. Т. 10. № 1. С. 113–156.
- Фядосік 2014 – *Фядосік В.А.* Палемон Пантыійскі і легенда аб Палемоне ў летапісанні Вялікага княства Літоўскага // Российские и славянские исследования. Минск: БГУ, 2014. Вып. 9. С. 219–229.
- Шматаў 1984 – *Шматаў В.Ф.* Беларуская кніжная гравюра XVI–XVIII стагоддзяў. Минск: Навука і тэхніка, 1984. 181 с.

References

- Alekseeva, M.A. (1990), “Engraver Tarasevich in Moscow in 1689”, in *Panorama iskusstv* [Panorama of the arts], vol. 13, Sovetskii khudozhnik, Moscow, USSR, pp. 250–262.
- Arutyunyan, Yu.I. (2022), “Maps and guidebooks. 17th - century prints in modern art history studies”, *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva*, no. 12, pp. 224–235.

- Fiadosik, V.A. (2014), "Palemon of Pontus and the legend of Palemon in the chronography of the Grand Duchy of Lithuania", in *Rossiiskie i slavjanskije issledovaniya* [Russian and Slavic studies], BGU, Minsk, Belarus, pp. 219–229.
- Grebeniuk, V.P. (1989), "The evolution of poetic symbols of Russian absolutism (from Simeon of Polotsk to M.V. Lomonosov)", in *Razvitie barokko i zarozhdenie klassitsizma v Rossii XVII – nachala XVIII v.* [The evolution of Baroque and the emergence of classicism in Russia in the 17th – early 18th centuries], Nauka, Moscow, USSR, pp. 188–200.
- Klapisch-Zuber, Ch. (2002), "From sacred history to the visualization of genealogies in the 10th – 13th centuries", *Odissej: Chelovek v istorii* [Odysseus. The man in history], Nauka, Moscow, Russia, pp. 200–227.
- Shmataŭ, V.F. (1984), *Belaruskaya knižhnaya gravjura XVI–XVIII stogoddzjaŭ* [Belarusian book engraving of the 16th – 18th centuries], Navuka i tehnika, Minsk, Belarus.
- Sukina, L.B. (2020), " 'The regnal family be blessed'. Two cases of interpretation of the God's chosenness of the ruling house of Romanovs in Russian artistic culture for the second half of the 17th – early 18th centuries", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 3, pp. 115–131.
- Sukina, L.B. (2022), *Voobrazhaemoe drevo: kak pervye Romanovy izobretali dlya sebya tsarskuyu rodoslovnuyu* [An imaginary tree. How the first Romanovs invented a royal ancestry for themselves], Prospekt, Moscow, Russia.
- Uspenskii, B.A. (2021), "From a coat of arms to a parsuna (Portrait of Princess Sophia 'in the eagle')", *Slověne. International Journal of Slavic Studies*, vol. 10, no. 1, pp. 113–156.

Информация об авторе

Людмила Б. Сукина, доктор исторических наук, доцент, Институт программных систем им. А.К. Айламазяна РАН, Переславль-Залесский, Россия; 152021, Россия, Ярославская обл., Переславль-Залесский, Вёськово, ул. Петра Первого, д. 4 «а»; lbsukina@gmail.com

Information about the author

Liudmila B. Sukina, Dr. of Sci. (History), associate professor, The Program Systems Institute of RAS, Pereslavl-Zalessky, Russia; 4 "a", Petra Pervogo St., Veskovo, Pereslavl-Zalessky, Yaroslavl region, Russia, 152021; lbsukina@gmail.com

К.Д. Ушинский в Смольном институте: перестройка системы

Варвара В. Пономарева

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, varvararon@mail.ru*

Аннотация. В статье речь идет о перестройке образовательной системы закрытых женских институтов Российской империи, происходившей в начале 1860-х гг. В первой части статьи рассматривается предыстория реформы, дается характеристика учебной части институтов, начиная со Смольного института, основанного в 1764 г., вплоть до 1850-х гг., как динамично развивавшейся структуры. Во второй части рассматривается деятельность К.Д. Ушинского на посту инспектора классов Смольного института. Ушинским был разработан новый проект учебной программы, обоснованы подходы к распределению учебных предметов по классам в зависимости от возраста учащихся, причем в качестве главного предмета обучения определен родной язык. Согласно проекту, увеличивалось число уроков за счет сокращения их длительности, устанавливался семилетний срок обучения с годовым учебным курсом. Проект Ушинского, одобренный в 1860 г., послужил нормативным образцом для других женских институтов. Кроме того, предметом анализа стал конфликт внутри самого института, явившийся следствием решительных действий Ушинского, с одной стороны, и стремлением начальницы института и ее сторонников сохранить в неприкосновенности институтские традиции – с другой. В заключении сделан вывод о значимости проведенных Ушинским преобразований, о степени готовности Ведомства учреждений императрицы Марии к трансформации.

Ключевые слова: повседневность, Ушинский, Смольный институт, Ведомство учреждений императрицы Марии, реформа, родной язык, учебная программа

Для цитирования: Пономарева В.В. К.Д. Ушинский в Смольном институте: перестройка системы // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 4. С. 46–54. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-4-46-54

K.D. Ushinskii at the Smolny Institute. Restructuring the system

Varvara V. Ponomareva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,

varvarapon@mail.ru

Abstract. The article deals with the restructuring of the educational system in closed women's institutes, which took place in the early 1860s. The first part of the article considers a backstory of the reform, characterizes the academic part of the institutes, starting with the Smolny Institute, founded in 1764, up to the 1850s, as a dynamically developing structure. The second part is concerned with the activities of K.D. Ushinskii as a class inspector at the Smolny Institute. Ushinskii developed a new draft curriculum, justified approaches to the distribution of academic subjects by classes, depending on the age of students, whereas the native language was defined as the main subject of study. According to the project, the number of lessons increased by reducing their duration, a 7-year training period with an annual training course was established. Ushinskii's project, approved in 1860, served as a normative model for other women's institutes. In addition, the subject of the analysis was the conflict within the institute itself, which was the result of Ushinskii's decisive actions, on the one hand, and the desire of the head of the Institute and her supporters to preserve the institute's traditions intact, on the other. In conclusion, the inference is made about the significance of the transformations carried out by Ushinskii, and on the readiness of the Office of the Empress Maria's Institutions for transformation.

Keywords: culture of daily life, Ushinskii, Smolnyi Institute, office of the Empress Maria's Institutions, reform, native language, educational program

For citation: Ponomareva, V.V. (2025), "K.D. Ushinskii at the Smolny Institute. Restructuring the system", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural studies" Series*, no. 4, pp. 46–54, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-4-46-54

Важнейшим этапом в истории русских женских институтов явилась реформа, проведенная в Смольном институте К.Д. Ушинским. Тем не менее этот существенный момент в современной историографии изучен недостаточно. До сих пор распространено мнение о том, что реформа Ушинского проводилась вопреки косной администрации Мариинского ведомства, вызвала своим новаторством сопротивление в этой консервативной среде; по-прежнему встречается утверждение, что в институтах пренебрегали изучением отече-

ственной культуры, более того, чуть ли не воспитывалось высокомерное к ней отношение¹ [Пиетров-Эннкер 2005, с. 265; Белявский 1987, с. 139–140]. Справедливы ли подобные суждения? Каково было основное содержание реформы К.Д. Ушинского? Было ли готово Мариинское ведомство к преобразованиям?

Учебная часть женских институтов была динамично развивавшейся системой, которая реформировалась каждые 15–20 лет: пересматривались учебные программы, вводились новые дисциплины, менялось их содержание. С основания Смольного института до конца XVIII в. его учебная часть изменялась дважды: в 1783 г. в ходе работы Комиссии об учреждении народных училищ, и в 1796 г., когда институт перешел под патронат императрицы Марии Федоровны. В первой половине XIX в. две реформы были проведены профессорами П.Д. Лодием, затем К.Ф. Германом, а третья реорганизация конца 1830-х гг. затронула не только учебную, но и административную часть женских институтов: были смены начальницы и инспектора классов, в институты пришло новое поколение учителей, имевших специальное педагогическое образование (выпускники университетов, Главного педагогического института). В 1844 г. был учрежден учебный комитет «для постоянного наблюдения за учебным ходом» в заведениях ведомства².

Доминирование в ранний период жизни Смольного института изучения иностранных языков, западноевропейской истории и географии было вызвано объективными причинами: неразработанностью собственных научной терминологии, грамматики и орфографии, истории и географии, нехваткой отечественных преподавателей. Создание собственных учебных курсов было делом будущего. Все же институтки, как отмечали современники, лучше владели родным языком, чем их светские современницы. Уровень преподавания родного языка и словесности в институтах был не ниже, чем в мужских учебных заведениях [Пономарева 2019, с. 375–376]. По большей части инспектора классов институтов избирались именно из учителей русского языка. Учителя отмечали большую свободу преподавания этого предмета в институтах, чем в мужской школе, где осуществлялся серьезный контроль Министерством народного просвещения. Постановка преподавания

¹ *Чернышев В.И.* К.Д. Ушинский и реформа Смольного и Александровского институтов // Известия Академии педагогических наук РСФСР. М., 1951. Вып. 33. С. 106–127.

² *Селезнев И.* Пятидесятилетие IV Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1828–1878. СПб.: Тип. В. Демакова, 1878. С. 74.

отечественной географии, как отмечали современники, и вовсе была выше, чем в мужских учебных заведениях³.

Ход развития институтского образования не был линейным. В последние годы николаевского правления, так называемое мрачное семилетие, институты, как и вся школьная система Российской империи, переживали стагнацию. А многие повседневные нормы институтской жизни, появившиеся еще в XVIII в., и вовсе оказались архаикой.

В эпоху Великих реформ российская школа переживала глубокую перестройку. В ведомстве еще в 1853 г. были приняты новые учебные программы сроком на три года «в виде опыта». В 1856 г. подводились итоги опыта их применения⁴. Из всех институтов в учебный комитет поступали предложения о необходимых переменах. Среди рассматриваемых вопросов были такие: замена обычных трех- или двухлетних курсов однолетними, длительность учебного курса, временные отпуска воспитанниц и др. За четыре года, с 1856 по 1860 г., по крайней мере в 12 институтах были назначены новые начальницы, во многих появились новые инспектора классов.

В ту эпоху в иерархии научных исследований все более важное место занимали естественнонаучные дисциплины, и в 1856 г. профессором С.С. Куторгой для институтов была составлена современная программа их изучения, где особое внимание уделялось практическим опытам. Он подготовил перечень учебных пособий, необходимых приборов и расходных материалов для кабинетов естествознания⁵.

До поры в институтской жизни производились лишь некоторые поправки, а необходимость решительных преобразований становилась все более очевидной. Они должны были начаться в Смольном институте, служившим образцом прочим. В предстоящей реформе его инспектор классов оказался ключевой фигурой: ему предстояло разработать конкретный план перемен, определить их ход. Человек, поставленный решить такую задачу, попадал в непростое положение. Реформа должна была затронуть все стороны институтской жизни, изменить и даже отменить многое, давно привычное. Сам Ушинский позже назовет эту должность «тяжелой и опасной»⁶.

³ Там же. С. 222.

⁴ Центральный государственный архив г. Петербурга. Ф. 7. Оп. 2. Д. 98. Л. 1–1 об.

⁵ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА СПб.). Ф. 761. Оп. 1. Д. 62. Л. 4–5, 12 об.

⁶ *Ушинский К.Д.* Переписка К.Д. Ушинского // Ушинский К.Д. Собрание сочинений: В 11 т. Т. 11. М.; Л.: Академия пед. наук РСФСР, 1952. С. 325.

Место инспектора классов института было вакантно, но подобрать подходящую кандидатуру оказалось непросто. Наконец, по рекомендации профессора А.В. Никитенко инспектором классов Смольного института в январе 1859 г. был назначен Константин Дмитриевич Ушинский, имевший к тому времени и теоретический, и практический педагогический опыт. Ушинским была проделана «изумительно-лихорадочная работа»⁷, проект преобразований был подготовлен за три недели, и после одобрения советом института представлен в Главный совет ведомства.

С присущим Ушинскому пренебрежением этикетом, всякий раз, встречая главноуправляющего ведомством принца Ольденбургского, он его торопил. Принц отшучивался, отвечал, что проект нужно обсудить со всех сторон, просил: «не сердитесь, горячий и нетерпеливый реформатор, я велю поспешить»⁸. Но принят был проект лишь в феврале 1860 г.

Кратко обрисуем общие черты плана Ушинского⁹. Прежде всего вступали в силу предложения, обсуждавшиеся еще в 1856 г.: введены однолетние курсы; устанавливался семилетний срок обучения, уравнивался курс благородной и «мещанской» частей Смольного института. В новой учебной программе Ушинский по-другому распределил по классам предметы, установил максимальное число воспитанниц в классе (30), сократил урок до часа с четвертью, поскольку полагал полезным уменьшение длительности уроков при увеличении их числа.

Ушинский считал, что для младшего класса необходим минимальный набор дисциплин с тем, чтобы на каждый из предметов отводилось больше часов в неделю. По проекту Ушинского Закон Божий преподавали 2 урока, на час больше, чем предлагал учебный комитет, русский язык – 5 уроков, почти на 2 часа больше, французский язык – 6 уроков, на 1,5 часа больше, но при этом меньше времени отводилось на остальные предметы. Основным предметом, согласно новой программе, становился родной язык, а целью обучения – общее развитие учащихся, умение правильно думать и выражать свои мысли устно и письменно. Изучение сразу двух иностранных языков, как это практиковалось в институтах, Ушинский полагал ошибочным. Арифметика должна в большей мере преподаваться наглядно, начиная с понятий об измерениях. В следующем классе добавлялась география, в 5-м – немецкий

⁷ Семенов Д.Д. Из пережитого // Русская школа. 1895. № 1. С. 42.

⁸ Там же.

⁹ См. педагогические статьи 1857–1861 гг.: *Ушинский К.Д.* Собрание сочинений: В 11 т. Т. 2. М.; Л.: Академия пед. наук РСФСР, 1948. 655 с.

язык, в 4-м – история и естествоведение, которое предполагалось начинать с изучения человека, как предмета, более знакомого, а потом переходить к животным, растительному и неорганическому миру. В 3-м классе добавлялась физика, во 2-м литература всеобщая и русская.

Учреждались постоянные учительские конференции для обсуждения текущих вопросов, где присутствовали и классные дамы. Ушинский настаивал на улучшении положения преподавателей для привлечения лучших кадров, и в результате добился увеличения жалованья учителям. Именно преподаватели должны были сделать новый проект реальностью, и их подбор стал важнейшей задачей инспектора классов. И в этом Ушинский также достиг впечатляющего успеха, собрав вокруг себя единомышленников, энергичная деятельность которых придала новое качество институтской повседневности.

Новая постановка преподавания приносила ощутимые результаты, которые нельзя было не одобрить. Однако эти перемены не могли не затрагивать привычного уклада жизни института. Ушинский, в нарушение вековых традиций, намеревался исключить неуспевающих, но по требованию начальницы их оставили в институте, зачислив в параллельный класс. Однако при выпуске инспектор все же настоял на выдаче им не обычных аттестатов, а лишь свидетельств об окончании курса. Он потребовал запретить классным дамам читать переписку воспитанниц, что считалось неотъемлемой частью воспитательной практики. Институтки отныне получали право задавать учителям вопросы во время урока, что раньше не дозволялось. На уроки по требованию Ушинского институтки неизменно являлись в пелеринках, а не декольтированными, что Ушинским счел неприличным. Более того, стремясь ослабить влияние классных дам на девочек, Ушинский предложил им вести лишь один какой-то возраст, получая ежегодно новых подопечных¹⁰.

Таким образом, влияние инспектора классов не ограничилось учебной частью – логика перемен затрагивала сторону жизни института, которую начальница М.П. Леонтьева и классные дамы традиционно считали своей. Для старой смолянки Леонтьевой было невыносимо видеть, как менялась атмосфера в институте, где тон все больше задавал Ушинский и его энергичная команда. Наступили новые времена, но авторитарная, резкая, во многом ограниченная Леонтьева, никак не желала с этим смириться. Она, не

¹⁰ *Гиргас Л.Ф.* Статс-дама Мария Павловна Леонтьева. Киев: Тип. ун-та св. Владимира, 1895. С. 51.

стесняясь, делала учителям нелюбезные замечания, которые в эту постниколаевскую эпоху воспринимались как оскорбительные. Оба главных действующих лица происходившего в Смольном, и начальница Леонтьева, и инспектор классов Ушинский, были сильными личностями, и при этом каждый из них был не просто убежден в своей правоте, но воспринимал собственную деятельность как миссию.

Ушинский, по отзыву его младшего товарища, отличался горячностью и прямотой характера, был болезненно раздражителен, не терпел критики в свой адрес¹¹. По Петербургу ходили его ядовитые характеристики служащих Смольного института, он мог одернуть кого-нибудь из старых учителей при воспитанницах, насмеялся над классными дамами. Открытый конфликт достиг высшей точки. И вот в марте 1862 г. Ушинский подал в отставку. Несмотря на внутриинститутские дразги, жалобы на Ушинского со стороны старых испытанных служащих института, он пользовался неизменным покровительством самой императрицы. В результате Ушинского прикомандировали к учебному комитету ведомства с полным содержанием и отправили в длительную заграничную командировку с двойной целью – поправить здоровье и изучить постановку преподавания в местных женских учебных заведениях. Отчет об этой командировке чрезвычайно любопытен, прежде всего, для сравнительной оценки нашей собственной женской школы¹².

Сам Ушинский так говорил о петербургском отрезке жизни: «Худ ли, хорош ли Питер, но я ним сжился сердцем; в нем протекла самая существенная часть моей жизни; много прочувствовано и горя и радости, и много проработано; там я таскался без куска хлеба и там же составил состояние; там я напрасно искал места уездного учителя и там же беседовал с царями; там я был неведом ни одной душе и там приобрел себе имя»¹³.

При практическом применении нового проекта неизбежно приходилось сталкиваться с различными затруднениями, вносить изменения, попутно решать множество непростых вопросов. Тем не менее порядок, установленный Ушинским, в основном был сохранен. Изменения не касались самой сути его реформы: число уроков русского и французского языков было несколько сокращено, поскольку по-прежнему второй иностранный язык сочли необходимым преподавать с младшего класса; изучение естествоведе-

¹¹ Семенов Д.Д. Указ. соч. С. 9–24.

¹² РГИА. Ф. 759. Оп. 18. Д. 149. 303 л.

¹³ Ушинский К.Д. Переписка К.Д. Ушинского. С. 225.

ния вновь стали вести согласно прежнему правилу «от простого к сложному», от неорганического мира к человеку, что, безусловно, было оправдано, и т. д.

Насколько удачным был выбор Ушинского на должность инспектора классов в переломный для институтской системы период? Именно благодаря его таланту, уникальной работоспособности и энергии реформа была проведена в кратчайшие сроки. Ушинский выполнил свое предназначение, перевернув изживший себя уклад, вдохнув в институтское образование новую жизнь, поскольку реформированием Смольного института его перестройка лишь началась. Ведомством учреждений императрицы Марии были снижены сословные и конфессиональные требования в учебных заведениях, число институток возрастало, открывались все новые институты. Таким образом, можно говорить жизнеспособности институтской системы, ее готовности к переменам и востребованности ее обществом.

Литература

- Белявский 1987 – *Белявский М.Т.* Школа и образование // Очерки русской культуры XVIII в. / под ред. Б.А. Рыбакова. Ч. 2. М.: Изд-во Московского ун-та, 1987. С. 258–293.
- Пиетров-Эннкер 2005 – *Пиетров-Эннкер Б.* «Новые люди» России: Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции. М.: РГГУ, 2005. 441 с.
- Пономарева 2019 – *Пономарева В.В.* Закрытые женские институты Российской империи: 1764–1855. М.: Пятый Рим, 2019. 480 с.

References

- Belyavskii, M.T. (1987), "School and education", in Rybakov, B.A., ed., *Ocherki russkoi kul'tury XVIII v.* [Essays on Russian culture of the 18th century], Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, USSR, part. 2, pp. 258–293.
- Pietrov-Ennker, B. (2005), "*Novye lyudi*" Rossii: *Razvitie zhenskogo dvizheniya ot istokov do Oktyabr'skoi revolyutsii* [Russia's "New People". The development of the women's movement from the beginning to the October Revolution], RGGU, Moscow, Russia.
- Ponomareva, V.V. (2019), *Zakrytye zhenskie instituty Rossiiskoi imperii: 1764–1855* [Closed women's institutes of Russian Empire. 1764–1855], Pyatyi Rim, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Варвара В. Пономарева, доктор исторических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119192, Россия, Москва, Ломоносовский пр-кт, д. 27; varvarapon@mail.ru

Information about the author

Varvara V. Ponomareva, Dr. of Sci. (History), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; 27, Lomonosov Av., Moscow, Russia, 119192; varvarapon@mail.ru

Фольговые иконы XIX в.:
к вопросу о стратегиях мастеров

Дмитрий И. Антонов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, antonov-dmitriy@list.ru*

Аннотация. Статья описывает развитие проекта по исследованию советских икон и фольговых икон-киоток XIX в., который проводится в Центре визуальных исследований Средневековья и Нового времени РГГУ. Обращаясь к генезису советской иконы, автор говорит о промысле фольговых икон-киоток второй половины XIX – XX вв. Рассмотрены причины популярности моленных образов такого типа (в XX в. они стали «материнской моделью» для советских икон – мастера копировали с помощью новых материалов и инструментов фольговые иконы XIX в.). Речь идет также о нескольких центрах дореволюционного промысла икон-киоток. Выделяются характерные черты традиций, существовавших в Тверской и Вологодской губерниях. На визуальном материале автор демонстрирует, как работала стратегия «переноса» храмового искусства в фольговую икону. Во-первых, мастера XIX в. копировали в иконах-киотках те элементы декора – узоры, картуши и т. п., – которые видели на храмовых образах. Во-вторых, в некоторых регионах мастера стремились имитировать сам храмовый интерьер. Из фольги (а также бумаги, воска, бисера) создавали колонны, занавеси, напольные подсвечники со свечами и т. д. В результате домашняя фольговая икона не только напоминала храмовую по своей морфологии, но и превращалась в миниатюрное подобие церкви, перенесенной в домашнее пространство.

Ключевые слова: советские иконы, фольговые иконы XIX в., иконы-киотки, локальные традиции

Для цитирования: Антонов Д.И. Фольговые иконы XIX в.: к вопросу о стратегиях мастеров // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 4. С. 55–69. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-4-55-69

Foil icons of the 19th century. On the issue of the craftsmen's strategies

Dmitrii I. Antonov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow Russia, antonov-dmitriy@list.ru*

Abstract. The article describes the development of a project on the study of Soviet icons and foil icons in image cases of the 19th century, which is held at the Center for Visual Studies of the Middle Ages and Modern Times of the Russian State University for the Humanities. The author studies the genesis of Soviet icons and describes craft of foil icons in image cases of the second half of the 19th - 20th centuries. The reasons for the popularity of prayer images of such a type are considered. In the 20th century they became the “mother model” for Soviet icons – the craftsmen copied, with the help of new materials and tools, foil icons of the 19th century. The article also refers to several centers for the pre-revolutionary craft of icon in image cases. The characteristic features of the traditions that existed in the Tver and Vologda provinces are highlighted. Using visual material, the author demonstrates the strategy of “transferring” church art into the foiled icon. Firstly, the masters of the 19th century copied in the icons in image cases the decorative elements – patterns, cartouches, etc. – that they saw on the church images. Secondly, craftsmen in some regions sought to imitate the church interior itself. Columns, curtains, floor candlesticks with candles, etc. were created of foil (as well as paper, wax, beads). As a result, the home foil icon not only resembled a church icon in its morphology, but also turned into a miniature likeness of a church transferred to a home space.

Keywords: Soviet icons, foil icons of the 19th century, icons in image cases, local traditions

For citation: Antonov, D.I. (2025), “Foil icons of the 19th century. On the issue of the craftsmen's strategies”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 55–69, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-4-55-69

Общероссийский проект исследования советских икон, с 2021 г. осуществляемый в УНЦ визуальных исследований Средневековья и Нового времени РГГУ (о проекте см.: [Антонов 2022; Антонов, Доронин 2022; Антонов, Доронин, Завьялова 2024], в 2024 г. активно развивался в нескольких новых регионах. Серия экспедиций прошла в Вологодской, Тверской и Ярославской областях, а также республике Мордовия. Отдельные поездки были совершены в Саратовскую область и Красноярский край. Кроме того, иссле-

дования проводились в Нижегородской и Воронежской областях, где в прошлые годы уже были собраны обильные материалы [Антонов, Доронин 2023; Доронин 2022; Антонов 2022; Антонов, Тюнина 2022]. В 2024 г. выставки советских икон были проведены в Переславле-Залесском (Свято-Троицкий Данилов монастырь и кафедральный Владимирский храм), Нижнем Новгороде (архитектурно-этнографический музей-заповедник «Щелоковский хутор») и в Твери (кафедральный Спасо-Преображенский собор). Экспозиции были организованы при поддержке Президентского фонда культурных инициатив, Общества содействия сохранению и популяризации русской культуры имени Михаила Абрамова, а также региональных партнеров в каждом из городов.

В этой статье я хотел бы поговорить о тех наблюдениях и находках, которые появились в ходе работ в новых регионах и которые оказались связаны уже не с советскими иконами, а с их предшественниками – фольговыми иконами-киотками¹ XIX – начала XX в.

О рождении, развитии и особенностях промысла фольговых (или фолезных) икон было написано немало уже в XIX в. и в начале XX в.² Как известно, крупнейшим центром их массового производства был Вязниковский район Владимирской губернии – села Холуй, Палех и Мстёра. Офени распространяли эти иконы сперва

¹ Киотки – иконы, помещенные в деревянный киот, закрытый стеклом.

² *Гольшев И.А.* Богоявленская слобода Мстера, Владимирской губернии, Вязниковского уезда: История ея, древности, статистика и этнография // Труды Владимирского губернского статистического комитета. Владимир: Губернская тип., 1865. Вып. 4. С. 76–106; *Он же.* Производство фольговых икон в сл. Мстере // Владимирские губернские ведомости. 1871. № 47. С. 1–4; *Он же.* О фольговых иконах // Владимирские губернские ведомости. 1874. № 3. С. 1–2; *Он же.* Фолезное заведение в сл. Мстёре // Владимирские губернские ведомости. 1880. № 31. С. 1–2; *Добротворский Н.А.* О кустарных промыслах Курской губернии. Курск: Тип. губернского земства, 1885. С. 127–135; *Кондаков Н.П.* Современное положение русской народной иконописи. СПб.: Тип. Скороходова, 1901; *Казакевич В.К.* Описание кустарных промыслов Грайворонского уезда // Материалы по исследованию кустарной промышленности в Курской губернии Вып 1: Описание кустарных промыслов по отдельным уездам. Курск, 1904; *Леонтьев П.Ф.* Иконопись // Материалы для оценки земель Владимирской губернии: Вязниковский уезд: Промыслы крестьянского населения. Владимир, 1903. Т. 4. Вып. 3. С. 30–42; *Н.Н.Е.* Иконопись и выделка медноотливных и фольговых икон во Владимирской губернии // Церковный вестник, издаваемый при С.-Петербургской духовной академии. Часть неофициальная. 1878. № 16. 29 апр. С. 3–4; и др.

на возах, затем по железной дороге в отдаленные концы империи, включая Сибирь, Польшу и Кавказ. Поток фольжных икон доходил до стран восточной Европы и Балкан. Другим известным центром создания фольговых киоток стала Борисовская слобода Курской губернии (о борисовской иконописной традиции см. [Припачкин 2009]). На юге зона влияния этих традиций проходила в Воронежской губернии – по наблюдениям наших воронежских коллег, в ее северных регионах до революции доминировали вязниковские «фольжки», а в южных – борисовские.

Эти важнейшие центры промысла обладали яркими характерными чертами декора. К примеру, борисовские мастера любили делать из фольги и бумаги голубей – образы Духа Святого в верхней части иконы и имитировать из фольги и бумаги церковные свечи в напольных подсвечниках – в нижней части икон-киоток. Отличались орнаменты, типы фольги, элементы декора и т. п. Хотя фольга была дешевой заменой дорогим металлам, а фольговые оклады и бисер имитировали драгоценные ризы храмовых икон, мастера довольно быстро вывели свое ремесло на высокий уровень и начали создавать не только дешевые образа для небогатых покупателей, но крупные фольговые иконы тонкой работы, с изысканным декором. Они предназначались уже не для сегмента «расхожих» (доступных) иконок, но для покупателей средней руки и для храмов.

Однако помимо этих известных центров промысла, в России второй половины XIX – начала XX в. существовали и другие, со своими уникальными особенностями. В 2024 г. мы исследовали фольговые иконы разных традиций, создавшиеся в Тверской и Вологодской губерниях. По своему художественному и ремесленному уровню они не уступают вязниковским и борисовским. При этом они остаются практически не описанными.

Традиция изготовления фольговых окладов, их стилистика, особенности и связи с традиционными окладами из металлов и тканей до сих пор изучена мало и фрагментарно – даже на примере борисовских и вязниковских «фольжек». Фольговые иконы, создававшиеся в других центрах, зачастую вовсе не исследованы – их упоминания и лапидарные описания можно встретить только в музейных описях или этнографических заметках³.

³ *Захаров М.А., Скипетров А.М.* Кустарные промыслы пос. Мстера в их прошлом и настоящем // Мстерский край: Сб. краевед. материалов. Владимир, 1929. С. 61–64. В последние годы появилось несколько кратких статей, в которых затрагивается эта проблематика [Стомаченко 2003; Горюшкина 2021; Злотникова 2023].

О генезисе фольговых икон XIX в. и о ключевых принципах их создания я писал в работе 2024 г. [Антонов 2024а]. На широком историческом материале эти вопросы были рассмотрены и в кандидатской диссертации, защищенной Д.Ю. Дорониным в 2023 г. (см. такж [Доронин 2022; Доронин 2024]). Популярность и широчайшее распространение таких икон во второй половине XIX – начале XX в. определялись двумя факторами. Во-первых, это световой эффект. Фольжный убор икон отражал свет. В плохо освещенных помещениях – деревенских избах или небогатых городских квартирах – лучина, светильник или свечка, зажженные в красном углу, не только освещали образа – те начинали «светиться», озаряя божницу. О «сиянии» церковных икон упоминало множество средневековых текстов. Теперь похожим образом «светиться» начали домашние иконы, и рассказы об этом наполнили литературу XIX в. [Вальчак 2021].

Вторая причина – подобие фольговых икон храмовым, в дорогих окладах, с драгоценными камнями и другими украшениями. Домашняя икона, благодаря использованию тонкого и дешевого металла, оказалась построена по тому же принципу, что и храмовые образа. Изображение утопало в декоративных элементах: ризы, боковины и уголки из фольги, часто гальванизированной под золото, покрашенной или декорированной бисером для имитации драгоценных камней, бумажные цветы и т. п. Массовый покупатель – и крестьяне, и небогатые горожане – получили возможность буквально «переносить» храмовую икону (ее недорогое подобие) в свои дома.

Стратегия такого «переноса» оказалась необычайно выигрышной и стимулировала мастеров на поиск новых решений. Один за другим начали появляться такие типы фольжных уборов, которые копировали не только украшения храмовых икон, но и различные элементы церковного убранства. С помощью фольги, бумаги и воска мастера создавали в киотках фигурки голубя – Святого Духа, окруженного расходящимися лучами (элемент барочного храмового декора), напольные церковные свечи в высоких подсвечниках, колонны с каннелюрами, типичные для многих церквей XVIII–XIX вв. Во многих киотках появился и довольно неожиданный элемент барочного декора – «виноградье», напоминающее по форме разрезанный инжир или подсолнух. Оно встречалось на стенах, колоннах и капителях барочных церквей. А в иконах-киотках его располагали чаще всего по углам (подробнее об этом см. [Антонов 2024а, с. 80–82]).

Иконы, исследованные нами в Тверской и Вологодской областях, разнообразны и непохожи. При этом все они по-своему, оригинально копировали разные храмовые элементы.

Для тверской традиции характерны уголки в виде крупных цветков из фольги (ил. 3). Декор иногда был похож на работы вязниковских мастеров, но обладал и своими характерными чертами: использованием бисера, плетения из канители, имитацией круглых колонн на боковинах и др. Кроме того, в губернии существовало две очень специфичные традиции.

Первая – торжокско-осташковская. Это ярчайший пример переноса храмового интерьера в домовые иконы. Местные мастера с помощью гальванизированной фольги имитировали тканевые завесы, размещенные над иконой, перехваченные веревками и дополненные бархатными кистями. По краям своих фолжек они создавали из фольги колонны – либо с каннелюрами, либо перевитые растительным декором, лозой, как в интерьерах барочных храмов. В Торжке в 2022 г. мы обнаружили храмовую икону-прототип – вероятную материнскую модель для такого фольгового декора. Это икона Богородицы Тихвинской из деревянного Тихвинского (Старо-Вознесенского) храма. На момент нашего посещения в церкви висела крупная распечатка дореволюционной фотографии С.М. Прокудина-Горского (1910 г.), на которой запечатлен интерьер этой церкви с почитаемой иконой (ил. 1). Занавеси, характерно подвязанные над Тихвинской иконой, веревки и кисти – все элементы убранства, которые видны на фотографии, воспроизводились на киотках, изготовлявшихся мастерами этого региона (ил. 2, 3). Вероятно, похожий декор встречался и в других окрестных храмах (близкие примеры можно увидеть на снимках Прокудина-Горского из разных регионов России). В Нило-Столобенской пустыни, недалеко от Торжка, над ракой с мощами преподобного возвышался балдахин с малиновым венецианским бархатом, двумя занавесями с золотой бахромой и большими кистями на шнурах⁴. Дорогими занавесями была украшена одна из самых почитаемых старинных (XVII в.) икон Нила Столобенского и другие монастырские образа. Этот декор тоже влиял на фольговые иконы. Но в любом случае почитаемая в Торжке Тихвинская икона была одним из важных образцов, на который явно ориентировались местные создатели киоток.

⁴ Историческая записка о Ниловой пустыне, что на озере Селигере. Тверь: Тип. Губернского правления, 1887. URL: <https://sites.google.com/view/osths/documents/books/a-note-about-the-Nile-Desert> (дата обращения 15.01.2025).

Ил. 1. Современная репродукция фотографии С.М. Прокудина-Горского (1910 г.), висящая в Тихвинском храме г. Торжок. Икона Богородицы Тихвинской в интерьере Тихвинского (Старо-Вознесенского) храма. Фото автора

Ил. 2. Архангел Михаил, фольговая икона торжокско-осташковской традиции. Декор копирует тот же тип занавеси, который мы видим над храмовой иконой Богородицы в Тихвинском храме (ил. 1). См. аналогичный убор на иконах Нила Столобенского (ил. 5, 6). Фото автора

Ил. 3. Икона тверской традиции. По углам – крупные фольговые цветы. Фото автора

Такой перенос – довольно известное явление. Провинциальные мастера часто копировали городские образцы, в результате чего деревня с опозданием перенимала и надолго сохраняла те художественные элементы и решения, которые некогда были популярны в «высоком», городском искусстве. Деревянная резьба русских изб нередко повторяла элементы каменного декора городских зданий. На дореволюционных наличниках имитировали занавеси, кисти, колонны с канелюрами и проч. (ил. 4). Иконы-киотки были вписаны в тот же вектор. При этом они копировали не только отдельные формы, но и материалы (металл), и сам комплексный принцип храмовых икон – закрытых ризами, увешенных дарами, тканями, помещенных в киоты и т. п. Это было не просто внешнее подобие, но создание буквальных аналогов – и морфологических, и функциональных.

*Ил. 4. Деревянный наличник, имитирующий матерчатые занавеси с кистями и колонны с канелюрами. Нижний Новгород.
Фото автора*

Вторая яркая традиция Тверской губернии развивалась в Нило-Столобенской пустыни. Мастера, работавшие в этом регионе, массово создавали деревянные резные фигурки преподобного Нила Столобенского. Иногда их делали из других материалов, к примеру гипса; иногда помещали в маленькую деревянную нишу-«келью». Материнской моделью, которую копировали для паломников и местных жителей, была ростовая деревянная фигура Нила, создан-

ная в 1770–1780-е гг. и находившаяся в монастыре [Барсегян 2010]. Распространение таких артефактов породило новую традицию фольговых икон – резные фигурки начали вставлять в киоты и создавать иконы на их основе. Фигурки Нила часто драпировали фольгой, изготавливая из нее одеяния для святого. В таких киотках тоже воспроизводили храмовый декор, причем не только колонны, занавеси, свечи, как в иконах торжокско-осташковской традиции – иногда сзади, за фигуркой Нила, в фольге имитировали окна и стены храма с висящими на них иконами (для этого сзади закрепляли маленькие иконки). Одежды святого и занавеси украшали бисером (ил. 5).

Ил. 5. За деревянной фигуркой Нила Столобенского расположена миниатюрная икона Николая Мирликийского.

Справа и слева – колонны, сверху – занавеси торжокско-осташковской традиции.

Все это моделирует интерьер храма.

Внизу – уголки в виде крупных фольговых цветов, прием, характерный для тверских мастеров.

Музей Нило-Столобенской пустыни.

Фото автора

Любопытно, что в некоторые киотки вставляли две фигурки Нила. В семантическом плане это оксюморон – бессюжетное удвоение центрального моленного образа совершенно не характерно для икон. Возможно, начало этому положил казус – вторую фигурку по какой-то причине вставили в широкий киот, решение

понравилось заказчикам и мастерам, прошло «цензуру коллектива» [Богатырев, Якобсон 1971; Антонов 2024б] и начало воспроизводиться (ил. 6).

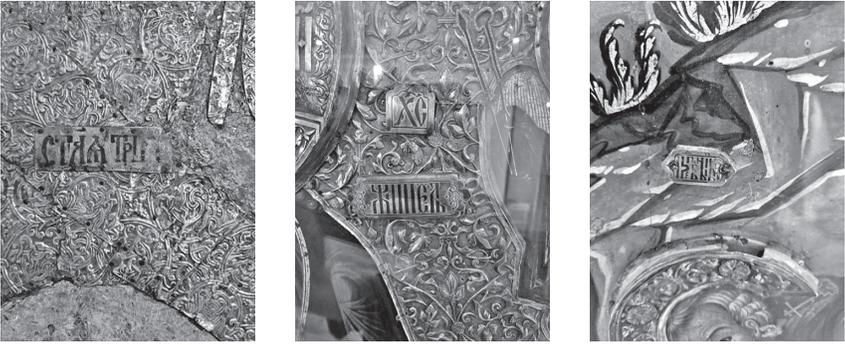

*Ил. 6. Икона с двумя резными фигурками Нила Столобенского.
Музей Нило-Столобенской пустыни
Фото автора*

Иконы вологодской традиции, обнаруженные нами в храмах, монастырях и музейных запасниках Вологодской области, по принципам оформления близки к тверским. Мастера также использовали бисер разных типов и создавали сложные орнаменты из фольги. Но здесь возникла своя специфика. Анализируя стилистические приемы, типы орнаментов, мы обнаружили, что они повторяли в новых материалах – фольге, бумаге и бисере – те элементы, которые были характерны для вологодских икон и памятников декоративного искусства XVII–XVIII вв. В фольговые киотки переносили элементы, которые мастера видели на крупных храмовых иконах. Прежде всего, это картуши с подписями (на храмовых иконах картуши железные, встречаются как минимум с XVII в.; на фольговых иконах их делали из бумаги с чернильными подписями). Кроме того, это характерные орнаменты – уголки в форме веточек. Такой орнамент встречается на памятниках шитья, на окладах церковных икон как минимум с XVIII в. (ил. 7–13). Это вписывает работы мастеров XIX в. в многовековую художественную традицию вологодских земель (ил. 14–16, 17–18).

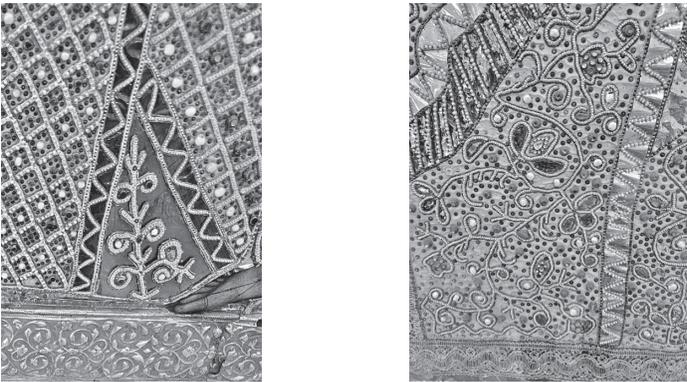
Ил. 7–13. Бумажные картуши с чернильными подписями и характерный растительный орнамент – веточки из фольги с инкрустациями бисером. Иконы вологодской традиции
Фото автора

Ил. 14–16. Металлические вставки-картуши с подписями на иконах «Троица Ветхозаветная», около 1543 г. и «Спас Смоленский» XVII в.

Кирилло-Белозерский музей-заповедник

Фото автора

Ил. 17–18. Орнаменты в форме веточек на шитом окладе иконы «Богоматерь Толгская», XVIII в.

Кирилло-Белозерский музей-заповедник

Фото автора

Все выявленные традиции требуют отдельного анализа. В 2024 г., при поддержке региональных коллег, мы провели профессиональную фотосъемку фольговых икон из экспозиции и запасников музея Нило-Столобенской пустыни (передав копию фотоархива музея), а также профессиональную фотосъемку десятков борисовских

икон из храма Николая Мирликийского в Старице⁵. Анализ этих материалов, а также икон вологодской традиции будет проводиться в ближайшее время, что позволит сделать новые шаги в изучении фольговых икон XIX – начала XX в., до сих пор почти не привлекавших внимание специалистов.

Литература

- Антонов 2022 – Антонов Д.И. Советские иконы как исследовательский проект // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 9. С. 155–165.
- Антонов 2024а – Антонов Д.И. Икона-«гнездо»: История комплексных святынь: от храмовых икон до советских «киоток» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 60–99.
- Антонов 2024б – Антонов Д.И. Иконопись как (не)каноническое искусство: «цензура коллектива» или «канон» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 2. С. 12–24.
- Антонов, Доронин 2022 – Антонов Д.И., Доронин Д.Ю. Советская икона: от рождения до «похорон» // Живая старина. 2022. № 1. С. 29–33.
- Антонов, Доронин 2023 – Антонов Д.И., Доронин Д.Ю. Советские иконы: история и этнография Нижегородской традиции. М.: Индрик, 2023. 264 с.
- Антонов, Доронин, Завьялова 2024 – Антонов Д.И., Доронин Д.Ю., Завьялова А.И. Советские иконы: Методическое пособие по организации исследовательских работ. М.: Индрик, 2024.
- Антонов, Тюнина 2022 – Антонов Д.И., Тюнина С.М. Постсоветская судьба «советских икон» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. С. 94–109.
- Барсегян 2010 – Барсегян Т.В. Чудотворный скульптурный образ преподобного Нила Столобенского // Нило-Столобенская пустынь: Новые открытия: Из истории Спасо-Андроникова монастыря: К 60-летию основания музея и 50-летию открытия его экспозиции: Сб. статей / сост. Т.В. Барсегян. М.: Изд-во МГУ, 2010. С. 86–91.
- Богатырев, Якобсон 1971 – Богатырев П.Г., Якобсон Р.О. Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П.Г. Вопросы народного творчества. М.: Искусство, 1971. С. 369–383.
- Вальчак 2021 – Вальчак Д. Икона в сияющем окладе в каждом доме: Подокладные (фолежные) иконы в России на рубеже XIX–XX вв. // Studia Humanitatis. 2021. № 4. URL: https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/walczak_6.pdf (дата обращения 02.02.2024).

⁵ Искренне благодарим диакона отца Евгения из Тверской епархии, осуществившего для нас фотосъемку на профессиональном оборудовании.

- Горюшкина 2021 – *Горюшкина Л.П.* Украшение икон: люди и традиции (по материалам Тамбовской экспедиции 2018–2020 гг.) // Деревенские святыни: Сб. статей, интервью и документов. М.: Изд-во ПСТГУ, 2021. С. 59–66.
- Доронин 2022 – *Доронин Д.Ю.* Советская икона нижегородского юго-запада: генезис и локальные традиции // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. С. 70–93.
- Доронин 2024 – *Доронин Д.Ю.* Сияющие святыни: промысел расхожей иконы и его аффордансы в XIX–XX вв. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 100–135.
- Злотникова 2023 – *Злотникова И.В.* Иконопись и народные промыслы: их связь и взаимное влияние // Иконопись и народные промыслы: их связь и взаимное влияние: Материалы научной конференции, 24–25 июня 2022 г. М.: Северный паломник, 2023. С. 7–39.
- Припачкин 2009 – *Припачкин И.А.* Иконописание слободы Борисовки. Курск: Полстар, 2009. 232 с.
- Стомаченко 2003 – *Стомаченко К.В.* Народный обычай фолежного обряжения икон: По полевым наблюдениям в Воронежской и Липецкой областях // Традиции и современность. 2003. № 2. С. 98–102.

References

- Antonov, D.I. (2022), “Soviet icons as a research project”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 155–164.
- Antonov, D.I. (2024), “The ‘nest’ icon. The history of complex shrines. From temple icons to Soviet ‘kiotkis’”, *Gosudarstvo, religiya, tserkov’ v Rossii i za rubezhom*, no. 3, pp. 60–99.
- Antonov D.I. (2024), “Iconography as (non)canonical art. ‘Collective censorship’ or ‘canon’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 12–24.
- Antonov, D.I. and Doronin, D.Yu. (2022), “Soviet icon. From birth to ‘funeral’”, *Zhivaya starina*, no. 1, pp. 29–33.
- Antonov, D.I. and Doronin, D.Yu. (2023), *Sovetskie ikony: istoriya i etnografiya Nizhegorodskoi traditsii* [Soviet icons. History and ethnography of the Nizhny Novgorod tradition], Indrik, Moscow, Russia.
- Antonov, D.I., Doronin, D.Yu., Zav’yalova, A.I. (2024), *Sovetskie ikony: metodicheskoe posobie po organizatsii issledovatel’skikh rabot* [Soviet icons: a methodological guide for the organization of research work], Indrik, Moscow, Russia.
- Antonov, D.I. and Tyunina, S.M. (2022), “The post-Soviet fate of ‘Soviet icons’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 94–109.
- Barsegyan, T.V. (2010), “Miraculous sculptural image of St. Nil Stolobensky”, in Barsegyan, T.V., comp., *Nilo-Stolobenskaya pustyn’. Novye otkrytiya. Iz istorii Spaso-Andronikova monastyrya. K 60-letiyu osnovaniya muzeya i 50-letiyu otkrytiya ego ekspozitsii. Sbornik statei* [Nilo-Stolobenskaya hermitage. New discoveries. From

- the history of the Spaso-Andronikov Monastery. On the 60th anniversary of the museum's foundation and the 50th anniversary of the opening of its exposition. Collected articles], Izdatel'stvo MGU, Moscow, Russia, pp. 86–91.
- Bogatyrev, P.G. and Yakobson, R.O. (1971), "Folklore as a special form of creative work", in Bogatyrev, P.G. *Voprosy narodnogo tvorchestva* [Questions of folk art], Iskuststvo, Moscow, Russia, pp. 369–383.
- Doronin, D.Yu. (2022), "Soviet icons of the Nizhny Novgorod Southwest region. Genesis and local traditions", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 4, pp. 70–93.
- Doronin, D.Yu. (2024), "Shining shrines. The craft of popular icons and its affordances in the 19th – 20th centuries", *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 3, pp. 100–135.
- Goryushkina, L.P. (2021), "Icon decoration. People and traditions (based on the materials of the Tambov expedition 2018–2020)", in Vorontsova, E.V., Allenov, A.N., Elagina, V.S. and Korshikova, E.A., eds., *Derevenskie svyatyini: sbornik statei, interv'yu i dokumentov* [Village shrines. Collected articles, interviews and documents], Izdatel'stvo PSTGU, Moscow, Russia, pp. 59–66.
- Pripachkin, I.A. (2009), *Ikonopisanie slobody Borisovki* [Iconography of the Borisovka settlement], Polstar, Kursk, Russia.
- Stomachenko, K.V. (2003), "The folk tradition of the foliated decoration of icons. According to field observations in the Voronezh and Lipetsk regions", *Traditsii i sovremennost'*, no. 2, pp. 98–102.
- Walczak, D. (2021), "Icon in a shining framework in every house. Riza-covered (folezh) icons in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries", *Studia Humanitatis*, no. 4, available at: https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/walczak_6.pdf (Accessed 2 Feb. 2024).
- Zlotnikova, I.V. (2023), "Iconography and folk crafts. Their connection and mutual influence", in *Ikonopis' i narodnye promysly: ikh svyaz' i vzaimnoe vliyaniye: Materialy nauchnoi konferentsii, 24–25 iyunya 2022 g.* [Iconography and folk crafts. Their connection and mutual influence. Proceedings of the scientific conference, June 24–25, 2022], Severnyi palomnik, Moscow, Russia, pp. 7–39.

Информация об авторе

Дмитрий И. Антонов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; antonov-dmitriy@list.ru

Information about the author

Dmitrii I. Antonov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; antonov-dmitriy@list.ru

УДК 75.046

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-4-70-104

Копченая икона: сажа и святость

Дмитрий Ю. Доронин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, demetra2@mail.ru*

Виктор Ю. Коровин

*Воронежский государственный университет,
Воронеж, Россия, kometkin@mail.ru*

Аннотация. В статье рассказывается о становлении и функционировании одного из малоизвестных локальных центров промысла расхожих икон в Лукояновском уезде Нижегородской губернии. Здесь в начале 1870-х гг. крестьяне с. Николай-Дар и Тольский Майдан начали производить и продавать фолежные иконы. Толчком к основанию нового промысла стала паломническая поездка крестьян в Воронеж, откуда в Нижегородскую губернию были перенесены новые для тех лет технологии производства икон с помощью копченными печатей. Такими печатями производили серийные оттиски сажей по фольге. Кейс «лукояновских фолежек» представляет несомненный интерес, поскольку может показать, как были связаны между собой христианизируемые колонии, крупные центры-монополисты производства, торговли иконами и местные промыслы. Основные источники по истории «лукояновских фолежек» – это две небольшие статьи из двух номеров «Нижегородского сборника» Гациского последней четверти XIX в. Два автора, независимо друг от друга, но в одном краеведческом издании и с интервалом в 13 лет опубликовали описания местного иконного промысла. Авторы статьи сопоставляют эти два описания и выясняют особенности конструирования исследовательских нарративов. Таким образом, в статье, анализируется не только иконный промысел, но и его описания, сделанные в XIX в.

Ключевые слова: копченая икона, фолежные иконы, иконы-киотки, локальные традиции, копченые печати, офени, иконный промысел

Для цитирования: Доронин Д.Ю., Коровин В.Ю. Копченая икона: сажа и святость // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 4. С. 70–104. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-4-70-104

© Доронин Д.Ю., Коровин В.Ю., 2025

Smoked icon. The soot and the holiness

Dmitrii Yu. Doronin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, demetra2@mail.ru*

Victor Yu. Korovin

*Voronezh State University, Voronezh, Russia,
kometkin@mail.ru*

Abstract. The article describes the formation and functioning of one of the little-known local centers for the craft of popular icons in the Lukoyanovsky district of the Nizhny Novgorod province. Here, in the early 1870s, the peasants of the villages of Nikolay-Dar and Tolsky Maidan began to produce and sell foil icons. The impetus for the foundation of the new craft was a pilgrimage trip of peasants to Voronezh, from where new technologies for the icons production using smoked seals were transferred to the Nizhny Novgorod province. Such seals were used to make serial imprints with soot on foil. The case of the Lukoyanov foil icons is of undoubted interest, since it can show how Christianized colonies, large monopolistic centers of production and trade of icons and local crafts were interconnected. The main sources on the history of the “Lukoyanov folezhki” (foil icons) are two short articles from two issues of the “Nizhny Novgorod Collection of Papers”, edited by Gatsisky in the last quarter of the 19th century. Two authors, independently but in the same local journal, with an interval of 13 years published descriptions of the local icon craft. The authors of the article compare those two descriptions and find out the specifics in constructing the foil icon research narratives. Thus, the article, analyzes not only the icon trade, but also its descriptions made in the 19th century.

Keywords: smoked icon, foil icons, icons in image cases, local traditions, smoked seal-stamp, itinerant merchants (ofeni), icon craft

For citation: Doronin, D.Yu. and Korovin, V.Yu. (2025), “Smoked icon. The soot and the holiness”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 70–104, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-4-70-104

Нижегородской фолежной иконе-киотке советского времени за последние несколько лет посвящено значительное количество (более полутора десятков) публикаций, а также одна диссертационная работа¹. В исследовательской литературе кустарная фольговая

¹ *Доронин Д.Ю.* «Советская икона» как социокультурный феномен (по материалам нижегородского региона): Дис. ... канд. ист. наук. Российский государственный гуманитарный университет, 2023. 225 с.

икона-киотка эпохи СССР получила название *советская икона*. Наиболее полный анализ этого явления был дан в монографии Д.И. Антонова и Д.Ю. Доронина 2023 г.; в ней же было описано семь локальных традиций советской иконы нижегородского юга и юго-запада [Антонов, Доронин 2023]. Другие публикации проектной команды Учебно-научного центра визуальных исследований Средневековья и Нового времени РГГУ были посвящены более глубокому освещению тем, связанных с советскими иконами как культурным и материальным явлением: истории промысла, отдельным локальным традициям, нарративам семейной памяти и биографиям мастеров, конфликтам семиотических идеологий вокруг иконного промысла, методологическим аспектам его изучения².

Без преувеличения можно сказать, что исследование локальных традиций кустарной народной иконы даже в пределах одного региона – трудновыполнимая задача не на один год³. К настоящему дню даже нижегородские локальные традиции изучены неравномерно: наиболее хорошо описаны кулебакские, ардаатовские, арзамасские и дивеевские «пошибы» советской иконы, исследован их мордовский (эрзянский) субстрат, а также визуальный язык орнамента «мордовских икон», то есть советских икон нижегородской эрзи в Первомайском и Шатковском районах⁴. Не описаны или мало изучены фольклорные иконы севера, востока и юго-востока Нижегородской области⁵. Здесь при планировании дальнейших экспедиций мы с благодарностью используем наблюдения и (увы, редкие) публикации нижегородских краеведов и этнографов, в которых содержатся данные по мастерам и иконам более восточных традиций, например, из не посещенных нами сел Починковского, Лукояновского и Первомайском районов⁶ [Александрова, Туманова 2012].

² См. [Антонов 2022; Антонов 2024; Антонов, Завьялова 2024; Антонов, Доронин 2022; Антонов, Доронин, Завьялова 2024; Антонов, Тюнина 2022; Доронин 2024а].

³ См. также [Стомаченко 2003; Горюшкина 2021].

⁴ Об эрзянском субстрате и мордовских фольклорных иконах см. [Доронин 2022; Доронин 2023; Доронин 2024b; Доронин, Завьялова 2023].

⁵ О нижегородских фольклорных северных нижегородских районах, см. [Доронин 2024c; Доронин 2018].

⁶ О фольклорных иконах нижегородского юго-востока – Починковского района (с 2020 г. – Починковский муниципальный округ) см. краткую заметку в популярном иллюстрированном издании: Александрова О.И., Туманова А.О. Роскошное украшение // Нижегородский коллекционер. 2013. № 3 (7). С. 27–28.

История становления локальных традиций советских икон тоже изучена очень поверхностно и фрагментарно – здесь исследователя могут ожидать интересные открытия. Одному такому кейсу посвящена данная статья. Речь пойдет о становлении локального центра промысла фолежных икон (их производства и офенной торговли) во второй половине XIX в. в Лукояновском уезде⁷ Нижегородской губернии. Его земли до конца XVI в. представляли собой малозаселенные лесистые территории, традиционно обжитые мордовскими народами (эрзей и, в меньшей степени, мокшей). После взятия в 1552 г. Казани Иоанном IV Грозным начались процессы русской колонизации и христианизации края.

Кейс «лукояновских фолежек» представляет несомненный интерес, поскольку может показать, как были связаны между собой христианизуемые колонии, крупные центры-монополисты производства, торговли иконами и местные промыслы. Иными словами, хотя бы очень кратко, но можно изучить, как уже в XIX в. (а, может быть, и раньше) на нижегородском юге возникали свои локальные традиции фолежной иконы. Известно, что нужда в иконах на колонизируемых территориях «дикого поля» и новокрещеных «инородцев» в основном восполнялась крупными ремесленными центрами расхожих икон⁸. Для мордовских земель нижегородского юга основным таким центром была так называемая суздальщина, т. е. Холуй, Палех и Мстёра – ремесленные слободы и окружавшие их деревни в Вязниковском уезде Владимирской губернии [Доронин 2022; Доронин 2024а]. Уезд этот находился на другом берегу реки Оки, гранича таким образом с нижегородчиной. Поэтому «вязниковские» расхожие иконы проникали на нижегородский

⁷ В 1929 г. Лукояновский уезд преобразован в район, в 1957 г. район укрупнен – к нему присоединена часть территорий Большемаресевского и Разинского районов Горьковской и Азамасской областей, в 2022 г. район преобразован в Лукояновский муниципальный округ. Площадь Лукояновского округа 1890,69 км², на юге и юго-востоке он примыкает к Большеболдинскому и Починковскому муниципальным округам, на севере и северо-востоке граничит с Гагинским, на западе – с Шатковским муниципальными округами и городским округом Первомайск Нижегородской области, на юго-западе – с Ельниковским районом Республики Мордовии.

⁸ Расхожие иконы – это термин, широко используемый уже в XIX в. для обозначения разных форм недорогих икон массового производства (писаных «краснушек», «чернушек», щепных, подкладных, печатных на бумаге или жести), изготавливаемых для крестьян и бедных городских слоев. Фолежные, то есть украшенные, убранные дешевой фольгой, иконы в XIX–XX вв. были разновидностью расхожих икон.

юг быстро и беспрепятственно – с торговцами-офенями по Оке и старым трактам, соединяющим Вязники, Муром, Выксу, Кулебаки, Ардатов, Арзамас, Дивеево и более восточные селения – Ташино, Шатки, Лукоянов, Болдино, Починки и т. д. вплоть до Казани [Доронин 2024с]. Однако, несмотря на «вязниковского» монополиста, в Лукоянове на рубеже 1860–1870 гг. возник местный ремесленный центр производства фолежных икон и собственной офенной торговли ими. Задача этой статьи – проследить на разных материалах, как появился и развивался этот центр. Интересна не только его история (в необычной связи с южнорусскими землями Воронежской губернии), но и сам вид этих икон – они относятся к полностью исчезнувшей разновидности фолежных икон XIX в., к так называемым копченым иконам. За этим названием лежала весьма архаичная технология нанесения изображения, забытая мастерами-иконниками за ненадобностью к началу XX в. Но смогли ли эти «копченые иконы» как-то повлиять на дальнейшее развитие расхожих фолежных икон, или они исчезли, так и не оставив после себя никакого наследия? Как конструировались нарративы описания этого промысла у исследователей, работавших полтора века назад, что они считали в нем важным? Обратимся к анализу источников.

Исследовательские нарративы: как описывали промысел в XIX в.?

Основные источники по истории «лукояновских фолежек» – это две небольшие статьи из двух номеров «Нижегородского сборника Гациского»⁹ последней четверти XIX в.¹⁰ Два автора, независимо

⁹ Полное название этого издания – «Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским губернским статистическим комитетом под редакцией действительного члена и секретаря Комитета А.С. Гациского». Александр Серафимович Гациский (1838–1893) – исследователь Нижегородского края, писатель, статистик, земский и общественный деятель, секретарь Нижегородского статистического комитета, председатель губернской ученой архивной комиссии. В 1867–1891 гг. он издал десять томов «Нижегородского сборника», четыре последних тома которого были посвящены попутному описанию кустарных промыслов Нижегородской губернии. Так, благодаря организаторской деятельности Гациского, до наших дней дошли два описания лукояновского иконного промысла.

¹⁰ Вторичными по отношению к публикациям «Нижегородского сборника» являются некоторые другие источники XIX–XX вв., например, статья в словаре Брокгауза–Ефрона, см.: А.Ф.С. Лукоянов // Брокгауз Ф.А.,

друг от друга, но в одном краеведческом издании и с интервалом в 13 лет опубликовали описания местного иконного промысла. Оба называют одни и те же населенные пункты, в которых он возник – «в селениях Николай-Даре (оно же Скопино) и Тольском Майдане», в нескольких верстах от уездного города Лукоянова.

Тщательность и подробности описаний свидетельствуют о личных наблюдениях авторов. Эти описания пространны и насыщены многочисленными фактами, их жанр можно назвать гибридным, поскольку они совмещают в себе черты литературного, публицистического и научного текста. Кем они сделаны? Типичными краеведами XIX в. – священником Г.Н. Гуляевым из лукояновского села Василёв-Майдан¹¹ и А.И. Звездиным, городским провинциальным чиновником¹² из священнического же рода. Оба автора входили в одну исследовательскую сеть А.С. Гацкого и, согласно научной и общественной моде того времени, были увлечены этнографией, экономикой и статистикой в описании хозяйственных форм, материальной и нематериальной культуры народов края.

В ту эпоху не было единой модели описания иконного промысла, и термины, используемые разными авторами, тоже отличались. В зависимости от своего образования и ориентируясь на описания других промыслов, авторы пытались осветить широкий круг тем: тип промысла, его историю, географию и, говоря современным языком, его инфраструктуру и экономику, включая его связь с офенной, ярмарочной, монастырской и другими формами торговли. Они подробно описывали материалы и технологии, инновации, используемые мастерами, внешний вид и типы производимых ими артефактов. Небезынтересно было и то, что исследователи XIX – начала XX в. обращали внимание на эмные термины кустарей, торговцев, цензоров и потребителей, а также на критику, конфликты и (говоря современным языком) на различные семиотические идеологии, сопутствовавшие иконному делу.

Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 35: Лопари – Малолетние преступники / под ред. И.Е. Андреевского. СПб.: Тип. Акционерного общества «Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон», 1896. С. 95–97.

¹¹ В настоящее время это село известно как Василев Майдан и относится к Починковскому району Нижегородской области. Полное имя-отчество и годы жизни священника Гуляева выяснить не удалось, его известная фотография, выполненная М.П. Дмитриевым, датирована 1893 г.

¹² Андрей Иванович Звездин (1863–1927), нижегородский краевед, педагог и чиновник в сфере образования, член Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Родился и вырос недалеко от описываемых им сел – в с. Шутилово Лукояновского уезда (с 1929 г. в Первомайском районе).

Как уже было сказано, эти два описания разделяют 13 лет, поэтому очевидно было сразу предположить, что, сопоставив их, мы сможем получить информацию об изменении промысла – его эволюции, социально-экономическом развитии или угасании. Другой наш интерес, когда мы обнаружили две статьи о лукояновских иконах, заключался в сравнении исследовательских нарративов обоих авторов. Поэтому нам было интересно представить два структурных описания этих нарративов и сопоставить их в одной таблице, чтобы, по возможности, выявить их отличительные особенности. В приложении к нашей статье опубликована таблица, в которой дано полное структурное сопоставление этих двух нарративов, а также приводится их краткая характеристика.

В 1877 г. священник Г.Н. Гуляев сделал первое описание промысла лукояновских фолежек. Он был на поколение старше А.И. Звезда, поэтому смог наблюдать первые годы развития промысла и выяснить подробную историю его возникновения, вероятно, со слов местных жителей. Промысел «копченых икон» (а, точнее, его идея) пришел из Воронежской губернии (мы подробно рассмотрим это в следующем разделе статьи), заменив собой предыдущий промысел – «явился, в замен прежняго бурлачества»¹³. Интересно, что для обоих авторов этот промысел – прежде всего торговля («явился новый род промышленности – торговля иконами»¹⁴), и в основном их описания посвящены разнообразным аспектам и подробностям этой торговли. Несмотря на то что продаваемые иконы производились в местных мастерских, описания этих мастерских, мастеров, оборудования и устройства производства икон отсутствует. Авторы ограничиваются лишь очень кратким описанием технологии и внешнего вида «копченых икон».

Такой перекосяк в экономику и повседневность торговли странен для современного исследователя «биографии вещи»: мы бы, конечно же, подробно изучили и описали все этапы иконного промысла – от путей получения сырья, его обработки в производстве до отношений между участниками промысла и при последующей продаже произведенных артефактов. Кроме того, «для современного уха» понятия «промысел» и «промышленность» связаны не с торговлей, а с добычей или изготовлением чего-либо. Однако для авторов XIX в. торговля иконами – это именно промысел, поскольку они исследуют

¹³ Гуляев Г.Н. О торговле иконами в Лукояновском уезде Нижегородской губернии // Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским губернским статистическим комитетом / под ред. А.С. Гациского. Т. 6. Н. Новгород: Тип. Нижегородскаго губернскаго правления, 1877. С. 245.

¹⁴ Там же.

офенную торговлю, которую воспринимают как разновидность *отхожего промысла*. Исторически офенное дело – это сезонная отхожая торговля бродячих, странствующих по деревням торговцев: «Из отхожих промыслов в Лукояновском уезде обращает на себя особенное внимание <...> торговля иконами»¹⁵. Поэтому такая торговля иконами для этнографов и экономистов XIX в. попадала в разряд промыслов. Именно офени-иконщики создавали наиболее очевидную и значительную часть капитала иконного дела, а их деятельность среди населения была ярче и заметнее, чем деятельность мастерских. Поэтому авторы в XIX в., описывая экономику и организацию иконного промысла, зачастую сосредотачивались на самой важной, с их точки зрения, его части – на иконной торговле.

Ил. 1. Фрагмент фотопортрета священника Г.Н. Гуляева. Фотограф М.П. Дмитриев (Нижегородская губерния, Лукояновский уезд, с. Василев-Майдан, 1893 г.).

На этом фрагменте хорошо видны фолежные иконы-киотки XIX в. в красном углу позади священника¹⁶

Краткую структуру очерка Г.Н. Гуляева можно передать следующим образом: от вводных общих слов о промысле (его локализация, новизна, развитая сложность, прибыльность, динамичность разви-

¹⁵ *Звездин А.И.* Торговля иконами в Лукояновском уезде Нижегородской губернии // Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским губернским статистическим комитетом / под ред. А.С. Гациского. Т. 9. Н. Новгород: Тип. Нижегородского губернского правления, 1890. С. 439.

¹⁶ Фотография из альбома документальных фототипий М.П. Дмитриева, см.: [Лист 15] Священник села Василева-Майдана, Лукояновского уезда, Г.Н. Гуляев // Неурожайный 1891/92 г. в Нижегородской губернии. Фотографии с натуры М. Дмитриева. Н. Новгород, изд. фототипии М. Дмитриева, 1893. 1 л. обложка; 44 л. фототипий.

тия) он переходит к истории его возникновения¹⁷ и дальнейшему развитию через серию географических расширений, упоминает мастерские и дает описание технологии, внешнего вида и разновидностей копченых икон. Затем следует критическая часть, из которой можно почерпнуть данные о семиотических идеологиях и конфликтных ситуациях вокруг этих икон; рассказано об их непрочности, недолговечности и о технологиях, которые позволяли офеням успешно торговать ими. В этой связи описываются сопутствующие товары (помимо основного товара – икон) и дальние регионы, откуда они закупаются и где затем продаются лукояновскими офенями. Следующая часть посвящена денежной и натуральной экономикам офенной торговли, а также ее инфраструктуре, природным и социальным условиям, характеристике покупателя и действиям торговца. В заключении сообщается о позитивных («многих вывела из нищества», «поставила на ноги»¹⁸) и негативных сторонах торговли иконами, в частности о пристрастии офеней к водке и их отношениях с кредитуемыми их иконными мастерскими.

Ил. 2. Автор второго очерка (1890 г.) по лукояновскому локальному промысловому центру «копченых икон» Андрей Иванович Звездин (1863–1927), нижегородский краевед и деятель образования

¹⁷ Ни Г.Н. Гуляев, ни А.И. Звездин не дают точной датировки возникновения промысла «лукояновских фолежек», но их описания косвенно приводят к заключению, что это было начало 1870-х гг. или конец 1860-х гг.

¹⁸ *Гуляев Г.Н.* Указ. соч. С. 248.

Очерк А.И. Звездина (1890 г.) более краток: автор не говорит об истории и контексте возникновения промысла, а сразу сообщает о нескольких мастерских, технологиях и разновидностях изготавливаемых икон. Затем он более подробно рассказывает о торговле иконами: количестве и типах местных продавцов («постоянные» и «временные»¹⁹), денежной экономике иконной торговли, сопутствующих товарах и регионах, в которых они закупаются. Сообщается кратко об инфраструктуре торговли, однако почему-то без описания путей и регионов офеней-отходников, как будто бы это торговля была только местной. Если в очерке Г.Н. Гуляева перед нами предстает именно отхожий промысел с указанием рек, сибирских мест и даже кратким портретом сибирского покупателя, то А.И. Звездин ограничивается общей фразой: «Торговля иконами производится повсеместно и большею частью в зимнее время»²⁰. Возможно, вместо пространного рассказа Г.Н. Гуляева он хотел дать короткую словарную статью, характеризующую производство и торговлю иконами именно как местный (Лукояновского уезда) промысел. Важной темой для автора является соотношение земледелия и отхожего промысла в хозяйственной деятельности кустарей: здесь он пишет о качестве местной земли, их крестьянских наделах, величине неоплаченных земельных податей и причинах проблем в земледелии кустарей («неурожаи нескольких лет подряд», «склонность к спиртным напиткам»)²¹. Как и Г.Н. Гуляев, он сообщает о позитивном социальном эффекте от промысла и общими словами позитивно прогнозирует дальнейшее его развитие: «При неурожаях, как мы видели, промысел много помогает крестьянам, и, судя потому, с какой охотой занимаются им крестьяне, можно утверждать, что в будущем ему предстоит большее развитие и процветание»²².

В обоих исследовательских нарративах нижегородских краеведов для нас наиболее интересны две темы: технология «копченых икон» и географическое распространение промысла – от Воронежской губернии и лукояновских сел при его становлении до приграничных с Китаем районов Восточной Сибири в его развитой фазе. Рассмотрим эти темы подробнее.

¹⁹ Звездин А.И. Указ. соч. С. 439.

²⁰ Там же. С. 440.

²¹ Там же. С. 441.

²² Там же.

«Адская сажа» лукояновских иконщиков

В своем очерке Г.Н. Гуляев упоминает две иконных мастерских в лукояновском Николай-Даре и отмечает, что «производимые в этих мастерских иконы отличны от всех других икон, какие мы видим у торговцев владимирских»²³ (т. е. закупаемых у кустарей «судальщины»). Далее он дает очень краткое описание изготовления икон, которых мы можем назвать «копчеными» (по основной технологии) или «сажными» (по основному материалу). Изображения на таких иконах были монохромными, нанесли их сажей, а технология нанесения была перенесена от старинных копченых печатей. Принцип работы таких печатей заключался в том, что печать коптилась на свече, и с помощью образовавшийся на ней сажи производился отпечаток на бумаге или другом материале. Таким образом, изготовление икон по такому принципу множественного отпечатка (оттиска) соединяло архаичные и инновационные черты: с одной стороны, оно восходило к простоте материала и древней печати, но, с другой стороны, эта технология была типичной для мастеров расхожих икон нового времени с их ориентацией на точное и конвейерное (т. е. массовое и максимально удешевленное) производство.

Для того чтобы новая расхожая икона была востребованным товаром, необходимо было выполнение еще одного условия – икона должна быть не только дешевой и массовой, но и красивой. Поэтому отпечаток наносился на сияющий материал – разными способами обработанную фольгу (например, особыми лаками «под золото»), который был намного дешевле драгоценных металлов, но напоминал их блеском²⁴. Как пишет Г.Н. Гуляев, иконы эти «печатаются на фольге копчеными печатями», «листы с наложенными на

²³ Гуляев Г.Н. Указ. соч. С. 245–246.

²⁴ Фольжная промышленность своими инновациями ориентировалась на иконное дело. Например, благодаря изобретению Борисом Якоби в 1838 г. технологии гальванизации со временем в распоряжении иконщиков поступает новый вид сияющей (серебряной, золоченой, медной и пр.) фольги. Как до этого изобретения, так и десятилетия после него мастера изготавливали фольжки из более ранних разновидностей недорогой фольги – медной, латунной, станиоля и др. Иконщики массово использовали дешевую прокатную фольгу (например, с вальцовых станков Подмосковья), поскольку гальванизация фольги, по всей видимости, еще несколько десятилетий оставалась дорогим производством, которое могло себе позволить не всякая иконная мастерская [Вальчак 2021; Доронин 2024с]. О промысле икон в XIX – начале XX в. см. также [Злотникова 2023].

них печатями отделяются в выбитых фольговых ризы с разными украшениями», «покрываются стеклом», «сзади заделываются тонкою доской» и «скрепляются по краям белой жостью»²⁵.

Ил. 3. Икона «Три Святителя: Митрофан, Тихон, Николай».

Конец XIX – начало XX в. Фольга, тиснение.

Вероятно, печать сажей с закрепой изображения

Частное собрание В.Ю. Коровина

Фольга оказалась важнейшем материалом в бурном развитии производства расхожих икон в XIX в. Благодаря предприимчивости мастеров «суздальщины», фольга различных видов приходит в иконный промысел, иконщики экспериментируют, изобретая разные типы фолежной иконы. Довольно быстро возникает мода на такие иконы, почти весь XIX в. – это век их необычайной популярности. По всей видимости, в первые годы своего развития технология фолежных икон не была артельной или промышленной, и далеко не все первые разновидности фолежных икон были «низовыми» и массовым. К крестьянству и городской бедноте мода на фолежные иконы пришла не только от иконщиков-артельщиков, офеней или из монастырских мастерских, ярмарки или иконных рядов. Сначала она прошла через помещичьи усадьбы [Коровин 2024, с. 102].

В течение второй половины XIX в. развивается наиболее популярная форма расхожей иконы – фолежная икона-киота, укра-

²⁵ Гуляев Г.Н. Указ. соч. С. 246.

шенная бумажными цветами. Именно эта форма приведет в XX в. к становлению советских икон. Однако в эпоху, когда мастера экспериментировали с новым материалом, развивались и другие формы фольговой иконы, ставшие, метафорически говоря, «тупиковыми ветвями» в ее «эволюции». Одной из таких «тупиковых форм» и была лукояновская «копченая икона».

Использование фольги в иконном промысле не всегда было прибыльным и беспроблемным: всего лишь через несколько лет после изобретения технологии фольговые иконы были запрещены «вследствие слишком дурной работы их»²⁶. Запрещались и более ранние фолезные иконы, из станиоля и латунной фольги. Первые известные нам негативные оценки фольговых икон встречаются в резолюциях митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова), который в 1828 г. имел критическое суждение относительно запасов нераспроданных при соборе Троице-Сергиевой лавры фолезных образков. Свое «неодобрение» иерарх объяснял тем, что изображения святых на подобных иконах большей частью «неправильны, совсем неестественны и безобразны», да к тому же эти иконы «слишком удобно подвержены разрушению», превращаясь «из вещи священной в пренебрегаемую». По распоряжению ученого богослова оборот оставшихся фольговых икон было прекращен, а производство в Хотькове «совсем уничтожено»²⁷.

Вполне вероятно, что и в этом, более раннем случае Филарета Дроздова речь шла об образках, «выделяемых на фольге, посредством копченых печатей»²⁸, поскольку важной причиной неприятия лукояновских икон (как и в случае образков, запрещенных в Хотьково) была их непрочность. «Иконы эти на вид довольно красивы, правильны, но не совсем-то прочны. Как скоро разбивается стекло (что для крестьянских детей очень сподручно по устройству божниц), то и печать стирается, и от красивой иконы остается одна белая фольга», – читаем у Г.Н. Гуляева²⁹. Вполне вероятно, что фраза Филарета («слишком удобно подвержены разрушению») – это отсылка к той же примитивной и несовершенной технологии сажевых отпечатков.

Жалобы на плохо изготовленные, непрочные фолезные иконы появлялись и в других регионах, поскольку благодаря офеням-

²⁶ Гольцшев И.А. Производство фольговых икон в сл. Мстере // Владимирские губернские ведомости. 1871. № 47. С. 2, 4.

²⁷ Полное собрание резолюций Филарета, митрополита Московского. Т. 1–2. Вып. 2. М.: Душевнополезные чтения, 1903. С. 87–88.

²⁸ Звездин А.И. Указ. соч. С. 439.

²⁹ Гуляев Г.Н. Указ. соч. С. 246.

иконникам новые «произведения народного художественного ума» быстро распространились за пределами Нижегородской губернии. Один из корреспондентов «Вятских епархиальных ведомостей», священник Илья Беневоленский на съезде духовенства Яранского уезда сетовал, что «в домах православных передний угол уставлен иконами, напечатанными на фольге черной краской (сажей), – достаточно провести рукой, и – как ничего не бывало, все сотрется»³⁰.

Неприятие непрочных «копченных икон» и критическое отношение к ним покупателей и священства толкало офеней и производителей на хитрости, которые они снова черпали в новых научных технологиях. Улучшить все производимые иконы было по тем временам слишком дорогим предприятием, однако можно было улучшить некоторые из них – например, предъявляемые покупателю образцы. Для таких икон-образцов применялась некая химическая технология «закрепы», видимо, дорогая в те годы:

Есть иконы с так-называемую «закрепою», т. е. с которых печать не стирается; но эти иконы редки и берутся торговцами только на пробу, для тех, которые заподозривают прочность икон. Когда при продаже заходит речь о том, что иконы эти не прочны и печати стираются, тогда торговец вынимая икону с закрепкою (эта икона у него под особой меткою), позволяет разбить на ней стекло и заставляет стирать печать: так как печать положена при посредстве каких-то химических веществ, то она и не поддается уничтожению. Эта находчивость торговцев и поднимает репутацию икон³¹.

Другая проблема промысла «копченных икон» была связана с использованием сажи. Сама по себе сажа не вызывала каких-то негативных ассоциаций, традиционно она использовалась иконописцами – при изготовлении пигментов, создании прорисей, работе с припорохом или при подтушевке изображения. Однако в более современных технологиях расхожей иконы, когда сажа выступала на первый план, становясь чуть ли не главным приемом иконщика, она могла вызывать подозрение и недовольство. Среди известных в истории иконного дела случаев можно увидеть несколько «сценариев» этого недовольства – от бытового неприятия до протеста, наполненного суеверным страхом или религиозной мотивировкой.

Прежде всего не нравился или вызывал благочестивое неприятие тот факт, что икона не писалась, а печаталась (в данном случае сажей). Здесь кустарям и офеням пришлось столкнуться с крити-

³⁰ Вятские епархиальные ведомости. 1894. № 2. 16 янв. С. 26–27.

³¹ Гуляев Г.Н. Указ. соч. С. 246.

ческой семиотической идеологией христиан-традиционалистов, не принимающих инноваций в создании священных предметов. Носителями такой идеологии в первую очередь были представители разных толков древлеправославия. Относительно неприятия «копченых икон» в очерке у Г.Н. Гуляева описан «недружеский и нерелигиозный взгляд на них старообрядцев, как на новинку, или, как говорят они: “на сажу”»³².

О неприятии старообрядцами икон, украшенных фольгой и цветами, мы слышали и в наших собственных экспедициях. Весною 2024 г. в старообрядческом селе Чернуха на юге Нижегородской области (городской округ Арзамас) нами был записан следующий диалог:

Я, допустим, видела такие иконы и в Коваксе у никониан. Приходила к подругам или к кому-то и – иконы вот. И все спрашивала: «А зачем это вы цветов-то туда под стекло наклали? На иконы-то?» У нас это <не принято было>. <А что отвечали?> Да никто ничего не знал. Больно кто-то рассказывал, что ли нам чего-то, да? Сделали там бабушки или кто-то эти иконы, а мы и сами не знаем: стоят – и стоят иконы. Ну, красиво, вроде, было смотреть, ярко, все, в цветочек сделали все.

<А давно такое ремесло было? Или, вот, до последних лет?> Ну, я вот помню это с детства в Коваксе. И это было вот только у никониан. Потому что у старообрядцев, мои все бабушки и дедушки – все старообрядцы, у моих, там, братьев и сестер есть и понеты, и поморцы, и австрийцы – таких икон ни у кого не было! <А какие были?> Вот, меднолитые были иконы, складни и – дерево.

<А какое отношение старообрядцев к иконам с фольгой и цветочками? Что бы они сказали?> Нет, этого делать не надо! Потому что все было строго у старообрядцев. Настолько все строго, Боже упаси, чтобы там чего-то кто-то прикоснулся к иконе или что-то! Нет! Ее даже чистили, перед Пасхой или чего-то, все это мыли – особенной водичкой, особенными тряпочками! И только те бабушки, которые ходят молиться в храм. Мне там никто не доверит, чтобы я почистила иконку или вот начистила крест, если он старый. Да у нас даже и в голове не было, чтоб я прикоснулась к иконе и сказала: «Дайте-ка я ее тут украшу цветами или чем!» Нет! Зашторенная иконка: когда вставали молиться – шторку отодвинули, помолились и опять зашторили! Чтоб она была неподвластна чужому глазу³³.

³² Там же.

³³ Записано Д.Ю. Дорониным весною 2024 г. в с. Чернуха (гор. окр. Арзамас) от Кудрявцевой Лидии Акимовны, 1954 г. р.

Интересно также вспомнить, что распространение слухов об «адописных иконах» в 1870-х гг. [Тарасов 1995, с. 126–127, 210–211; Иванов 1996, с. 385–391] также было связано с неприятием и критическим отношением к расхожим фольжным иконам. Здесь, по всей видимости, тоже реализовалась критическая семиотическая идеология традиционалистов (в XIX в. в распространении таких слухов и практик порчи фольжных икон подозревали «штундистов»). Издание «Киевлянин» пересказывало распространенное в то время поверье о том, что «изображения святых на тех иконах нарисованы адской сажею, взятой из самых челюстей пекла». Со ссылкой на это же издание газета «Московские ведомости» сообщала, что крестьяне Чигиринского уезда «не хотят держать у себя дома фольговых иконок, перестали им молиться и уничтожают их». Причиной этого стало, по слухам, обнаружение священником на оборотной стороне фольговой ризы изображения дьявола с надписью «поклонись мне 7 лет – будешь на веки мой». Местное чигиринское духовенство потребовало проверки населением всех своих фольговых икон: на обороте фольги было обнаружено еще пять изображений дьявола, а также наклеенные «разные газетные каррикатуры, представляющие человека с собачьей мордой или свиным рылом; в иных – картинки в роде Турка с трубкой во рту и пр.»³⁴.

Случаи критической негативной реакции на фольжные иконы в течение XIX в. и даже в начале XX в. происходили неоднократно [Доронин 2024а]. На рубеже веков Комитет попечительства русской иконописи безуспешно пытался запретить изготовление и продажу фольжных икон, во многом потому, что крупными изготовителями и продавцами фольжных образков были монастыри. Именно с монастырскими святыньками-евлогиями связано возникновение локального иконного промысла «копченых икон» в лукояновских селах.

От монастырских евлогий к лукояновским кустарям

Иконки, выпускаемые лукояновскими кустарями, напоминали монастырские святыньки-евлогии того времени: они были мелкими, выполненными на фольге и составными. По словам Г.Н. Гуляева, они «имеют не слишком большие размеры, так что на квадратной четверти помещаются 4 печати, т. е. 4 изображения.

³⁴ Случай с фольговыми иконами в Чигиринском уезде // Московские ведомости. 1873. № 169. 7 июля. С. 3.

Икона в 4 печати называется *четырёхличною*, в 6 – *шестиличною* и в 9 – *девятиличною*; более означенных размеров икон не видится»³⁵. Вероятнее всего, такой вид иконок, как и их технологии были заимствованы лукояновскими крестьянами от технологий монастырских. Об этом косвенным образом свидетельствует описание из очерка Г.Н. Гуляева:

Торговля эта привилась здесь случайно. Какой-то крестьянин села Николай-Дара ходил на богомолье в город Воронеж и купил там несколько образков. На обратном пути домой эти образки он сбыл и сбыл-то, как говорят, довольно выгодно, так что опять воротился в Воронеж и взял еще этих икон. И новая покупка опять благополучно сошла с рук. Дело, видит, хорошее: не трудное, а прибыльное. Пришедши домой, он подговорил с собой товарища, и они в Воронеж отправились уже вдвоем, на лошади, с целью купить там икон. Мало по малу таким образом они расторговались, пользуясь от своей торговли не малыми барышами. Глядя на них, за этот промысел взялись и другие, и торговля пошла чередом, перешедши из Николай-Дара и в Тольский Майдан. Покупка образков стала производиться уже не в Воронеже, а в Николай-Даре, где открыты теперь две мастерских. Эти иконы печатаются на фольге копченными печатями, и имеют не слишком большие размеры³⁶.

Таким образом, серия торговых поездок, закупок и продаж привела к осознанию необходимости открытия своего собственного производства. К 1877 г. в Николай-Даре работало две иконных мастерские, а к 1890 г. производство и торговля была уже расширена до уездного города: «Таких мастерских здесь было две, но не очень давно (лет 5–7 назад) хозяин одной из них³⁷, как

³⁵ Гуляев Г.Н. Указ. соч. С. 246.

³⁶ Там же. С. 245.

³⁷ Вероятно, речь идет о зажиточной семье Колобойников; родоначальником ее в XIX в. был Павел Колобойников, мелкий торговец-офеня, который смог на накопленные средства купить под протекцией кушцов Чивкуновых в Лукоянове лавку. Лавка располагалась в городских торговых рядах – в так называемом «здании Краснорядцев», здесь Павел вел торговлю со своим сыном Егором, они также торговали церковными товарами, в том числе иконами. В Лукоянове же Егор продолжал торговлю вместе со своими сыновьями – Павлом (1847 г. р.) и Алексеем. Известно, что с конца 1890-х гг. Павел Егорович с частью родни (в том числе и со стороны семьи Карябкиных, которые тоже вели иконную торговлю) перебирается в Сибирь – в г. Нерчинск Забайкальского края. Самое крупное торговое здание Нерчинска, построенное в начале XX в., – это торговая

передавали крестьяне, перешел в г. Лукоянов и туда-же перенес мастерскую»³⁸.

Из очерка Г.Н. Гуляева также следует, что николай-дарский богомолец, по всей видимости, имел предприимчивую жилку и опыт офенной торговли³⁹. Поэтому паломнический опыт оказался не только странствием к святым местам древности и веры, но и знакомством с новейшими технологиями производства и продажи «святых товаров». Именно этот опыт принесли из своего паломничества предприимчивые лукояновские богомольцы.

Рассмотрим, по дошедшим до нас описаниям, воронежское паломничество XIX в., в котором оказались лукояновские богомольцы-офени и из которого привезли первые фолезные евлогии и идею учреждения собственного промысла.

В середине XIX в. Воронеж был центром «святого пилигримства» и местом непрерывного собрания благочестивых посетителей, «годовая сложность» которых простиралась от 100 до 40 тысяч человек⁴⁰. Уже после открытия мощей святителя Митрофана в 1832 г. и учреждения первоклассного Благовещенского (Митрофановского) монастыря (1836 г.) сюда со всех сторон России потянулись жители городов, люди разных званий и состояний (включая царственных особ). Наибольший прилив «поклонников Угодника», привлеченных «известиями о чудесах и исцелениях», наблюдался в мае, июне и сентябре, немного затихая к зиме.

усадыба купцов Колобовниковых, бывших крестьян-офеней из лукояновского Николай-Дара. Вероятнее всего, что торговля лукояновских офеней в Восточной Сибири, описанная Г.Н. Гуляевым, относится к семейному делу Колобойниковых и Карабкиных. См.: Генеалогический форум ВГД. Город Лукоянов. URL: <https://forum.vgd.ru/post/2345/126814/p4191764.htm?ysclid=m4kql39wah921347609> (дата обращения 04.12.2024). См. также: *Ольга Шарак*. История купцов Колобовниковых // Лукояновская правда. 2019. 12 июля. URL: <http://lukgazeta.ru/?p=3547&ysclid=m4kq1bs1if14266834> (дата обращения 04.12.2024).

³⁸ *Звездин А.И.* Указ. соч. С. 439.

³⁹ Участники одного из краеведческих лукояновских форумов, ознакомившись с очерком Г.Н. Гуляева, предположили, что этими паломниками были крестьяне с. Николай-Дар из породненных семей Колобойниковых и Карябкиных. См.: Генеалогический форум ВГД. Город Лукоянов. URL: <https://forum.vgd.ru/post/2345/126814/p4191764.htm?ysclid=m4kql39wah921347609> (дата обращения 04.12.2024).

⁴⁰ *Веселовский Г.М.* Воронеж в историческом и современно-статистическом отношениях с подробным планом города и его окрестностей. Воронеж: Воронеж. губ. стат. ком., 1866. С. 103.

Жители «окольных мест Воронежа поспешали к раке Чудотворца» в праздники – открытию честных мощей первого епископа Воронежского (7 августа ст. ст.) и преставлению Святителя (23 ноября ст. ст.). В эти дни местные архиереи с монастырской братией благословляли общую трапезу под открытым небом, с которой «многие из богомольцев (по особенным чувствам благоговения) брали хлеб к себе в дом для разделения его между своими домашними»⁴¹.

Ил. 4. Святитель Митрофан Воронежский.
Воспроизведение гравюры Н.И. Уткина 1839 г.⁴²
Частное собрание В.Ю. Коровина

По заведенной традиции, богомольцы из дальних селений добирались до Воронежа пешком – от ночлега до ночлега, лишь трудные участки пути преодолевая на «общественной лошади». Поводом к странствию в Митрофановский монастырь нередко служил обет – добровольное обещание, данное Угоднику по различным обстоятельствам: помянуть усопших, отомолить грехи, исцелиться

⁴¹ Скрабин М. О местных праздниках и крестных ходах в Воронежской губернии // Памятная книжка для жителей Воронежской губернии на 1856 г. Воронеж: Тип. губерн. правления, 1856. С. 78.

⁴² Фронтиспис в издании: Поминанье: к 200-летию со дня кончины св. Митрофана. Воронеж: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1903.

от нечистого духа или отблагодарить за уврачевание недугов. Один такой случай в своих дневниковых записях приводит о. Вениамин (Федченков): «Когда мне было около года, я заболел воспалением легких. Надежды на выздоровление не было. Тогда мама дала обет пешком поклониться общему святителю Митрофана Воронежского. Я поправился. Мама обет свой исполнила»⁴³.

Благочестивая ревность к памяти воронежского Святителя привела к тому, что в городе образовалась значительная «отрасль промышленности», ориентированная исключительно на приходящее население. На Московской и Мещанской улицах появились гостиницы с «рублевыми» номерами, обслуживаемые целой корпорацией извозчиков, а также постоялые и заезжие двory, число которых к 1862 г. достигло 50⁴⁴. Для менее состоятельных богомольцев распахнули свои двери ночлежки сомнительного достоинства, располагавшиеся за монастырем в «собственных домах» сапожников, портных и мещан.

Наконец, ловкие торговцы наладили розничный сбыт реликвий, которыми паломники запасались от святых мощей Митрофана, а по возвращении домой чествовали с особым уважением. В доме Придорожных (близ святой обители) церковными вещами торговал Егор Терентьевич Беляев, здание духовной консистории (в ограде монастыря) нанимал Иван Алексеевич Попов, а иконная и книжная лавки монастыря погодно сдавались купцу Василию Михайловичу Постникову, на которого работали многие воронежские иконописцы и ремесленники [Соловьев 2017, с. 145]. Здесь богомольцы обычно приобретали гравюры с изображением честных мощей, первые фотографические изображения Благовещенского монастыря, жизнеописание святителя Митрофана и акафист Угоднику⁴⁵.

Наиболее распространенными паломническими реликвиями были нательные крестики с изображением Угодника (на оборотной стороне), кольца и перстни, образки на финифти, небольшие двусторонние иконки-ладанки, которые продавались в галерее Благовещенского монастыря и мелких лавочках на монастырской площади. Этими предметами родители благословляли детей на вступление в брак, в дальнюю дорогу, в службу или, как священный подарок, их носили вместо креста.

⁴³ *Вениамин (Федченков), митр.* Записки архиеерея. М.: Правило веры, 2002. С. 24.

⁴⁴ *Михалевич В.К.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 4: Воронежская губерния. СПб.: Департамент Генерального штаба, 1862. С. 367.

⁴⁵ *Грот Я.* Из поездки в Воронеж // Вестник Европы. 1870. Т. 6. С. 146.

Ил. 5. Паломническая святынька

«Вид на Митрофановский монастырь» с паломническими надписями.

Почтовая открытка № 29 из серии «Привет из Воронежа».

1900-е гг. Картон, фототипия. Воронеж: Изд. Агафонова.

Частное собрание В.Ю. Коровина

Одними из лучших «по правильности рисунка» были образки воронежского мещанина Василия Попова – оловянщика со Стрелецкого лоска, занимавшийся изготовлением церковных сосудов⁴⁶. Его ранние работы – «оттиснутые на серебряной бумаге образки в оловянной оправе», – отличались тщательной отделкой и весьма дешевой ценой⁴⁷. По всей видимости, именно эти образки дали начало лукояновским «копченым иконам».

Позже «оловянный мастер» перешел на медную фольгу, которая с середины XIX в. стала активно применяться «в обделке живописных икон». В домах состоятельных воронежцев появились моленные образы, «обложенные искусно фольгой, в киоте», а местные мастера, подобно крестьянину Александру Смирнову, освоили технику изготовления штемпелей «для выбивки на них образков»⁴⁸. В 1864 г. на губернской выставке сельских произведений Василий Попов вместе с ремесленниками Петром Ковалевским и Яковом Трясоруковым представили 48 штампованных на

⁴⁶ Воронежские губернские ведомости. 1858. № 38. 20 сент. С. 303.

⁴⁷ Журнал Министерства государственных имуществ. 1854. Кн. 3. Март. С. 155.

⁴⁸ Воронежские губернские ведомости. 1859. № 13. 28 марта. С. 85.

фольге образков⁴⁹. Их иконы тоже могли вдохновить лукояновских крестьян на создание своего иконного дела.

Сегодня в собраниях ведущих Российских музеев имеется несколько образцов миниатюрных икон в оловянной оправе под стеклом, которые датируются второй третью XIX в. На двухстороннем образке из фондов Великоустюгского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника имеются изображения святителя Митрофана и Божией Матери «Почаевская», которые «напечатаны» на цветной бумаге и заключены в прямоугольный оловянный медальон с ушком⁵⁰. В похожей манере выполнен молебельный образок из собрания Государственного исторического музея, но изображения святителя Митрофана и Божией Матери «Неопалимая Купина» нанесены на фольгу⁵¹. Наконец, следующим этапом развития фольжек подобного рода стала печать икон на медной фольге, где в плоском овалом посредине, с помощью печатных пластин, черной краской нанесен святой образ⁵².

Ил. 6. Многочастная тисненная икона-фольгушка «Избранные святые» – наследница монастырских фольговых образков-евлогий и «копченых икон» лукояновского типа. Частное собрание Музея народного искусства, Ростов Великий. Фото Д.Ю. Доронина

⁴⁹ Там же. 1864. № 4. 25 янв. С. 15.

⁵⁰ См.: Госкаталог. № 22373289.

⁵¹ Там же. № 32425900.

⁵² Там же. № 23896051, из фонда Череповецкого музейного объединения.

Заключение

«Иконы с копчеными печатями» прошли долгий путь развития, но по-настоящему массовыми так и не стали (свидетельством чему являются фондовые собрания ведущих музеев России и частных коллекции). По художественной отделке самого письма эти иконы явно уступали рукописным образам в фольговых ризах и киотах, а в последней четверти XIX в. не выдержали конкуренции с дешевыми хромолитографическими картинками, которые наклеивались на доску и украшались бумажными цветами. С конца 1890-х гг. иконный рынок наполнила продукция фирм «А. Жако и К^о» и «В.В. Бонакер» – иконы в виде штампованных жестяных пластинок, украшенных цветными картинками, которые сверкали блеском «самоварного золота».

Видимо, в это же время появляются некоторые типы «фольгушек», которые своим внешним видом отдаленно напоминали первые «лукояновские фолезки» – это небольшие по размеру хромолитографические образки с чеканной ризой (в неизменной жестяной рамке под стеклом) и многочастные тисненые иконы «Избранные святые»⁵³. Некоторые из поздних форм послужат образцами для создания советских икон с фолезными ризами из алюминиевой фольги.

Таким образом, ранние формы фолезных икон не исчезли, но оказали влияние на последующие их разновидности. Характерно, что и в лукояновских селах промысел фольговых икон не прекратился: даже в начале XXI в. в Тольском Майдане фольгой обряжала иконы известная пожилая образовница – бабушка Александра (Корнилова) [Александрова, Туманова 2012, с. 114]. По всей видимости, ее можно считать восприимчивой ремесленных традиций местных мастеров-иконщиков XIX в.

⁵³ См.: Госкаталог. № 20995164, собрание «Куртамышского краеведческого музея им. Н.Д. Томина».

Структура описания
лукояновского промысла «копченых икон»

Структура описания
лукояновского промысла
«копченых икон» в 1877 г.
(по Г.Н. Гуляеву)

1. *Место локализации* («в Лукояновском уезде, в селениях Николай-Даре (оно-же Скопино) и Тольском Майдане»)
2. *Промысел современный* («с недавнего времени», «новый род промышленности», «новинка»)
3. *Заменяет собой предыдущий промысел* («в замен прежнего бурлачества»)
4. *Промысел как торговля иконами* («новый род промышленности – торговля иконами»)
5. *Развитая сложность промысла* («занимающая теперь не малое число лиц»)
6. *Прибыльный и динамично развивающийся промысел* («обещающая еще более развиться в будущем». «Думать так, по крайней мере, заставляют те барыши, которые выручаются торговцами»)
7. *Случайный характер возникновения промысла* («Торговля эта привилась здесь случайно»)
8. *Неизвестность основателя* («какой-то крестьянин села Николай-Дара»)
9. *Первое географическое расширение и усложнение промысла* («ходил в город Воронеж», «опять воротился в Воронеж», «в Воронеж отправились уже вдвоем»)

Структура описания
лукояновского промысла
«копченых икон» в 1890 г.
(по А.И. Звездину)

1. *Тип промысла* («из отхожих промыслов в Лукояновском уезде»)
2. *Место локализации* («в Лукояновском уезде», «в селениях: Николай-Даре (Скопино-тож) и Тольском Майдане»)
3. *Промысел как торговля иконами* («из отхожих промыслов ... – торговля иконами в селениях»)
4. *Особенный промысел* («по своей исключительности»)
5. *Промысел современный* («по своей ... относительной недавности»)
6. *Промысел как производство икон* («в настоящее время одна мастерская», «в которой занимаются производством различного рода икон»)
7. *Технологии производства иконы нового типа* («икон, выделяемых на фольге», «посредством копченых печатей»)
8. *Изменение со временем промысла как производства* («мастерских здесь было две, но не очень давно (лет 5–7 назад) хозяин одной из них ... перешел в г. Лукоянов»)
9. *Первое географическое расширение и усложнение промысла* («в Николай-Даре ... мастерских было две, но хозяин одной из них перешел в г. Лукоянов и туда-же перенес мастерскую».)

10. *Развитие промысла из паломничества* («какой-то крестьянин села Николай-Дара ходил на богомолье в город Воронеж и купил там несколько образков»)
11. *Развитие промысла из офенного дела* («в город Воронеж и купил там несколько образков. На обратном пути домой эти образки он сбыл и сбыл-то, как говорят, довольно выгодно, так что опять воротился в Воронеж и взял еще этих икон. И новая покупка опять благополучно сошла с рук. Дело, видит, хорошее: не трудное, а прибыльное. Пришедши домой, он подговорил с собой товарища, и они в Воронеж отправились уже вдвоем, на лошади, с целью купить там икон. Мало по малу таким образом они расторгались, пользуясь от своей торговли не малыми барышами».)
12. *Повышение экономической эффективности* («довольно выгодно», «дело хорошее / не трудное / прибыльное», «расторгались», с «не малыми барышами»)
13. *Второе географическое расширение и усложнение промысла* («за этот промысел взялись и другие», «торговля пошла чередом, перешедши из Николай-Дара и в Тольский Майдан»)
14. *Третье географическое расширение и усложнение промысла* («покупка образков стала производиться уже не в Воронеже, а в Николай-Даре, где открыты теперь две мастерских»)
15. *Промысел как производство икон* («открыты теперь две мастер-
10. *Разновидности расхожей иконы нового типа* («иконы распределяются, так сказать, на 5 различных сортов по величине и числу изображаемых на них лиц, с различными ценами на каждый сорт»)
11. *Отношения мастерских и офеней в экономике промысла* («в этих мастерских обладающие таким или иным капиталом закупают известное количество икон и распродают их по разным местам»)
12. *Количество и типы офеней-иконщиков* («таких продавцев в Николай-Даре считают до 25 ч и в Тольском Майдане до 20», «не все они занимаются своим промыслом одинаково и постоянно», «некоторые из них слывут за «постоянных», а некоторые за «временных»)
13. *Денежная экономика офенной торговли иконами* («нельзя точно определить на каких суммах производится торговля иконами», «смотря по состоянию каждого из них, капитал простирается от 100 р. <рублей> до 500 р.»)
14. *Кредиты офеней в мастерских* («нередко продавцы забирают иконы в мастерских «по доверию», выплачивая [изготовителю] известную сумму, на которую взято икон, уже потом, после долгого странствования и распродажи товара»)
15. *Сопутствующие товары* («и картины, и книжки, и крестики (медные и роговые), и пояски (с различными надписями), и шнурочки с иголками»)

- ских», «производимые в этих мастерских иконы»)
16. *Отличие этих новых расхожих икон от всех вязниковских* («отличны от всех других икон, какие мы видим у торговцев владимирских»)
 17. *Технологии производства иконы нового типа* («печатаются на фольге копчеными печатями», «отделяются в выбитыя фольговья ризы с разными украшениями», «покрываются стеклом», «сзади заделываются тонкою доской», «скрепляются по краям белой жостью», «печать положена при посредстве каких-то химических веществ»)
 18. *Технологии продажи иконы нового типа* («иконы с так-называемую «закрепою», «икона под особой меткою», «икона на пробу», «дозволяет разбить на ней стекло и заставляет стирать печать», «находчивость торговцев поднимает репутацию икон»)
 19. *Внешний вид расхожей иконы нового типа* («имеют не слишком большие размеры, так что на квадратной четверти помещаются 4 печати, т. е. 4 изображения...; более означенных размеров икон не видится. Листы, с наложенными на них печатями, отделяются в выбитыя фольговья ризы с разными украшениями, покрываются стеклом, а сзади заделываются тонкою доской и скрепляются по краям белой жостью.
Иконы эти на вид довольно красивы, правильны, но не совсем-то прочны»)
 16. *Тип продавца* («деревенский торгаш»)
 17. *Экономический успех торговли* («вся эта мелочь также охотно разбирается, как и иконы», «данный промысел никогда не заставляет беспокоиться продавцев, относительно успешного сбыта и порядочной прибыли от распродажи»)
 18. *Второе географическое расширение промысла и усложнение промысла* («картины и книжки покупаются торговцами в Москве, или на нижегородской ярмарке или во Мстере»)
 19. («надобно помнить, что главным *Иконы – главный товар* предметом торговли их служат иконы»)
 20. *Денежная экономика и прибыль в офенной торговле иконами* («Если мы возьмем средний капитал в 300 рублей и распределим его так, что 250 р. расходуются на образки различной величины и формы, а 50 р. на остальные предметы торговли, то придем к следующим выводам. Считая среднюю цену покупки икон по 15 к. <копеек>, торговец купит до 1500 икон (или до 1700) различного формата; об остальных мелочах не следует и говорить, так как дешевизна их известна каждому; между тем средняя цена при продаже – 20–25 к., так что торговец от продажи икон получит вместо 250 р., – уже 325–350 р.; прибавим к этому 15–20 р. прибыли от различного рода мелочей, тогда чистая прибыль будет колебаться между

20. *Разновидности расхожей иконы нового типа* («икона в 4 печати называется четырехличною, в 6 – шестиличною и в 9 – девятиличною»)
21. *Непрочность икон нового типа* («но не совсем-то прочны», «скоро разбивается стекло», «печать стирается», «от красивой иконы остается одна белая фольга», «сомнительная прочность икон»)
22. *Критика, подозрение, неприятие икон нового типа* («которые заподозривают прочность икон», «при продаже заходит речь о том, что иконы эти не прочны и печати стираются», «недружеский и нерелигиозный взгляд на них старообрядцев, как на новинку или, как говорят они: «на сажу»)
23. *Усложнение промысла: сопутствующие товары как ответ на неприятие новых икон* («в продаже вместе с иконами на фольге, появились картины, тоже отделанные в фольговые ризы»)
24. *Внешний вид, материалы и технологии сопутствующего товара – фолезных картин* («картины, тоже отделанные в фольговые ризы», «картины эти тоже небольших размеров: лик и руки изображаемого на них лица отделяются обыкновенно отчетливо, а остальная фигура остается в беле (в одном наброске) и закрывается ризою. Отделка та же, что и на иконах. ...Изображенные на них лица и события большей частью правильны»)
- 75 и 120 р., что, конечно, составляет значительную подмогу в жизни крестьянина»)
21. *Инфраструктура торговли: содержание торговцев в пути и во время торговли* («На прокорм себя и лошади на стороне продавец не потратит больших денег; очень часто случается, что они кормятся и даром, благодаря набожности и радушию народа»)
22. *Денежная экономика и офенной торговли иконами, картинами и книжками* («иконы, картины и книжки продаются и в розницу и десятками», «десяток икон небольшого размера продают за 3 р., больше по – 5 р., еще больше – 10 р.; наконец лучшей работы за 14 р. Книжки от 30 к. до 3 р.; картины лубочные 60–70 к. за 100; литографированные – 4 р. и хромофотографированные – 5 р.»)
23. *Рост промысла благодаря прибыли от производства и торговли иконами и картинами* («благодаря прибыльности от обработки и продажи икон и картин, количество рабочих лиц заметно увеличивается с каждым годом»)
24. *Природа и инфраструктура офенной торговли* («обычным временем для торговли на стороне служит зима»)
25. *Проблемы земледелия у кустарей* («в летнее время кустари занимаются земледелием», «в Тольском Майдане и Николай-Даре земля довольно хорошая», «не везде наделом крестьяне довольны», «надел получен по $1^{1/2}$ дес. на душу», «не смотря на при-

25. *Четвертое географическое расширение промысла и усложнение промысла* («картины привозятся с нижегородской ярмарки и из Москвы»)
26. *Пятое географическое расширение и усложнение промысла* («торговля иконами производится большею частью в сибирских губерниях», «в северо-восточной и восточной полосе России», «Сибирь-же и пограничные местности с Китаем – главное место сбыта»)
27. *Объяснение экономического успеха через описание жителей Сибири* («это потому, что там подобные вещи редки, а народ-то простоват и не скуп, а пожалуй и более набожен, чем у нас, а это главные условия для подобного рода торговли», «цена иконам, сравнительно с домашними ценами, там тройная»)
28. *Денежная экономика офенной торговли иконами* («цена иконам, сравнительно с домашними ценами, там тройная», «икона в 9 лиц, стоящая здесь в покупке 20 к., продается там торговцем за 60, или 80 к., 4-личная икона в 12 к., продается там по 30 и 35 к.»)
29. *Натуральная экономика офенной торговли иконами* («а еще выгоднее она сбывается, когда меняется на местные продукты – пшеницу, овес, холст, мерлушку и даже женские волосы. Торговцы все берут по дешевой и уменьшенной цене, продают же набранный товар там, где им выгоднее бывает продать»)
- быльность промысла, накопилось довольно значительная сумма недоимок», «причины видимой несостоятельности крестьян кроются отчасти в жизни самого народа, отчасти в внешних обстоятельствах», «главныя причины – это неурожаи нескольких лет под ряд»)
26. *О пристрастии части офеней к водке* («здесь развита склонность к спиртным напиткам»)
27. *Позитивный социальный эффект промысла* («при неурожаях промысел много помогает крестьянам», «с какой охотой занимаются им крестьяне»)
28. *Прогнозирование по развитию торговли этими иконами* («судя потому, с какой охотой занимаются им крестьяне, можно утверждать, что в будущем ему предстоит большее развитие и процветание»)

30. *Природа и инфраструктура офенной торговли* («торговля производится большею частью зимою, когда возможен бывает везде проезд, и время свободно от работ», «товар отправляется на возах», «иногда и водою через Нижний, по Волге и Каме»)
31. *Приемы и обустройство офенной торговли на местах* («иконы разносятся по домам в коробках», продаются с выгодой женщинам)
32. *Портрет главного покупателя* («женщины – главнейшие и выгоднейшие покупатели», «они религиознее мужчин», «чаще их бывают дома», «плохо знают цену вещам»)
33. *Товары офенной торговли в Сибири* («картины, книжки, ладан, крестики, пояски, гаруски, иголки, пуговики и т. п. мелочь»)
34. *Экономическая выгода офенной торговли всем этим товаром в Сибири* («весь этот товар продается в Сибири по двойной цене, сравнительно с здешними, и дает тоже не малую выгоду торговцам»)
35. *Инфраструктура торговли: содержание торговцев в пути и во время торговли* («содержание обходится им большею частью даром», «купивший икону считает за необходимое... напоить и накормить продавца», «сено для лошади всегда почти приобретается даром»)
36. *Общий вывод по экономике торговли этими иконами* («берут товару сот на пять или на шесть, иные на сто, на двести, и случается... на 500 р.», «получается

- до 300 чистаго барыша», «это в течении... 8 или 9 месяцев», «торговля не безобидная»)
37. *Кредиты офеней в мастерских* («торговцы кредитуются в мастерских тысяч на 20 р.», «не весь-же товар они берут в кредит», «вероятно ... половину за него уплачивают», «оборот торговли достаточный»)
38. *Прогнозирование по развитию торговли этими иконами* («покажет время»)
39. *Позитивный социальный эффект торговли иконами* («торговля иконами многих торговцев вывела из нищенства, из лежбечества», «поставила их на ноги»)
40. *Социально-экономический негатив в безпромышленных селениях* («нищенство», «лежбечество, которое так свойственно безпромышленным селениям»)
41. *О пристрастии части офеней к водке* («она-то их через чур разоряет»)
42. *Проблемы отношений офеней-иконниками с иконными мастерскими* (водка офеней «лишает в мастерских кредита»)

Литература

- Александрова, Туманова 2012 – Александрова О.И., Туманова А.О. Украшение икон фольгой и бумагой в южных районах Нижегородской области (по материалам этнографических экспедиций музея ННГУ им. Н.И. Лобачевского) // Святыни земли Нижегородской: Монастыри: Материалы II региональной научно-практической конференции / редкол.: Е.Б. Андреева и др. Н. Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2012. С. 110–114.
- Антонов 2022 – Антонов Д.И. Советские иконы как исследовательский проект // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 9. С. 155–164.
- Антонов 2024 – Антонов Д.И. Икона-«гнездо»: История комплексных святынь: от храмовых икон до советских «киоток» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 60–99.
- Антонов, Доронин 2022 – Антонов Д.И., Доронин Д.Ю. Советская икона: от рождения до «похорон» // Живая старина. 2022. № 1. С. 29–33.
- Антонов, Доронин 2023 – Антонов Д.И., Доронин Д.Ю. Советские иконы: история и этнография нижегородской традиции. М.: Индрик, 2023. 264 с.
- Антонов, Доронин, Завьялова 2024 – Антонов Д.И., Доронин Д.Ю., Завьялова А.И. Советские иконы: Методическое пособие по организации исследовательских работ. М.: Индрик, 2024. 64 с.
- Антонов, Завьялова 2024 – Антонов Д.И., Завьялова А.И. Советские иконы и семиотические идеологии: что руководит людьми, когда они руководят иконами // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 136–163.
- Антонов, Тюнина 2022 – Антонов Д.И., Тюнина С.Ю. Постсоветская судьба «советских икон» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. С. 94–109.
- Вальчак 2021 – Вальчак Д. Икона в сияющем окладе в каждом доме: Подкладные (фолевные) иконы в России на рубеже XIX–XX вв. // Studia Humanitatis. 2021. № 4. URL: https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/walczak_6.pdf (дата обращения 02.02.2024).
- Горюшкина 2021 – Горюшкина Л. П. Украшение икон: люди и традиции (по материалам Тамбовской экспедиции 2018–2020 гг.) // Деревенские святыни: Сб. статей, интервью и документов / публ. подгот. Е.В. Воронцова, А.Н. Алленов, В.С. Елагина, Е.А. Коршикова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2021. С. 59–66.
- Доронин 2022 – Доронин Д.Ю. Советская икона нижегородского юго-запада: генезис и локальные традиции // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. С. 70–93.
- Доронин 2023 – Доронин Д.Ю. Шилокша – село образовников: между монастырем и трактом // Живая старина. 2023. № 1. С. 35–40.
- Доронин 2024a – Доронин Д.Ю. Массовая крестьянская икона в России: история критики и семиотические идеологии // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 2. С. 35–60.

- Доронин 2024b – Доронин Д.Ю. «Мордовские иконы»: к вопросу о генезисе традиции обряжения фолежных икон на нижегородском юге // Вопросы исторического и экологического регионоведения: Сборник статей участников V Всероссийской научно-практической конференции: В 2 т. Арамаз, 21–22 марта 2024 г. М.: ООО «Эдитус», 2024. С. 165–175.
- Доронин 2024c – Доронин Д.Ю. Сияющие святыни: промысел расхожей иконы и его аффордансы в XIX–XX вв. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 100–135.
- Доронин, Завьялова 2023 – Доронин Д.Ю., Завьялова А.И. Цветы Липовки: ардаповская фолежная икона советского времени // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 2. С. 32–55.
- Злотникова 2023 – Злотникова И.В. Иконопись и народные промыслы: Их связь и взаимное влияние // Иконопись и народные промыслы: их связь и взаимное влияние: Материалы научной конференции, 24–25 июня 2022 г. М.: Северный паломник, 2023. С. 7–39.
- Иванов 1996 – Иванов С.А. «Адописные иконы» в контексте позднесредневековой русской культуры // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М.: Мартис, 1996. С. 385–391.
- Коровин 2024 – Коровин В.Ю. Фолежные иконы в Воронежском крае: к постановке вопроса этнографического изучения // Афанасьевский сборник: Материалы и исследования. Вып. 18: Народная культура и проблемы ее изучения: Сборник статей. Воронеж, 2024. С. 101–105.
- Соловьев 2017 – Соловьев Л.Г. Живопись и рисование в воронежском крае // Воронеж в воспоминаниях современников. XIX – первая четверть XX в. / публ., предисл. и коммент. А.Н. Акинъшина. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 2017. С. 137–201.
- Стомаченко 2003 – Стомаченко К.В. Народный обычай фолежного обряжения икон: по полевым наблюдениям в Воронежской и Липецкой областях // Традиции и современность. 2003. № 2. С. 98–102.
- Тарасов 1995 – Тарасов О.Ю. Икона и благочестие: Очерки иконного дела в императорской России. М.: Прогресс-Традиция, 1995. 496 с.
- Doronin 2018 – Doronin D.Yu. The “soft iconoclasm” in vernacular orthodoxy of Volga Finns // IKON. Journal of Iconographic Studies. 2018. Vol. 18. С. 197–204.

References

- Aleksandrova, O.I. and Tumanova, A.O. (2012), “Decoration of icons with foil and paper in the southern regions of the Nizhny Novgorod region (based on the materials of ethnographic expeditions of the N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University Museum)”, in *Svyatyni zemli Nizhegorodskoi: Monastyri: Materialy II regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Shrines of Nizhny Novgorod land. Monasteries. Proceedings of the II regional scientific and practical conference],

- Komitet po delam arkhivov Nizhegorodskoi oblasti, Nizhny Novgorod, Russia, pp. 110–114.
- Antonov, D.I. (2022), “Soviet icons as a research project”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 155–164.
- Antonov, D.I. (2024) “The ‘nest’ icon. The history of complex shrines. From temple icons to Soviet ‘kiotki’ (icons in image cases)”, *Gosudarstvo, religiya, tserkov’ v Rossii i za rubezhom*, no. 3, pp. 60–99.
- Antonov, D.I. and Doronin, D.Yu. (2022), “Soviet icon. From birth to ‘funeral’”, *Zhivaya starina*, no. 1, pp. 29–33.
- Antonov, D.I. and Doronin, D.Yu. (2023), *Sovetskie ikony: istoriya i etnografiya Nizhegorodskoi traditsii* [Soviet icons. History and ethnography of the Nizhny Novgorod tradition], Indrik, Moscow, Russia.
- Antonov, D.I., Doronin, D.Yu., Zav’yalova, A.I. (2024), *Sovetskie ikony: metodicheskoe posobie po organizatsii issledovatel’skikh rabot* [Soviet icons. A methodological guide for the organization of research work], Indrik, Moscow, Russia.
- Antonov, D.I. and Tyunina, S.Yu. (2022), “The post-Soviet fate of ‘Soviet icons’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 94–109.
- Antonov, D.I. and Zav’yalova, A.I. (2024), “Soviet icons and semiotic ideologies. What guides people when they guide icons”, *Gosudarstvo, religiya, tserkov’ v Rossii i za rubezhom*, no. 3, pp. 136–163.
- Doronin, D.Yu. (2018), “The ‘soft iconoclasm’ in vernacular orthodoxy of Volga Finns”, *IKON. Journal of Iconographic Studies*, vol. 18, pp. 197–204.
- Doronin, D.Yu. (2022), “Soviet icons of the Nizhny Novgorod Southwest region. Genesis and local traditions”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 70–93.
- Doronin, D.Yu. (2023), “Shiloksha – a village of icon makers. Between the monastery and the highway”, *Zhivaya starina*, no. 1, pp. 35–40.
- Doronin, D.Yu. (2024) “Mass peasant icon in Russia. The history of criticism and semiotic ideologies”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 35–60.
- Doronin, D.Yu. (2024), “‘Mordovian icons’. On the genesis of the tradition of decorating foil icons in the Nizhny Novgorod South”, in *Voprosy istoricheskogo i ekologicheskogo regionovedeniya: Sbornik statei uchastnikov V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Collected articles of participants of the V All-Russian scientific and practical conference “Issues of historical and environmental regional studies”], ООО “Editus”, Moscow, Russia, pp. 165–175.
- Doronin, D.Yu. (2024), “Shining shrines. The craft of popular icons and its affordances in the 19th – 20th centuries”, *Gosudarstvo, religiya, tserkov’ v Rossii i za rubezhom*, no. 3, pp. 100–135.
- Doronin, D.Yu. and Zav’yalova, A.I. (2023), “Flowers from the village of Lipovka. Soviet foil icons of the Ardatov region”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 32–55.

- Goryushkina, L.P. (2021), "Icon decoration. People and traditions (based on the materials of the Tambov expedition 2018–2020)", in Vorontsova, E.V., Allenov, A.N., Elagina, V.S. and Korshikova, E.A., eds., *Derevenskie svyatyni: sbornik statei, interv'yu i dokumentov* [Village shrines. Collected articles, interviews and documents], Izdatel'stvo PSTGU, Moscow, Russia, pp. 59–66.
- Ivanov, S.A. (1996), " 'Hell-painted icons' in the context of Late Medieval Russian culture", *Chudotvornaya ikona v Vizantii i Drevnei Rusi* [The miraculous icon in Byzantium and Old Rus'], Martis, Moscow, Russia, p. 385–391.
- Korovin, V.Yu. (2024), "Foil icons in the Voronezh region. On raising the issue of ethnographic study", in *Afanas'evskii sbornik: materialy i issledovaniya. Vyp. 18 Narodnaya kul'tura i problemy ee izucheniya: sbornik statei*. [Afanasiyev collection. Materials and research, iss. 18: Folk culture and the issues of its study. Collected articles], Voronezh, Russia, pp. 101–105.
- Solovyov, L.G. (2017), "Painting and drawing in the Voronezh region", in Akinshin, A.N., ed., *Voronezh v vospominaniyakh sovremennikov. XIX – pervaya chetvert' XX v.* [Voronezh in the memoirs of contemporaries. 19th the first quarter of the 20th century], Tsentral'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, Voronezh, Russia, pp. 137–201.
- Stomachenko, K.V. (2003), "The folk tradition of the foil decoration of icons. According to field observations in the Voronezh and Lipetsk regions", *Traditsii i sovremennost'*, no. 2, pp. 98–102.
- Tarasov, O.Yu. (1995), *kona i blagochestie: Ocherki ikonogo dela v imperatorskoi Rossii* [Icon and piety. Essays on icon art in Imperial Russia], Progress-Traditsiya, Moscow, Russia.
- Walczak, D. (2021), "Icon in a shining framework in every house. Riza-covered (folezh) icons in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries", *Studia Humanitatis*, no. 4, available at: https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/walczak_6.pdf (Accessed 2 Feb. 2024).

Информация об авторах

Дмитрий Ю. Доронин, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; demetra2@mail.ru

Виктор Ю. Коровин, кандидат философских наук, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия; 394018, Россия, Воронеж, Университетская площадь, д. 1; kometkin@mail.ru

Information about the authors

Dmitrii Yu. Doronin, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; demetra2@mail.ru

Victor Yu. Korovin, Cand. of Sci. (Philosophy), Voronezh State University, Voronezh, Russia; 1, Universitetskaya Sq., Voronezh, Russia, 394018; kometkin@mail.ru

Между истиной и нелепостью:
фотографии животных
в контексте таксидермических практик
рубежа XIX–XX вв.

Ксения О. Гусарова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kgusarova@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются параллели между фотографией и таксидермией и проблемы рецепции моментальной фотографии как способа получения и коммуникации научных знаний профессиональным сообществом таксидермистов на рубеже XIX–XX вв. Дискуссии вокруг использования фотографических изображений в качестве визуальной опоры для изготовления чучел позволяют пролить свет на конфликт между различными подходами к визуализации природы в период господства научной парадигмы объективности, описанной в основополагающей работе Лоррейн Дастон и Питера Галисона. Как показывает статья, в равной степени приверженные идеалу объективности таксидермисты могли приветствовать расширение знаний о механике движений животных, достигаемое благодаря фотографии, или сбрасывать полученную таким образом информацию со счетов как несущественную. В статье описываются позиции каждой из сторон и анализируются факторы, способствовавшие их формированию. Споры о применимости фотографии в целом и моментальной фотографии в частности в качестве образца для изготовления чучел иллюстрируют подвижность границ и напряженные отношения между наукой и искусством, инновацией и каноном, визуальным и материальным, репрезентацией феноменов и коммуникацией их сути для широкой аудитории.

Ключевые слова: история знания, визуальные медиа, фотография, таксидермия, материальность, объективность

Для цитирования: Гусарова К.О. Между истиной и нелепостью: фотографии животных в контексте таксидермических практик рубежа XIX–XX вв. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 4. С. 105–124. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-4-105-124

Between truth and absurdity? Turn-of-the-century taxidermists look at snapshots of animals

Ksenia O. Gusarova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
kgusarova@mail.ru*

Abstract. The article considers a parallel between photography and taxidermy and interrogates the attitudes to instant photography as a way of acquiring and communicating scientific knowledge by the professional community of taxidermists at the turn of the twentieth century. The debates as to whether snapshots of animals could serve as models for taxidermy shed light on the different approaches to visualization of nature in the historical period marked by the paradigm of scientific objectivity, as described in the seminal work by Lorraine Daston and Peter Galison. As the article shows taxidermists equally committed to the ideal of objectivity could welcome the increased knowledge on the mechanics of animal movements achieved through photography, or dismiss the information thus obtained as irrelevant. The article describes both positions and analyzes the influences which might have shaped them. The debate about the applicability of photography in general and instant photography in particular as a model for making stuffed animals illustrates the mobility of boundaries and the tense relationship between science and art, innovation and canon, visual and material, the representation of phenomena and communication of their essence to a wide audience.

Keywords: history of knowledge, visual media, photography, taxidermy, materiality, objectivity

For citation: Gusarova, K.O. (2025), “Between truth and absurdity? Turn-of-the-century taxidermists look at snapshots of animals”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 105–124, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-4-105-124

С уменьшением времени, необходимого для фиксации изображения на светочувствительной пластине, благодаря новым реагентам к концу XIX в. появилась возможность фотографировать быстродвижущиеся объекты, получая прежде недоступную информацию о траектории и фазах их движения. Фотография делала видимым то, что раньше, по выражению Вальтера Беньямина, принадлежало к области «визуально-бессознательного» [Беньямин 2000, с. 146], проясняла вопросы, которые долгое время были предметом споров, догадок и спекуляций. Широко известно пари, побудившее Эдварда Мейбриджа разработать способ, который

позволил сделать снимки лошади в галопе и доказать, что в определенный момент времени все ее четыре ноги отрываются от земли [Bainbridge 2018, pp. 206–208; Harte 2009, pp. 21–22; Smith 2013, p. 75]. Очевидна инновативность знаний и образов, полученных при помощи этих и других моментальных фотографий, однако их статус в культуре своего времени был неоднозначным: в то время как одни приветствовали расширение возможностей человеческого восприятия за счет новых технологий, другие оспаривали ценность подобных источников и их визуальную состоятельность.

В этой статье рассмотрим соотношение между фотографиями животных на рубеже XIX–XX вв. и репрезентациями живой природы в других визуальных медиа этого периода, прежде всего в изделиях таксидермистов. Претендовавшие на достоверность и жизнеподобие чучела животных и птиц в этот период служили ключевым подспорьем в изучении природы и способом популяризации знаний о ней. В то же время они подчинялись определенным художественным конвенциям, и если статус искусства, на который притязали профессионалы в этой области, за таксидермией признавался не всеми, декоративный потенциал чучел был более очевиден: таксидермические изделия широко использовались для украшения интерьеров и даже дамских головных уборов [Гусарова 2023].

Дискуссии вокруг использования фотографических изображений в качестве визуальной опоры для изготовления чучел позволяют пролить свет на конфликт между различными подходами к визуализации природы в период, когда, согласно формулировке Лоррейн Дастон и Питера Галисона, различные области естественных наук «начали подвергаться сомнению собственные традиции использования идеализирующей репрезентации» [Дастон, Галисон 2018, с. 52]. основополагающая работа Дастон и Галисона посвящена конфигурациям «объективности» в научных атласах, тогда как в данной статье я проанализирую интермедиальные отношения между двухмерным и объемным изображением, между призрачным образом, который фиксирует механический глаз фотографии, и материальными результатами ручного труда и имплицитных знаний таксидермиста.

Странные сближения: таксидермия и фотография

Ряд исследователей указывают на онтологическое сходство фотографии и таксидермии как техник репрезентации, актуализирующих – и проблематизирующих – оппозицию жизни и смерти.

Так, Джулия Лонг, развивая мысль Мэтью Брауэра, пишет: «И фотография, и таксидермия были способами вообразить животных в обстановке природы, контролируемой человеком» [Лонг 2011, с. 138]. В данном разделе статьи я подробно рассмотрю основания, которые позволяют проводить параллель между таксидермией и фотографией.

Оба медиума имеют «индексальную» природу, согласно классификации знаков, опирающейся на идеи Чарльза Сандерса Пирса. Иными словами, они содержат материальные следы реальности, к которой отсылают, а не просто репрезентируют ее за счет визуального подобия. Фотография механически фиксирует то, что находилось перед объективом в определенный момент, и, несмотря на возможности ретуши и комбинирования негативов, активно использовавшиеся уже в XIX в. [Вайнштейн 2017], обладает устойчивой аурой фактической достоверности. По выражению Ролана Барта, который одним из первых подробно рассмотрел статус свидетельства, закрепленный за фотографическим изображением, «референт прилегает к нему (снимку. – К. Г.) очень плотно» [Барт 2011, с. 20]. В таксидермии это прилегание еще плотнее – ведь речь идет о материальных останках животного, манипуляции с которыми призваны создать иллюзию жизни. Эта материальная связь и обуславливает особый статус таксидермии по сравнению, скажем, с анималистической скульптурой: чучело животного способно создавать более полное впечатление подлинности, но оцениваться этот эффект может диаметрально противоположно.

В немецкой классической эстетике, оказавшей значительное влияние на европейскую культуру «долгого» XIX в., доминировало представление, согласно которому чрезмерное сходство изображения с изображаемым объектом, достигаемое за счет выбора материалов (например, за счет использования в скульптуре цвета и естественных текстур), выдает недостаток мастерства художника. Фридрих Юстус Ридель в изданной в 1767 г. «Теории изящных искусств и наук» рассуждает о легендарной статуе коровы древнегреческого скульптора Мирона, заключая, что, будь она покрыта настоящей шерстью, эта корова не производила бы такого впечатления на зрителей, так как одновременно чересчур напоминала бы настоящее животное и, в силу отсутствия жизни, уступала ему¹. Эту мысль подхватывает Гердер, хотя довод Риделя о том, что покрытая шерстью статуя была бы «слишком схожа» с коровой, кажется ему забавным. По мысли Гердера, такая статуя «с точки зрения искусства была бы уже вовсе не коровой, а наби-

¹ *Riedel F.J.* Theorie der schoenen Kuenste und Wissenschaften. Jena: Christian Henrich Cuno, 1767. S. 142.

той косматой шкурой»². Комментарий Гердера недвусмысленно свидетельствует о низком статусе таксидермии в XVIII в.: ей по умолчанию отводится место за пределами искусства.

Действительно, в это время набивка чучел зачастую выполнялась мебельными мастерами и описывалась теми же глаголами, что и изготовление мягкой мебели. Распространение специального термина «таксидермия» в профессиональных кругах в начале XIX в. свидетельствует о первых попытках переосмыслить это занятие как практику, опирающуюся на научные и художественные основания, выходя за рамки простого ремесла [Aloi 2018, pp. 49–51]. Одновременно с языком описания менялись и технические приемы изготовления чучел: перед набивкой вымоченные в растворе сулемы шкуры, обладавшие значительно большей пластичностью, чем сухие, подвергались тщательной «скульптурной» моделировке³, а к концу столетия их стали натягивать на анатомически достоверную болванку, изготовленную по меркам освежеванной туши зверя. Все эти инновации для вводивших и популяризовавших их таксидермистов являлись прямыми индикаторами художественности профессии, требовавшей от исполнителя развитого вкуса и безупречного мастерства.

Борьба за признание таксидермии видом искусства разворачивалась параллельно со спорами о том, является ли искусством фотография. В этой области также многие практики отстаивали художественность своих занятий перед лицом критиков, акцентировавших нетворческую, чисто механическую природу фотографического изображения. Одним из самых известных недоброжелателей новоявленного вида искусства был Шарль Бодлер, писавший в связи с включением фотографий в экспозицию парижского художественного салона в 1859 г.: «Фотография стала прибежищем неудавшихся художников, малоодаренных или слишком ленивых недоучек»⁴.

² Herder J.G. Plastik: Einige Wahrnehmungen ueber Form und Gestalt aus Pygmalions bildendem Traume. Riga: Johann Friedrich Hartknoch, 1778. S. 44.

³ Waterton Ch. On museums // Essays on natural history, chiefly ornithology. L.: Longman, Orme, Brown, Green & Longmans, 1838. P. 301–303.

⁴ Бодлер Ш. Салон 1859 года // Бодлер Ш. Об искусстве. М.: Прогресс, 1986. С. 188. Сходные взгляды высказываются в анонимной статье «Выставка в Академии художеств за 1860/61 год», которую принято приписывать Ф.М. Достоевскому: «Фотографический снимок и отражение в зеркале – далеко еще не художественные произведения. <...> не то требуется от художника, не фотографическая верность, не механическая точность, а кое-что другое, больше, шире, глубже» (Выставка в Академии Художеств

Этот комментарий подчеркивает предполагаемую легкость занятия фотографией и ее автоматический характер, не требующий от фотографа ни технической, ни концептуальной изощренности. К таксидермии, в основе которой лежит кропотливый труд, подобное обвинение едва ли применимо, однако, как представляется, в случае обоих этих визуальных медиа их кажущаяся «прозрачность» (незаметность трансформаций, которым подвергается изображаемая реальность) скрадывает работу мастера, делая ее или совершенной невидимой, или по меньшей мере «нехудожественной».

«Механический» характер фотографии предполагал, что она хороша лишь в роли служанки искусства – например, для фиксации предметной композиции или положения модели, которые впоследствии будут перенесены на холст. Примечательно, что таксидермические объекты использовались похожим образом, в качестве подспорья для живописи: картины на тему дикой природы зачастую писались с использованием чучел животных и птиц в качестве «натуры». Британский таксидермист Монтагю Браун сетовал на низкое качество чучел, заметное даже на превосходных полотнах, выставляемых в Королевской академии художеств, и призывал своих коллег работать лучше, чтобы не вводить в заблуждение живописцев, вынужденных «рабски копировать» изделия чучельников. С другой стороны, при изготовлении чучел рекомендовалось руководствоваться «хорошими рисунками»⁵ – иными словами, таксидермические объекты были вовлечены в круговорот образов, включавший естественнонаучные иллюстрации, но также произведения живописи и скульптуры. Взаимовлияние всех этих форм репрезентации позволяет поставить под сомнение натуралистическую достоверность таксидермии, активно соучаствовавшей в идеализации природы, осуществлявшейся «высоким» искусством.

Фотография, сходным образом, существовала не изолированно, а в диалоге с живописью, графикой и скульптурой [Johnson 2018]. Снимки, претендовавшие на художественность, заимствовали композиционные решения из жанровой живописи и театральных мизансцен. С другой стороны, внимание к вещному миру в реалистической живописи развивалось параллельно успехам фотографии, а некоторые художественные направления и объединения, такие как Братство прерафаэлитов, целенаправленно пытались воссоздать эффекты фотографического зрения на холсте [Green-

за 1860/61 год // *Время*. 1861. Октябрь. Отд. 2. С. 150). Я благодарна Дарье Панайотти за указание на этот источник.

⁵ Павлов С.Т. Набивка чучел птиц и собиране орнитологических коллекций. М., <1909?>. С. 6.

Lewis 2017, pp. 73–74]. Видя в этом причину обеднения художественного воображения, Бодлер был категорически против использования фотографии даже в качестве «черновика» картины.

Примечательна функция, которую французский поэт считал при этом возможным и даже желательным закрепить за фотографией: «Пусть она спасает от забвения разрушающиеся здания, книги, гравюры и рукописи, пожираемые временем, драгоценные предметы, чья форма обречена на исчезновение и которые по праву требуют своего места в анналах нашей памяти»⁶. Фотография, этот продукт современной эпохи и «общей промышленной лихорадки», здесь противостоит разрушительному действию времени, которое парадоксальным образом угрожает «вечным» ценностям. Это время можно связать с идеей природы, действующей в оппозиции культуре, как пишет об этом Георг Зиммель в эссе об архитектурной руине: «будто художественное формирование было лишь насилем духа, которому материал подчинился против своей воли, будто он теперь постепенно сбрасывает с себя это иго и возвращается к независимой закономерности своих сил»⁷. Фотография, как показала Оксана Гавришина, способна не только документировать эти процессы (и, как надеялся Бодлер, сохранять образы исчезнувших памятников), но и воспроизводить логику руины за счет собственной материальности, случайных или преднамеренных несовершенств и утрат [Гавришина 2013; Гавришина 2018].

Однако на рубеже XIX–XX вв. сама природа грозила превратиться в руину под действием антропогенных факторов. К этому времени вымирание живых видов мыслилось уже как процесс, не ограниченный далекими геологическими эпохами, а непосредственно связанный с современностью. Массовая коммерческая охота, движимая, среди прочего, беспрецедентным спросом на модный декор из материалов животного происхождения, казалось, поставила под угрозу существование множества экзотических и даже некоторых распространенных в Европе и Северной Америке биологических видов [Cowie 2021; Daly 2015, pp. 148–188]. В противовес бессмысленной растрате жизней в угоду моде (зоологи подчеркивали переменчивость модных веяний и непрочность изделий, которые «в конце концов окажутся на свалке»⁸), естественнонаучная таксидермия рассматривалась как способ «сохранения»

⁶ Бодлер Ш. Указ. соч. С. 189.

⁷ Зиммель Г. Руина // Зиммель Г. Избранное: В 2 т. Т. 2: Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996. С. 227.

⁸ Hornaday W.T. Our vanishing wild life. Its extermination and preservation. N.Y.: New York Zoological Society, 1913. P. VII.

природы, в том числе сокращающегося биоразнообразия, которое следовало воссоздавать в зоологических коллекциях для грядущих поколений натуралистов.

Императив сохранения исчезающей действительности имплицитно вводил и поддерживал ощущение утраты, и продленное при помощи таксидермии и фотографии существование для многих ассоциировалось со смертью в большей степени, чем с жизнью. Хотя фотография и не уничтожает свой объект столь буквально, как таксидермия, в основе которой непременно лежит гибель животного, многие ее критики в XX в. приписывали ей разрушительный потенциал, от рассеивания ауры уникальных предметов [Беньямин 2000] до «микропыта смерти», который подстерегает позирующего для фотопортрета, на мгновение превращая человека из субъекта в объект [Барт 2011]. Впрочем, для животных «позирование» для снимков, напротив, стало весьма выгодной альтернативой статусу охотничьего трофея (и, в перспективе, чучела): распространение портативных камер с короткой выдержкой, параллельно с уменьшением количества дичи в лесах, привело к тому, что многие «настоящие охотники», по словам американского зоолога Уильяма Хорнадэя, «навечно повесили ружья на стену и взялись за фотоаппарат»⁹. На рубеже XIX–XX вв. фотография животных впервые смогла конкурировать с таксидермией как техникой репрезентации живой природы и влиять на изобразительный канон благодаря появлению на снимках невиданных прежде ракурсов и положений. Следующие два раздела статьи посвящены противоречивым аспектам этого влияния и конкуренции.

*«Натренировать свое зрение»:
переоткрытие природы
фотографическими средствами*

Развитие моментальной фотографии и ее применение для изучения биомеханики обычно связывается с двумя ключевыми именами – англичанина Эдварда Мейбриджа и француза Этьена-Жюля Маре. Несмотря на визуальное сходство созданных ими последовательностей снимков, иллюстрирующих фазы движения животных различных видов и людей за теми или иными занятиями, этих фотографов можно назвать антагонистами с точки зрения того, как они подходили к своим проектам и в чем видели их задачи. Исследование механики движения животных (в число которых вклю-

⁹ Ibid. P. 54.

чался и человек) в работах Мейбриджа было в значительной степени подчинено канонам академической живописи. Это особенно ярко проявлялось в снимках людей, где конструировались ситуации, обладавшие выраженным нарративным потенциалом, и использовался разнообразный реквизит. Неудивительно, что художники, включая такого мэтра американской живописи, как Томас Эйкинс, охотно обращались к фотографиям Мейбриджа в качестве визуальной опоры для репрезентации движения [Smith 2013, p. 89].

Наряду с общей стилизацией визуального ряда Мейбридж нередко прибегал к прямым манипуляциям с кадрами, если их последовательность на пленке выглядела недостаточно убедительно: например, дублировал изображение или изменял его масштаб [Smith 2013, pp. 80–81]. Для данного фотографа первостепенной важностью обладала вся совокупность изображений, репрезентирующих конкретное движение, а не визуализация его изолированных фаз. Не случайно работы Мейбриджа традиционно рассматривают в контексте предыстории появления кинематографа, и сам фотограф экспериментировал с проекциями движущегося изображения, запатентовав аппарат, которому дал название «зоопраксископ».

В противовес этому Этьен-Жюль Маре не проявлял интереса к кинематографу, считая его вторичным по отношению к естественному зрению: «Кино производит лишь то, что глаз и так может увидеть. Оно ничего не прибавляет к возможностям нашего зрения и не преодолевает его иллюзий» [Smith 2013, p. 81]. Возможность воссоздать движение из его отдельных фаз представлялась Маре ценной лишь постольку, поскольку, последовательно замедля смену кадров, можно было постепенно научить глаз распознавать то, что в обычных условиях недоступно человеческому восприятию: «Именно это замедление движений и придает ценность использованию фенакистископа, позволяя глазу с легкостью проследить все фазы действия, которые ускользнули бы от непосредственного наблюдения. Понемногу диск начинает вращаться быстрее, и глаз, уже привыкший к движению, которое он только что наблюдал, продолжает различать его фазы, несмотря на сокращение их длительности. Таким образом, можно натренировать свое зрение и вскоре начать схватывать, непосредственно наблюдая за движениями живых существ, отдельные детали, которые прежде ускользали»¹⁰.

¹⁰ *Marey E.-J. Le vol des oiseaux. P.: G. Masson, 1890. P. 165.* Фенакистископ – одна из ранних оптических игрушек, использующих феномен послеобраза для создания эффекта движущегося изображения [Крэри 2014, с. 138–144]. Зоопраксископ Мейбриджа представлял собой усовершенствованную разновидность фенакистископа.

Как явствует из этой цитаты, Маре стремился к расширению возможностей зрительного восприятия за счет специальных технических приспособлений, которые не только позволяли бы увидеть больше при их непосредственном использовании, но и тренировали бы глаз, научая его сверхчеловеческому видению. Иными словами, перцептивные данные человека, по мнению Маре, способны не только меняться в сторону постепенной деградации, но и развиваться под действием обучения, однако зрение в естественном состоянии настолько несовершенно, что никак не может служить ориентиром для оптических приборов и технологий создания изображений. Поэтому хронофотография (так Маре называл собственный метод покадровой съемки движения) «должна отказаться от репрезентации явлений такими, какими их видит глаз» [Smith 2013, p. 81].

Одним из проявлений этого отказа можно назвать совмещение различных фаз движения на одной фотографии: вместо последовательности кадров Маре создавал симультанные композитные образы, фиксировавшие движение как объемную, многомерную структуру. Их сюрреалистический, галлюцинаторный характер наглядно иллюстрирует тезис Беньямина о том, что «природа, открывающаяся камере – другая, чем та, что открывается глазу» [Беньямин 2000, с. 146]. Сходным образом, другой ключевой представитель Франкфуртской школы, Зигфрид Кракауэр, по выражению позднейших исследователей, «обращается к фотографии из-за ее способности не только запечатлеть, но также и денатурировать мир, который мы привыкли видеть» [Smith 2013, p. 7]. За границей видимого невооруженным глазом, куда позволяет заглянуть фотография, обнаруживаются причудливые новые формы, которые сложно соотнести с устоявшимся визуальным каноном.

Для Маре, однако, именно это и составляло их привлекательность – причем не столько в эстетическом плане, сколько в эпистемологическом. Сама неочевидность запечатленного на хронофотографиях подтверждала их ценность как научного свидетельства, ведь, по мнению Маре, «подлинный характер научного метода состоит в том, чтобы подменить наши несовершенные органы чувств и исправить их ошибки» [Smith 2013, p. 81]. Как явствует из этого высказывания, Маре был беззаветно предан идеалу научной объективности, описанному в работе Дастон и Галисона [Дастон, Галисон 2018]. Помимо фотографии Маре использовал для изучения движения разнообразные приборы, такие как манометры и миографы, которые также призваны были восполнить несовершенства естественного восприятия: «прямое наблюдение позволяет подсчитать взмахи крыльев крупных птиц, маховые движения которых разрежены. Но глаз не может проследить движения крыльев птиц мелких видов,

поэтому миография является ценным средством, позволяющем точно вычислить частоту махов»¹¹. Миограф регистрирует мышечные сокращения в виде тонких извилистых линий, визуальная абстракция которых показывает, как научные изыскания уводят Маре все дальше за пределы зримого, к невидимой суги вещей.

Чем менее внятной была визуальная регистрация сама по себе, тем сильнее она зависела от интерпретации, расшифровки, вербальных пояснений. Вместо того чтобы стать универсальным языком, на котором исследователи могли бы общаться друг с другом поверх национальных барьеров, показания таких приборов, как миограф, зачастую оставались достоянием локального профессионального сообщества. Вероятно, этим объясняется тот факт, что работы Маре были практически неизвестны его англоязычным современникам, которые, как правило, ссылались лишь на фотографии Мейбриджа. Тем не менее смысл, который при этом приписывался снимкам, мог в большей степени отражать проект Маре, чем его англо-американского коллеги.

Так, почетный куратор Смитсоновского института Роберт Шуфельдт писал в отчете этой организации за 1892 г.: «Используя камеру, таксидермист может зафиксировать ситуации, которые он никогда не получил бы благодаря невооруженному глазу и карандашу, а именно различные виды животных в стремительном движении, чего можно достигнуть, как следует попрактиковавшись, при помощи фотоаппарата. Стоит лишь изучить великолепные серии снимков, сделанные неумолимым Эдвардом Мейбриджем, чтобы понять, что я имею в виду»¹². Как и Маре, Шуфельдт настаивает на ценности технических приспособлений, позволяющих существенно расширить возможности человеческого восприятия. Прежде невиданные сцены, впервые улавливаемые фотоаппаратом, кажутся ему безусловно заслуживающими интереса – и, очевидно, подражания в таксидермической практике, популяризатором и апологетом которой он был. Попытки Шуфельдта добиться признания за таксидермией статуса искусства¹³ не отменяли ее значимости в качестве наглядного воплощения и инструмента популяризации естественнонаучного знания, и использование фотографии должно было повысить научную точность и познавательную ценность таксидермических изделий.

¹¹ Ibid. P. 99.

¹² *Shufeldt R.W. Scientific taxidermy for museums: Report of US National Museum, 1892. Washington, 1894. P. 383.*

¹³ *Shufeldt R.W. Taxidermy as an art // The Art World. 2017. Vol. 3. No. 3. P. 210–214.*

Взросшая скорость съемки позволяла не только уловить мельчайшие подробности движений, но и создать беспрецедентный визуальный архив, включающий многочисленные снимки местообитаний животных и птиц, отдельных образцов произрастающей там флоры, общих планов растительного покрова и других черт ландшафта – например, геологических пород. Таким образом, фотография если не полностью вытесняла рисунки и гербарии, то служила важным дополнением к ним, в количественном измерении быстро становясь одним из основных способов репрезентации природы.

Демократичность – или неразборчивость – фотографии в отношении предмета изображения, допускающая попадание в кадр случайных, «не значимых» деталей, способствовала расширению представлений о «природе», включая в них то, что прежде редко попадало в поле внимания художников и почти никогда – таксидермистов. Так, Шуфельдт призывал фотографов делать многочисленные снимки домашней птицы и скота в различных ракурсах. Он не поясняет, каким образом такие фотографии помогут «приблизиться к тому, что действительно нужно таксидермисту в работе»¹⁴ (учитывая, что естественнонаучные коллекции составлялись из особей диких видов животных), но очевидно, речь идет о как можно более доскональном изучении биомеханики на любых доступных примерах. Джейн Дезмонд отмечает, что идея реализма в таксидермии тесно связана с иллюзией движения, поэтому «жизнеподобная поза, сама по себе неизбежно статичная, должна прочитываться как остановленное движение или готовность к движению» [Desmond 2016]. Возможность фотографии совершенно буквально остановить движение определяла ее основную, хотя и не единственную ценность для таксидермистов.

«Эксцентрическая фотография»: критика моментальных снимков живой природы

Далеко не все практики рубежа веков были солидарны с Шуфельдтом в его полной энтузиазма оценке значения моментальной фотографии для создания чучел. Так, Монтагю Браун в своем пособии по таксидермии ссылаясь на заметку Шуфельдта лишь затем, чтобы назвать мнение автора «в корне неверным» и раскритиковать его собственные фотографии домашней птицы, «чьи напряженные, неэстетичные позы, если и являются естественными, столь явно вызваны испугом, что никому, кроме фотографа, любой ценой

¹⁴ *Shufeldt R.W. Scientific taxidermy... P. 383.*

стремящегося что-нибудь “щелкнуть”, не пришло бы в голову увечить их»¹⁵. Здесь мы наблюдаем активное сопротивление концептуальному и визуальному расширению идеи природы, которое несла с собой фотография. По мнению Брауна, не все животные и птицы достойны внимания натуралиста, и далеко не все их образы годятся для альбома, который рекомендовалось собирать начинающему чучельнику в качестве подспорья в работе.

Не прибавляя ничего к научным знаниям, фотография в глазах Брауна заметно понижает планку художественности, существовавшую в естественнонаучной иллюстрации. Так, домашняя птица сама по себе могла казаться не слишком удачным объектом изображения, поскольку не воплощала гордую красоту природы в достаточной мере. Показательно описание результатов одомашнивания дикой утки британским селекционером Эдвардом Хьюиттом в работе Чарльза Дарвина «Изменение животных и растений в домашнем состоянии»: «После третьего поколения его утки утрачивали изящную осанку дикого вида и начинали приобретать походку обыкновенной утки»¹⁶. Этот и другие подобные комментарии наглядно показывают, что предметом эстетического любования преимущественно выступали дикие животные, одомашнивание которых (за исключением лошадей и некоторых пород собак) воспринималось как вырождение, не только понижавшее их жизнеспособность, но и лишавшее природного изящества.

Неэстетичность уток и кур самих по себе усиливалась в определенных, «неканонических» ракурсах, в том числе в изолированных, прежде невидимых фазах движения. Птицы на фотографиях Шуфельдта кажутся Брауну перепуганными – в этом можно увидеть и отражение представлений о характере одомашненных видов, и критику специфических экспрессивных особенностей снимков, о которых идет речь. Если хронофотографии Маре «имеют целью прежде всего продемонстрировать любопытные положения, которые занимают различные виды птиц в полете»¹⁷, то Браун вовсе не разделяет подобного любопытства. Интерес Маре к тому, как именно летают птицы, носил не исключительно познавательный, но и инженерно-технический характер – фотограф стремился внести вклад в изучение аэродинамики и конструирование эффективных воздухоплавательных средств. Таксидермия была далека от

¹⁵ *Browne M.* Artistic and scientific taxidermy and modelling. L.: Black, 1896. P. 11.

¹⁶ *Дарвин Ч.* Изменение животных и растений в домашнем состоянии. М.; Л.: Огиз – Сельхозгиз, 1941. С. 200.

¹⁷ *Marey E.-J.* Op. cit. P. 148.

подобных задач, и Браун весьма критически оценивал визуальные данные, полученные Мейбриджем, называя их «эксцентрической фотографией»¹⁸.

В этой характеристике слышится противопоставление высокого искусства (с которым стремятся ассоциироваться таксидермисты) массовой культуре и ее развлекательным жанрам, таким как варьете, где существовали амплуа «эксцентрической певицы», «эксцентрического танцора», «эксцентрического комика» и даже «эксцентрического гимнаста» [Gordon 2009, pp. 36, 52, 133, 98]. Согласно французскому источнику 1892 г., «эксцентрический стиль предполагает ломаные и беспорядочные движения» [Gordon 2009, p. 98], и это пояснение как нельзя лучше описывает причины недовольства Брауна. Подобно трясущимся, будто в эпилептическом припадке, танцорам и завязывающимся узлом гимнастам, животные на фотографиях из серий Мейбриджа запечатлены в столь причудливых позах, что даже их видовая идентичность может оказаться под сомнением – они буквально не похожи сами на себя.

Как отмечает Дженнифер Такер в исследовании, посвященном естественнонаучной фотографии, доверие к фотографическим изображениям не гарантировано по умолчанию, а по крайней мере отчасти зависит от того, что именно демонстрируют снимки [Tucker 2013, p. 2]. Фотографии Мейбриджа не кажутся Брауну заслуживающими доверия – и вовсе не в силу манипуляций фотографа с визуальным рядом, которые как раз остаются незамеченными, а из-за «случайного» характера изображений, которые в этом смысле приближаются к артефактам съемки. Они не имеют никакой ценности для науки, а тем более для просветительских задач популярной коммуникации естественнонаучного знания, которые стоят перед зоологическими коллекциями.

За «эксцентричными» фотографиями Мейбриджа и его коллег в глазах Брауна тянется шлейф сенсационности, визуального аттракциона, способного лишь развлекать, а не поучать, эстетической и этической неразборчивости, которая и в наши дни ассоциируется с фотографами-папарацци. Всеядность документалиста, «любой ценой стремящегося что-нибудь шелкнуть», ассоциируется с энтузиазмом любителя, лишь осваивающего азы фотографии – второго антигероя размышлений Брауна. Его рассуждения о том, что «любительская фотография животных обычно представляет собой ужасную ошибку, особенно если вездесущий “кодаковец” не художник»¹⁹, воспроизводят дискурс о вреде непрофессиона-

¹⁸ *Browne M.* Op. cit. P. 10.

¹⁹ *Ibid.* P. 10.

лизма в фотографии, который, как показала Дженнифер Такер, преобладал в Великобритании в середине XIX в. Парадокс, однако, в том, что Браун, хоть и озабочен размытием эстетических критериев, происходящим в результате засилья любительских фотографических практик, отнюдь не стремится полностью закрыть посторонним доступ в свою собственную профессию – об этом свидетельствует сам жанр публикуемых им руководств и пособий, адресованных широкому кругу читателей.

Неумелым любительским снимкам Браун противопоставляет работы «профессиональных фотографов, с их глубокими познаниями ограниченных возможностей их искусства, – которые представляют животных в естественных и грациозных позах; достаточно привести пример прекрасных снимков Гамбье Болтона и капитана Хэйса, откуда просвещенный таксидермист может почерпнуть вдохновение»²⁰. Примечательно, что названные Брауном имена принадлежат к когорте «профессионалов, движимых желанием получить прибыль, а не создать научный документ» [Edwards 1996, p. 148]. Таким образом, диктуемый требованиями рынка коммерческий вкус, который в середине XIX в., по оценке Дженнифер Такер, воспринимался преимущественно негативно, к концу столетия приобретает как минимум две противопоставляемые друг другу ипостаси: с одной стороны, сенсационные «эксцентричные» снимки, а с другой – полные благородства фотографии, ориентированные на образцы академической живописи.

Сенсационность противостоит требованиям не только эстетики, но и научной строгости: так, рассказав в своем руководстве о таксидермической группе, изображающей схватку двух тигров, Браун считает необходимым оговориться, что она «пожалуй, может быть сочтена сенсационной и неподобающей в качестве музейного предмета»²¹. Сражающиеся животные – типичная тема таксидермических композиций [Aloi 2018], и критерии научности по Брауну, тем самым, оказываются жестче, чем у многих его коллег, отсекая любое подобие развлекательной зрелищности. Кроме того, Браун неоднозначно оценивает традиции репрезентации, унаследованные от раннего Нового времени, когда принято было совмещать все фазы жизни организма в одном изображении [Дастон, Галисон 2018]. Характеризуя естественнонаучные диорамы, воспроизводящие эту логику, Браун пишет: «несколько анахронично представлять имаго, куколки, личинки и яйца все вместе на растении, служащем им пищей, но исходя из задач музея важно показать

²⁰ Ibid. P. 11.

²¹ Ibid. P. 397.

рядом различные стадии жизни насекомого и растения для наглядности»²². Просветительские цели здесь расходятся с требованиями достоверности, предъявляемыми к строго научной репрезентации, однако в музейной экспозиции последними приходится пожертвовать ради внятности и зрительского удобства.

Таким образом, протест Брауна против ментальных фотографий живой природы невозможно исчерпывающе объяснить устаревшей парадигмой научного знания, игнорировавшей случайные искажения в пользу условных, идеализированных образов, призванных ухватить суть природного феномена во всех его ключевых проявлениях. Британский таксидермист безусловно стремился к точности и строгости научной репрезентации, относясь с подозрением и к «чрезмерной» живописности, и к эксцентричности, и к недостатку мастерства, и к наглядности, достигаемой в ущерб достоверности – то есть во многом разделял ценности своего американского коллеги, Роберта Шуфельдта. Интересно, что сам Браун отводил важную роль специфике национальной традиции в формировании канонов естественнонаучной репрезентации, утверждая: «никакие два художника, особенно если они из разных стран, не представят одним и тем же образом нечто, моделируемое на глаз и по меркам. Вероятно, американец сделает изображаемый объект как можно больше, тогда как англичанин придаст ему респектабельный и весьма солидный вид, француз – элегантную и поэтическую форму, а немец, если развивать эту идею, может превратить этот объект в причудливого и гротескного монстра»²³.

Очевиден стереотипный характер подобных идей: так, француз Маре в отливках, выполненных по хронофотографиям летящих птиц, придавал им отнюдь не «элегантную и поэтическую» форму, а столь же «эксцентричную», как в своих снимках Мейбридж и его американские последователи. Тем не менее, именно в Великобритании фотографии животных наиболее длительное время оказывались невостребованными в научном контексте: до 1904 г. английские зоологические общества иллюстрировали свои отчеты исключительно рисунками, «несмотря на то, что почти двадцатью годами ранее первые полутонные изображения, опубликованные в Англии, были напечатаны с фотографий, сделанных в Лондонском зоопарке» [Edwards 1996, p. 149]. Иными словами, Браун был не одинок в своем скепсисе: другие его соотечественники-натуралисты с пренебрежением смотрели даже на «прекрасные снимки Гамбье Болтона», по-видимому, имплицитно соглашаясь с суждением

²² Ibid. P. 408.

²³ Ibid. P. 286.

Джона Рескина о фотографиях: «Они не верны, хотя и кажутся подлинными. Это – испорченная природа»²⁴.

Заключение

По наблюдению Лоррейн Дастон и Питера Галисона, «<v> середине XIX века научная самость воспринималась современниками как нечто диаметрально противоположное самости художника; не менее регулярно противопоставлялись научные и художественные образы» [Дастон, Галисон 2018, с. 83]. Однако различные формы репрезентации естественнонаучного знания, как и различные дисциплины могли определять для себя дистанцию между наукой и искусством по-разному. Так, ботаники, отмечают Дастон и Галисон, «задержались» в рамках устаревшей визуальной парадигмы, отдававшей приоритет обобщающим рисункам по сравнению с механическими способами визуальной фиксации, такими как фотография. Авторы «Объективности» связывают это предпочтение с типологическим мышлением ученых, стремившихся визуализировать «характерную форму вида и даже рода» [Дастон, Галисон 2018, с. 177], я же хотела бы акцентировать материальность природы, с которой постоянно имеют дело как ботаники, собирающие гербарии, так и зоологи, изготавливающие чучела животных.

Из обработки природных образцов невозможно устранить субъективность оператора в той мере, в которой начиная с середины XIX в. к этому стремились специалисты из различных научных областей, прежде всего, физики. Особенно таксидермия, предполагавшая не просто сохранение шкуры животного, но воссоздание иллюзии жизни, не могла, подобно другим научным и околонучным практикам своего времени, перенять «техники, которые оставляли как можно меньше пространства для свободных действий как художника, так и ученого» [Дастон, Галисон 2018, с. 79]. Поэтому идея художественности здесь оставалась востребованной на всем протяжении господства парадигмы объективности, описанной Дастон и Галисоном.

Споры о применимости фотографии в целом и моментальной фотографии в частности в качестве образца для изготовления чучел наглядно иллюстрируют подвижность границ и достаточно напряженные отношения между наукой и искусством, инновацией и канонем, визуальным и материальным, репрезентацией феноме-

²⁴ Рескин Дж. Лекции об искусстве. URL: http://az.lib.ru/r/reskin_d/text_1870_lectures_on_art.shtml (дата обращения 25.12.2024).

нов и коммуникацией их сути для широкой аудитории. В равной степени приверженные идеалу объективности таксидермисты могли приветствовать расширение знаний о механике движений животных, достигаемое благодаря фотографии, или сбрасывать полученную таким образом информацию со счетов как несущественную. Подобные противоречия не только усложняют наши представления о бытовании научной парадигмы объективности в различных контекстах, но и не позволяя однозначно отождествлять фотографию и таксидермию в качестве индексальных медиа, иллюстрирующих идею господства человека над природой, как предлагали некоторые исследователи в первые десятилетия XXI в.

Литература

- Барт 2011 – *Барт Р.* Camera lucida: Комментарий к фотографии / Пер. с фр. М. Рыклина. М.: Ad Marginem, 2011. 272 с.
- Беньямин 2000 – *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Озарения. М.: Мартис, 2000. С. 122–152.
- Вайнштейн 2017 – *Вайнштейн О.* Everybody lies: фотошоп, мода и тело // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. 2017. Вып. 43. С. 200–234.
- Гавришина 2013 – *Гавришина О.В.* Мотив «современных руин» в американской фотографии 2000-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». 2013. № 7 (108). С. 88–96.
- Гавришина 2018 – *Гавришина О.В.* Фотография как руина // Шаги/Steps. 2018. Т. 4. № 3–4. С. 59–67.
- Гусарова 2023 – *Гусарова К.* Птицы на шляпах: рождение отвращения // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. 2023. Вып. 67. С. 135–165.
- Дастон, Галисон 2018 – *Дастон Л., Галисон П.* Объективность. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 584 с.
- Крэри 2014 – *Крэри Дж.* Техники наблюдателя: Видение и современность в XIX в. М.: V-A-C press, 2014. 256 с.
- Лонг 2011 – *Лонг Дж.* Питомцы на шее: живые и «совсем как живые» животные в моде 1880–1925 гг. // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. 2011. Вып. 21. С. 127–150.
- Aloi 2018 – *Aloi G.* Speculative taxidermy. Natural history, animal surface, and art in the anthropocene. N.Y.: Columbia University Press, 2018. 315 p.
- Bainbridge 2018 – *Bainbridge D.* Stripped bare. The art of animal anatomy. Princeton: Princeton University Press, 2018. 256 p.
- Cowie 2021 – *Cowie H.* Victims of fashion, Animal commodities in Victorian Britain. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 290 p.
- Daly 2015 – *Daly N.* The demographic imagination and the 19th-century city. Paris, London, New York. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 280 p.

- Desmond 2016 – *Desmond J.C.* Displaying death and animating life. Human-animal relations in art, science, and everyday life. Chicago: The University of Chicago Press, 2016. 312 p.
- Edwards 1996 – *Edwards J.C.* The value of old photographs of zoological collections // New worlds, new animals. From menagerie to zoological park in the 19th century / ed. by R.J. Hoage, W.A. Deiss. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1996. P. 141–150.
- Gordon 2009 – *Gordon R.B.* Dances with Darwin, 1875–1910. Vernacular modernity in France. L.: Routledge, 2009. 311 p.
- Green-Lewis 2017 – *Green-Lewis J.* Victorian photography, literature and the invention of modern memory. Already the past. L.: Bloomsbury, 2017. 173 p.
- Harte 2009 – *Harte T.* Fast forward. The aesthetics and ideology of speed in Russian avant-garde culture, 1910–1930. Madison: The University of Wisconsin Press, 2009. 330 p.
- Johnson 2018 – *Johnson G.A.* “In consequence of their whiteness”. Photographing marble sculpture from Talbot to today // Radical marble. Architectural innovation from Antiquity to the present / ed. by J.N. Napoli, W. Tronzo. L.: Routledge, 2018. P. 107–131.
- Smith 2013 – *Smith Sh.M.* At the edge of sight. Photography and the unseen. Durham, NC: Duke University Press, 2013. 293 p.
- Tucker 2013 – *Tucker J.* Nature exposed. Photography as eyewitness in Victorian science. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2013. 294 p.

References

- Aloi, G. (2018), *Speculative taxidermy. Natural history, animal surface, and art in the anthropocene*, Columbia University Press, New York, USA.
- Bainbridge, D. (2018), *Stripped bare. The art of animal anatomy*, Princeton University Press, Princeton, USA.
- Barthes, R. (2011), *Camera lucida: Kommentarii k fotografii* [Camera Lucida], Ad Marginem, Moscow, Russia.
- Benjamin, W. (2000), “The work of art in the age of mechanical reproduction”, in Benjamin, W., *Ozareniya* [Illuminations], Martis, Moscow, Russia.
- Cowie, H. (2021), *Victims of fashion, Animal commodities in Victorian Britain*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Crary, J. (2014), *Tekhniki nablyudatelya: Videnie i sovremennost' v XIX v.* [Techniques of the observer. On vision and modernity in the nineteenth century], V-A-C press, Moscow, Russia.
- Daly, N. (2015), *The demographic imagination and the 19th-century city. Paris, London, New York*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Daston, L., and Galison, P. (2018), *Ob"ektivnost'* [Objectivity], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

- Desmond, J.C. (2016), *Displaying death and animating life. Human-animal relations in art, science, and everyday life*, The University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Edwards, J.C. (1996), "The value of old photographs of zoological collections", in Hoage, R.J. and Deiss, W.A., eds., *New worlds, new animals. From menagerie to zoological park in the 19th century*, The Johns Hopkins University Press, Baltimore, USA, pp. 141–150.
- Gavrishina, O.V. (2013), "The motive of 'modern ruins' in the American photography of the 2000s", *RSUH/RGGU Bulletin. "Cultural Studies. Art Studies. Museology" Series*, vol. 108, no. 7, pp. 88–96.
- Gavrishina, O.V. (2018), "The photography as ruin", *Shagi/Steps*, vol. 4, no. 3–4, pp. 59–67.
- Gordon, R.B. (2009), *Dances with Darwin, 1875–1910. Vernacular modernity in France*, Routledge, London, UK.
- Green-Lewis, J. (2017), *Victorian photography, literature and the invention of modern memory. Already the past*, Bloomsbury, London, UK.
- Gusarova, K. (2023), "Birds on hats. The birth of disgust", *Teoriya mody: Odezhda. Telo. Kul'tura*, iss. 67, pp. 135–165.
- Harte, T. (2009), *Fast forward. The aesthetics and ideology of speed in Russian avant-garde culture, 1910–1930*, The University of Wisconsin Press, Madison, USA.
- Johnson, G.A. (2018), "'In consequence of their whiteness'. Photographing marble sculpture from Talbot to today", in Napoli, J.N. and Tronzo, W., eds., *Radical marble. Architectural innovation from Antiquity to the present*, Routledge, London, UK, pp. 107–131.
- Long, J. (2011), "Portable pets. Live and apparently live animals in fashion, 1880–1925", *Teoriya mody: Odezhda. Telo. Kul'tura*, iss. 21, pp. 127–150.
- Smith, Sh.M. (2013), *At the edge of sight. Photography and the unseen*, Duke University Press, Durham, NC, UK.
- Tucker, J. (2013), *Nature exposed. Photography as eyewitness in Victorian science*, The Johns Hopkins University Press, Baltimore, USA.
- Vainshtein, O. (2017), "Everybody lies. Photoshop, fashion and the body", *Teoriya mody: Odezhda. Telo. Kul'tura*, iss. 43, pp. 200–234.

Информация об авторе

Ксения О. Гусарова, кандидат культурологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kgusarova@mail.ru

Information about the author

Ksenia O. Gusarova, Cand. of Sci. (Cultural Studies), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; kgusarova@mail.ru

Культурная антропология и исследования актуальных традиций

УДК 379.845(470)

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-4-125-160

Новая сельскость и ее конструирование в воображении горожан: случай исторической карельской деревни Пяльма

Кирилл М. Королев

*Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия,
cyril.korolev@gmail.com*

Аннотация. На примере карельской деревни Пяльма, расположенной в Поонежье, в статье рассматривается конструирование образа традиционной севернорусской деревни бывшими и нынешними горожанами, которые, опираясь на собственные представления об аутентичности сельского, репрезентируют эту сельскую традицию для туристов-горожан, чьи знания о сельском преимущественно опосредованы массовой культурой и не подкреплены практическими умениями и навыками. Через сопоставление истории Пяльмы с другими примерами современной общественной работы с природно-культурным наследием на Северо-Западе России показывается, что типизация и музеефикация традиционной сельскости, характерная сегодня для многих регионов, в немалой степени обуславливается индивидуальными попытками сохранить деревни и обеспечить их развитие за счет привлечения туристов и деятельности в пространстве «экономики впечатлений». Отмечается, что для большинства «сезонных» жителей таких поселений, будь они местными или горожанами-дачниками, историчность места не имеет принципиального значения, в отличие от природных и инфраструктурных особенностей местоположения конкретной деревни. Делается вывод, что городские проекции сельскости в исторических поселениях, наблюдаемые в наши дни, постепенно все отчетливее подразделяются на общие и частные коммеморативно-туристические и личные хозяйственные практики, которые вместе образуют постпродуктивистскую «новую сельскость» исторических деревень Русского Севера.

Ключевые слова: новая сельскость, сельский туризм, русская деревня, Русский Север, наследие, природно-культурный ландшафт

© Королев К.М., 2025

Для цитирования: Королев К.М. Новая сельскость и ее конструирование в воображении горожан: случай исторической карельской деревни Пяльма // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 4. С. 125–160. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-4-125-160

New rurality as constructed by townspeople. A case of the Pyalma historical village in Karelia

Ciril M. Korolev

*N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
cyril.korolev@gmail.com*

Abstract. On the example of the Karelian village of Pyalma the article considers the construction of the image of a traditional Northern Russian village by former and current townspeople. Based on their own ideas about the authenticity of the rural, they represent that rural tradition to urban tourists, whose knowledge of the rural is predominantly mediated by popular culture and is not supported by practical skills and abilities. By comparing the history of Pyalma and other examples of contemporary public work with natural and cultural heritage in Northwest Russia, it is shown that the typification and museumification of traditional rurality, characteristic today for many regions, is largely due to the individual desire to preserve the villages and ensure their development by attracting tourists and activities in the space of the “impression economy”. It is noted that for the majority of “seasonal” residents of such settlements, whether they are local or urban summer residents, the historicity of the place is not of fundamental importance, in contrast to the natural and infrastructural features of the location of a particular village. It is concluded that urban projections of rurality in historical settlements, seen today, are gradually more and more clearly subdivided into common and private commemorative-tourist and personal economic practices, which together form a post-productivist “new rurality” of historical villages in the Russian North.

Keywords: new rurality, rural tourism, Russian village, Russian North, heritage, natural and cultural landscape

For citation: Korolev, C.M. (2025), “New rurality as constructed by townspeople. A case of the Pyalma historical village in Karelia”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 125–160, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-4-125-160

«Новая сельскость» (она же рурализация, рурбанизация и др.¹) сегодня все чаще признается характерной чертой современного социального ландшафта². Это явление, в разнообразии своих форм свойственное не только России, но и многим другим постиндустриальным странам [Hořáková et al. 2018], побуждает исследователей переосмысливать статус и функции сельской местности – прежде всего в городском их восприятии, в городской проекции, но также и в восприятии самих сельских жителей [Богданова, Бредникова 2013]; новые смыслы и значения понятий «деревня», «деревенское», «сельское» и их производных, выявляемые в ходе многочисленных case studies, задают иную исследовательскую оптику – если угодно, постпродуктивистскую, в которой деревня и сельское вообще небезосновательно рассматриваются не столько как места аграрного производства, сколько как пространства досуга и локусы наследия (природного и культурного [Никифорова 2012; Селиваненко 2015]). Отчасти сохраняет актуальность и позднесоветская версия «деревенского мифа» [Разувалова 2015], но вряд ли подлежит сомнению, что понятие «сельское» в наши дни наполняется содержанием, принципиально отличным от того, которое вкладывали в него этнографические исследования XIX и XX столетий.

Одним из следствий нового понимания и восприятия деревни и сельскости обществом выступает изменение направления миграционных потоков между деревней и городом. Если в индустриальную эпоху, в период активной колонизации деревни, шла массовая миграция сельских жителей в города, то уже с 1980-х гг. мы вправе говорить о постепенной смене вектора: горожане все охотнее выбирают деревню в качестве места проживания, временного или даже постоянного (о причинах см. [Виноградская 2018; Прилуцкий, Лебедев 2020]), причем такое устремление отмечается и среди «бывших деревенских», которые по тем или иным причинам не смогли до конца приспособиться к урбанизированной жизни, и среди «потомственных горожан», которые – опять-таки, в силу разных обстоятельств и аксиологий – делают выбор в пользу деревни как места своего обитания. Эта обратная миграция во многом способствует возрождению села и сохранению сельского уклада – в обилии

¹ Подробнее о терминологии см [Мельникова 2020а, с. 7].

² Первая версия данной статьи была опубликована на английском языке в журнале «Крестьяноведение» за 2023 г. (Т. 8. № 4. С. 152–173). Для настоящей публикации сведения о текущей ситуации в Пяльме были дополнены и актуализированы через дискурсивный анализ карельской прессы и блогосферы (VK, Telegram).

вариантов хозяйствования, от сугубо традиционного до технически передового, когда сельское бытие оказывается лишь внешним проявлением, обусловленным местоположением («домик в деревне»), а в остальном *modus vivendi* и *modus operandi* переселенцев сохраняют преимущественно городскую модальность. Благодаря обратной миграции и усилиям в первую очередь «новых деревенских», то есть горожан, покидающих городские агломерации ради выгод сельского образа жизни (зачастую воображаемых и идеализируемых; см. [Родман 2011; Darieva et al. 2018; Пберы, Bowler 1998]), отдельные русские деревни, например, еще сравнительно недавно выглядевшие обреченными на вымирание и исчезновение, переживают второе рождение и становятся опорными пунктами развития окрестных территорий³.

Пожалуй, наиболее наглядным подтверждением этого наблюдения являются деревни Русского Севера – обширного культурно-географического пространства, локализуемого, как правило, в пределах от северо-востока Ленинградской области (Лодейнопольский и Подпорожский районы) до побережья Белого моря (Карелия и Архангельская область), а на востоке – до восточных границ Вологодской области [Шабает и др. 2012: Мельникова 2019]. В 2018–2022 гг. автор настоящей статьи неоднократно бывал – проездом и с остановками – во многих деревнях этой местности и видел воочию, как отдельные (но, разумеется, далеко не все) ранее полузаброшенные населенные пункты – скажем, вдоль реки Пинега в Архангельской области или вдоль берега озера в Поонежье – на глазах оживают стараниями «новых деревенских», которые выбрали их своим местом жительства и теперь стремятся всячески развивать сами деревни и земли вокруг (см. также [Набек 2019]). (Нельзя не отметить, что схожие явления наблюдаются также в Ярославской – см. [Куприянов, Савина 2020] – и, отчасти, Тверской областях, если принимать в расчет соседние с «северными» регионы России, тогда как в Псковской и Новгородской областях, к сожалению, процесс вымирания деревень лишь

³ Конечно, судить об успешности подобных проектов – совокупно и в каждом конкретном случае – пока несколько преждевременно, однако привлекает внимание само относительное обилие таких инициатив. О тренде дезурбанизации в современной России см., например: *Стешин Д.* Большое Переселение: из городов обратно в деревни уедут жить 2–3 миллиона россиян // Комсомольская правда. 2020 16.04. URL: <https://www.kp.ru/daily/27118/4199151/> (дата обращения 17.10.2024), со ссылкой на исследование и статистические данные Центра отраслевой экспертизы «Россельхозбанка» 2020 г.

ускоряется⁴; среди причин такого разделения, как представляется, особое место занимает, наряду с географической близостью к Москве, откуда в основном идет поток переселенцев в деревню, «культурная престижность» ярославских и тверских угодий в сравнении с новгородскими и псковскими – см. об этом [Манаков 2002]).

Настоящая статья посвящена возрождению одной из таких деревень Русского Севера – исторической деревни Пяльма в Поонежье, где с начала 2000-х годов местная «мигрантская» община совместными усилиями восстанавливает сельское поселение и пытается его развивать. В первой части работы коротко излагается история Пяльмы и дается общая характеристика способов и инструментов, которые задействованы в возрождении деревни. В третьей части рассматривается личная история бывшего горожанина, а ныне сельского жителя – уроженца Пяльмы, сыгравшего ключевую роль в трансформации деревенского пространства; в завершение ставится вопрос об особенностях процесса превращения «сельскости» в «новую сельскость» в России последних лет.

Две Пяльмы

Если ехать от Пудожа в сторону Медвежьегорска вдоль Онежского озера, человек, несведущий в местной географии, но желающий попасть в старинное онежское село Пяльма, рискует запутаться и не успеть правильно среагировать: сначала появляется не слишком-то броский указатель коричневого цвета (принятое обозначение культурных объектов), а несколько километров спустя – уже синий; если проскочил первый и свернул с трассы на втором, то неизбежно разочаруешься – «синяя» Пяльма несколько не похожа на деревню, которая считается кандидатом в члены Ассоциации самых красивых деревень и городков России (АСКДР, <https://krasaderevni.ru/>)⁵. Придется возвращаться на трассу и ехать

⁴ Об этом, в частности, неоднократно рассказывал на городском семинаре по антропологии религии в Европейском университете (СПб.) А.А. Панченко, который в 2021–2023 гг. совершил несколько полевых выездов на юг и запад Новгородской области. Материалы этих выездов в настоящее время обрабатываются и готовятся к публикации.

⁵ Как утверждалось в газете «Карелия» за март 2019 г.: «Сегодня в Карелии лишь одна деревня – Кинерма – официально включена в список самых красивых деревень России. По нашему мнению, еще несколько деревень республики могут претендовать на звание самых красивых в России: Шелтозеро в Прионежском районе, Пяльма в Пудожском

обратно до нужного поворота – прямой дороги между двумя Пяльмами нет – или вовсе откладывать посещение второй, «подлинной» Пяльмы до следующего раза. Риск промахнуться и заехать не в ту Пяльму существенно возрастает, если двигаться от Медвежьегорска к Пудожу, поскольку в этом случае первым видишь именно синий указатель (да и автомобильные навигаторы предлагают в качестве основного адреса именно «большую» Пяльму). Словом, отыскать «правильную» Пяльму не так-то просто – быть может, отчасти именно поэтому приток туристов сюда сравнительно невелик (около 2000 человек в 2020 г.⁶); впрочем, для столь небольшой деревни и это количество посетителей, по словам информантов, оказывается избыточным, а потому Пяльма в последние годы практически перестала широко себя рекламировать.

Историческая, «правильная» Пяльма, расположенная на берегах одноименной реки, в километре от Онежского озера, представляет собой «кластер» трех поселений – Новинки, Заречья и собственно Пяльмы – и ведет свою историю, как считается, с XIV столетия. Пяльма упоминалась в 1375 г. в составе владений новгородского боярина Григория Семеновича и его сыновей Обакуна и Савелия [Чернов 2021]⁷. Тот же источник сообщает, что в период церковного раскола вокруг деревни существовали многочисленные скиты Выгорецкой пустыни, а с XVIII в. Пяльма, в которой насчитывалось до 1000 жителей, стала рыболовным, промышленным и торговым центром Поонежья⁸, поддерживала хозяйственные и торговые от-

и Хайкола в Калевальском» (Шелтозеро с момента публикации заметки уже успело стать членом АСКДР).

⁶ Здесь и далее сведения о Пяльме, если не указано иное, цитируются по полевым материалам автора (беседа со старостой деревни Пяльма П.А. Поташевым, август 2020 г.; личный архив).

⁷ См. также: *Костин А.Г.* В Римской волости, на жемчужной реке (историческое обозрение деревни Пяльма): Записки пудожского краеведа // Личный блог автора. URL: <https://pudoga.livejournal.com/150435.html> (дата обращения 17.10.2024); см. также: *Нилов Е.Г.* Голоса забытых деревень: из истории пудожских деревень // Пудожские вести. 2000. 28.11 (1-я часть); 01.12 (2-я часть); 05.12 (3-я часть). (Доступно в Пудожской районной библиотеке)

⁸ Ср.: «Проехавши от деревни Мягосовой 12 верст, для перемены же гребцов остановились по полудни в шестом часу возле погоста Пильма. Во оном погосте деревянная церковь Преображению Господню и Варламию Хутынскому. Здесь на впадающей в Свирь речке Пильме, в самом устье два пильных анбара или мельницы олонецкого купца Патапа Терентьева Свисникова; в анбарах по два станка, один анбар распиливает в день от 60 до 65 бревен, и тес отправляют на больших барках в Санкт-Петербург

ношения со многими поселениями вокруг Онежского озера, вплоть до Шуи под Петрозаводском. Впрочем, сохранившаяся застройка относится к более позднему периоду – второй половине XIX в.⁹

Главные достопримечательности исторической Пяльмы – три жилых дома: дом крестьянина Н.П. Соколова и дома предстателей местного рода рыбаков и купцов Поташевых – А.Ф. Поташева и Е.Л. Поташева. (Еще один «дом Поташева» – одноэтажный «дом-кошель крестьянина Поташева», как указано на сайте музея – в 1978 г. перевезли из Пяльмы в Пудожский сектор музея-заповедника Кижы.) Кроме того, возле деревенского кладбища стоит Ильинская часовня – в честь Ильи Пророка, обнесенная резной оградой (местный церковный праздник поэтому – Ильин день¹⁰); иконостас часовни был вывезен в ходе реставрации здания в конце 1970-х гг., ныне часть икон хранится в музее истории Санкт-Петербурга, некоторое количество находится в запасниках Эрмитажа, а 12 икон экспонируются в музее изобразительных искусств Республики Карелия в Петрозаводске¹¹. Еще к числу условно-исторических сооружений можно отнести черные бани в Заречье, пусть

и Олонец» (см.: *Челищев П.И.* Путешествие по северу России в 1791 г.: Дневник / под наблюдением Л.Н. Майкова. СПб.: Тип. В. Балашева, 1886. С. 16).

⁹ Что касается «синей» Пяльмы, этот населенный пункт возник на месте советского трудового поселка: в 1938 г. в исторической Пяльме разместилось 2-е Онежское отделение Белбалткомбината НКВД («Сухой Ручей») с 7 лагерями и 3 трудпоселками в окрестностях (см.: *Костин А.Г.* В Римской волости, на жемчужной реке...); сегодня «синяя» Пяльма ничем не примечательна для туриста, кроме того факта, что она заимствовала название исторической деревни и вводит в заблуждение часть приезжих. Дополнительные сведения по истории поселка Пяльма можно получить в местном музее истории Пяльмы и Пяльмского леспромхоза при Пяльмской сельской библиотеке (<http://pudozhlib.krl.muzkult.ru/pyalma>).

¹⁰ По утверждению сайта ГКУ РК «Республиканский центр по государственной охране объектов культурного наследия» (<https://monuments.karelia.ru/>), традиция престольного праздника в современной Пяльме возродилась «при содействии Пяльмского поселкового дома культуры», однако местные информанты этого не подтвердили.

¹¹ Каталог выставки «Писана икона сия при державе царя Алексея Михайловича». Работы иконописных мастерских Пудожья и Заонежья середины – второй половины XVII в.: иконы из собраний музея-заповедника «Кижы» и Музея изобразительных искусств Республики Карелия (г. Петрозаводск, 22 декабря 2017 г. – 18 марта 2018 г.). Петрозаводск: Изд-во МИИ, 2017; см. также: *Платонов В.Г.* Художественное наследие Карелии: Древняя иконопись Обонежья и западного Беломорья. Петрозаводск: Версо, 2018.

они неоднократно подновлялись, восстанавливались и переделывались с момента постройки.

В целом Пяльма по сохранности и привлекательности объектов своего наследия заметно уступает многим другим историческим поселениям России, будь то карельское, относительно близкое (350 км вокруг Онеги) село Шелтозеро, деревни Кимжа и Карпогоры в Архангельской области или село Вятское в Ярославской области (об исторических русских деревнях и о самом понятии «историческая деревня» см., например, [Дручевская, Авилова 2014]). Однако тот природно-культурный ансамбль, который образован рекой, мостом через нее, постройками по обоим берегам, часовней и окрестными лесами, создает яркий и запоминающийся ландшафт, притягательный для туристов – и во многом, как представляется, способствующий сохранению деревни в «живом» состоянии, поскольку местная община в свое время сумела оценить потенциал такого ландшафта и занялась его продвижением.

Деревня возрождается

С конца 1960-х гг. Пяльма постепенно пустела – молодые жители уезжали вместе с семьями в города (Петрозаводск, Ленинград, даже Архангельск), люди старшего поколения умирали. В результате к середине 1990-х гг. в деревне постоянно проживало не более 10 человек (столько же, сколько сегодня проживает там зимой). Но в самом конце 1990-х гг. в этом «исходе» наметился перелом – некоторые уехавшие стали возвращаться, а в 2001 г. в Пяльме, впервые в Карелии, было образовано территориальное общественное самоуправление (ТОС)¹² – община «Пяльма». Сейчас она объединяет около 70 человек; не все из них проживают в деревне постоянно, но все, как утверждает в карельской прессе, принимают посильное участие в благоустройстве поселения.

Здесь необходимо отметить, что уроженцев Пяльмы среди членов ТОС почти нет, в основном это городские жители, привлеченные местными красотами. По словам информанта, старосты П.А. Поташева, «кто по дружбе захотел помогать, кому просто у нас понравилось, вот и задержались, а кто землю себе прикупил и дом построил». При этом в Петрозаводске, как сообщается в заметке о Пяльме на сайте ГКУ РК «Республиканский центр по государственной охране

¹² См. справку Управления главы Республики Карелия по вопросам муниципального развития. URL: <https://www.pudogadm.ru/ekonomika/947704423/> (обращения 17.10.2024).

объектов культурного наследия», на протяжении последних семи лет ежегодно проводятся встречи «пяльмского землячества» – уроженцев деревни, которые покинули малую родину еще в позднесоветские годы (и не намерены возвращаться), но которые испытывают ностальгические чувства¹³. В заметке на указанном сайте еще говорится, что на очередной встрече земляков в «помещении Петрозаводского педагогического университета собрались люди разных возрастов и профессий...¹⁴ Люди собираются, чтобы встретить своих одноклассников, знакомых и родных, ведь большинство жителей Пяльмы – потомки старинных родов: Поташевых, Соколовых, Световых, Мостаковых. Актив общины уже много лет собирает материалы о жителях Пяльмы, об истории деревни: документы, предметы домашней утвари, орудия промысловой и хозяйственной деятельности».

Стараниями общины и при финансовой поддержке районных органов власти был отремонтирован методом «народной стройки» старый мост через реку Пяльма¹⁵; на средства гранта от респуб-

¹³ О такой «ностальгии с безопасного расстояния» (С. Ушакин) см. [Oushakine 2007; Paxson 2005] о деревенской ностальгии [Старовойтенко 2021] о локальной, а не темпоральной ориентированности ностальгии (со ссылкой на работы Э. Гидденса). Об особенностях «деревенской ностальгии» в сельской местности Русского Севера см. [Архипова 2018].

¹⁴ Заметка (Историческая деревня Пяльма. URL: <https://monuments.karelia.ru/napravlenija-dejatel-nosti/popularizacija/stat-i-ob-ob-ekta-hkul-turnogo-nasledija/pudozhskij-rajon/istoricheskaja-derevnja-pjal-ma/> [дата обращения 17.10.2024]) не датирована, но в ней сообщается, что «в этом году» (? – К. К.) представителям комитета удалось побывать на собрании землячества; отмечу также, что в материалах карельских СМИ довольно часто встречаются упоминания о пудожском землячестве, встречах земляков и деятельности этой организации, а вот о пяльмском землячестве сведений практически нет, за исключением одного видеорепортажа 2016 г. («Людей мало, но делается много»: Традиции Пяльмского землячества. URL: <https://tv-karelia.ru/lyudey-malo-no-delaetsya-mnogo-traditsii-pyalmskogo-zemlyachestva/> [дата обращения 17.10.2024]). Не исключено, что пяльмское землячество – составная часть пудожского, которое тоже собирается ежегодно в Петрозаводске, и потому староста Пяльмы уверенно говорит о «не одной сотне участников» (цит. по: Мешкова Н. В параллельных мирах // Лицей: интернет-журнал. 2011. 3 апр. URL: <https://gazeta-licey.ru/projects/russian-north/2248-v-parallelnyx-mirax> [дата обращения 17.10.2024]), подразумевая большее землячество «пудожской земли», а не землячество Пяльмы как таковой.

¹⁵ Замечу в скобках, что и после ремонта не каждый водитель отважится пересечь реку по этому мосту.

ликанского министерства по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями начались работы по восстановлению иконостаса деревянной часовни (тогда же информант рассказывает: «Я и в Петрозаводске разговаривал, и в Петербург ездил, просил, чтобы разрешили копии с наших икон сделать... С меня столько денег за одну копию захотели, что я сразу понял – проще будет по картинкам [репродукциям. – К. К.] заново нарисовать¹⁶. Нашли художников, обустраиваем часовню потихоньку»)¹⁷.

¹⁶ Ср. более развернутый рассказ того же информанта: «Я давно еще обратился в музей изобразительных искусств, чтобы узнать, можно ли сделать копии с икон. Там сказали, что студенты могут сделать это бесплатно, но за материалы нужно заплатить примерно 5 тысяч за каждую икону. Для сравнения: мы на 6 тысяч в то время сумели забетонировать клеть моста (купили 2 машины бетона), купили шпатель, чтобы полностью заменить забор вокруг кладбища, 2 машины грунта и машину щебня. А тут на одну икону 5 тысяч! Это нам не по карману было. Мы тогда решили сделать фотокопии по 500 рублей за штуку. Но в музее с нас за фотографирование наших же икон запросили по 200 рублей за каждый снимок! А там их 12 икон. Я говорю: “Это же наши иконы, мы их не требуем назад – дайте нам их хоть сфотографировать бесплатно!”. А сотрудница музея мне и отвечает: “У меня приказ от министерства культуры, мы не имеем права”. На что я, конечно, ей возразил: “Даже в Санкт-Петербурге в Эрмитаже 200 рублей заплатил – и щелкай хоть целый день, а тут за каждую икону 200 рублей!” У меня с собой только 200 рублей и было. Мы щелкнули одну икону и уехали. С другой стороны, нет худа без добра. Мы сделали копии икон, это намного качественнее. Каким образом? К нам несколько раз приезжали из филиала Академии наук, даже хотели провести здесь правительственную коллегию. Но в итоге провели коллегию министерства национальностей (Республики Карелия. – К. К.). Приехал министр со всей своей свитой, мы озвучили ему наши проблемы, и он посоветовал нам поучаствовать в конкурсе проектов. Я написал проект “Историческая память”, и мы выиграли этот конкурс, получили грант. Нам министерство национальностей выделило 50 тысяч рублей, на которые мы заказали в иконописной мастерской 5 икон. Потом таким же образом через (республиканское. – К. К.) министерство культуры сделали еще 5 икон» (цит. по: *Куракина Е.* Богатство деревни Пяльма // Портал «Общественный контроль», рубрика «Туризм». 08.10.2016. URL: <https://ok-inform.ru/obshchestvo/tourism/74435-bogatstvo-derevni-pyalma.html> [дата обращения 17.10.2024]).

¹⁷ К сожалению, часовня открывается только по церковным праздникам и для поминальных служб; в день, когда автор статьи был в Пяльме, часовня стояла закрытой, и увидеть, как ведутся работы по восстановлению иконостаса, не удалось. Летом 2024 г. в Пяльме по приглашению

Также община пытается привести в порядок грунтовую дорогу от трассы А-119 до деревни, подсыпает по необходимости гравий («ребята трассу ремонтировали, я с ними договорился, пустили их в баню помыться, а они нам гравия отсыпали») и вырубают кусты по обочинам, а еще – следит за состоянием деревенских домов. На сайте ГКУ РК «Республиканский центр по государственной охране объектов культурного наследия» утверждается, что эти работы ведутся местными жителями под контролем специалистов центра¹⁸, однако в ходе беседы с информантом – старостой деревни – об участии центра в сохранении деревни не упоминалось («сами, своими руками все строим и восстанавливаем, сами стройматериалы находим и делаем»)¹⁹.

С 2014 г. в Пяльме усилиями общественников-экологов и местных жителей проводится Лесной фестиваль – просветительское мероприятие, посвященное заботе о лесных массивах и особо охраняемых природных территориях. Из-за пандемических ограничений в 2019–2021 гг. фестиваль не состоялся, и остается лишь догадываться, будет ли он проводиться далее. Группа фестиваля в социальной сети «ВКонтакте» (200 участников) неактивна, иной информации в локальных новостях не найти, а местные жители отвечают уклончиво, рассказывая в основном о фестивалях прошлых лет; велик шанс, что история этого начинания оборвалась. Так или иначе, та информационная волна, которую удалось поднять вокруг Пяльмы благодаря фестивалю (особенно в 2015 г., когда проводился второй по счету фестиваль²⁰), все же немало помогла «раскрутить» деревню: именно с этого времени можно говорить об относительно стабильном туристическом потоке в Пяльму.

местного ТОС работала команда архитекторов-реставраторов из музея-заповедника «Кижы», которая частично восстановила успешную заново обветшать часовню.

¹⁸ См.: Историческая деревня Пяльма. URL: <http://monuments.karelia.ru/napravlenija-dejatel-nosti/populjarizacija/stat-i-ob-ob-ektah-kulturnogo-nasledija/pudzhskij-rajon/istoricheskaja-derevnja-pjal-ma/> [дата обращения 17.10.2024].

¹⁹ Возможно, такие разночтения в трактовках обусловлены той «политикой памяти», которой придерживается деревенский староста и которая подразумевает, насколько можно судить по его рассказам, немалое преувеличение собственной роли (как самого старосты, так и общины) в возрождении и обустройстве деревни; подробнее см. следующий раздел статьи.

²⁰ О современных фестивальных проектах, призванных развивать сельские территории и формировать локальные бренды, см. [Гаврилова 2016].

Еще в деревне сохраняется и развивается практика мастер-классов для организованных туристов и для местных активистов: так, в рамках проекта «Когда деревни были большими» (лето 2020 г., при поддержке Фонда президентских грантов, Пудожский район²¹) была организована целая «ремесленная» секция – «Традиционные промыслы и ремесла Пудожья», а темы мастер-классов возвращали участников к додеревенному быту и укладу – «Плетение из сосновой дранки», «Строение бань в старину», «Ловля рыбы старинными способами»²². Кроме того, в деревне существует – и иногда открывается для посетителей – музей сельской жизни, экспонаты которого вполне привычны для краеведческих провинциальных музеев такого рода²³.

Вообще, насколько можно судить по личным наблюдениям и по тем публикациям, которые время от времени появляются в районной и республиканской прессе, а также в туристических блогах²⁴, сельская община Пяльмы в последние годы отказалась от широкой публичности своего проекта и выбрала стратегию «точечного» присутствия в публичном поле и сугубо локального приложения усилий к развитию деревни. Это обстоятельство вряд ли вызовет удивление, если принять во внимание тот факт, что за возрождением деревни и за ее нынешней известностью стоит фактически всего один человек, чьи силы, разумеется, не беспредельны.

²¹ О самом проекте см.: Энтузиасты пытаются спасти сохранившиеся деревни в Карелии // Портал «Петрозаводск говорит». URL: <https://ptzgovorit.ru/news/my-est-entuziasty-pytayutsya-sohranit-ostavshiesya-derevni> (дата обращения 17.10.2024); заметку в газете «Пудожский вестник», URL: https://vk.com/wall-48215791_18845 (дата обращения 17.10.2024), а также описание проекта «Когда деревни были большими» // Фонд президентских грантов. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=E0DE22E6-4D1B-4320-A380-946370E38A4F> (дата обращения 17.10.2024).

²² Промыслы и ремесла Пудожья // Пудожский вестник. 2020. 14 авг. URL: https://vk.com/wall-48215791_18653 (дата обращения 17.10.2024).

²³ Об обычных и необычных сельских музеях см., в частности, [Куприянов, Савина 2020], а также беседу фольклориста В.В. Головина и К.М. Королева на портале «Территория Северо-Запад». URL: <http://patriacenter.ru/video/muza> (дата обращения 17.10.2024) и материалы аналитического сетевого проекта «Новый Музеон» с описанием ряда сельских музеев Северо-Запада РФ (группа проекта «Новый Музеон» в ВК: <https://www.vk.com/newmuseon>).

²⁴ См., например, блог «За гранью будней» (<https://holiday-trips.ru/>), материал 2015 г.

Личная история в современной истории Пяльмы

Когда изучаешь статьи в прессе и туристические блоги, посвященные Пяльме, сразу бросается в глаза, что буквально во всех материалах о деревне после 2001 г. (год образования ТОС) встречается одна и та же фамилия – Поташев: именно этот человек рассказывает гостям о деревне, проводит мастер-классы и редкие экскурсии в местном музее, занимается благоустройством, отвечает за коммуникацию с «внешним миром» (от представления интересов общины в контактах с органами власти до чисто хозяйственных отношений; ср. выше рассказ о «бартере» со щебнем для дороги), участвует в публичных общественных мероприятиях – словом, выступает как своего рода «персональный бренд» и олицетворение Пяльмы²⁵. В известной мере это объясняется его положением в общине – П.А. Поташев является старостой деревни; однако сводить все к «положению, которое обязывает», было бы, как представляется, не совсем корректно. Вся деятельность Поташева после возвращения в Пяльму – он уехал из деревни в 1970-х гг., поступил в университет в Петрозаводске, где впоследствии и осел, а в деревню вернулся в первой половине 1990-х гг. и занялся фермерством – выглядит со стороны осознанной попыткой «присвоить» себе это место – по праву рождения, в силу принадлежности к местному роду рыбаков, лесопромышленников и купцов и в силу собственной предприимчивости, которая побуждает выдвигать все новые и новые инициативы по развитию деревни, откликаться на возможности, предлагаемые текущей общественно-политической и социально-экономической повесткой (тот же Лесной фестиваль вырос из «народного» экологического проекта по созданию заказника «Река Пяльма»²⁶), и превратить Пяльму,

²⁵ Гораздо реже в СМИ упоминается фамилия другой уроженки Пяльмы – Т.П. Керимовой, которая ведет мастер-классы по карельской вышивке.

²⁶ *Яровой Г.* Пусть тебе приснится Пяльма... с галдарейкой: Репортаж с Лесного фестиваля в исторической карельской деревне Пяльма // Портал «Горизонтальная Россия», раздел «Карелия», материал от 19.08.2015. URL: <https://semnasem.org/articles/2015/08/19/pust-tebe-prisnitsya-ryalma-s-galdarejkoj> (дата обращения 17.10.2024). Также см. страницу, посвященную фестивалю и заказнику, на сайте проекта «Леса высокой природоохранной ценности», развиваемого российским отделением Всемирного фонда дикой природы (<https://hcvf.ru/ru/news/events/starostaderevni-pyalma-petr-potashev-mechtaet-sohranit-netronutuyu-karelskuyu-taygu-dlya>).

если воспользоваться выражением С. Панцер-Краузе [Panzer-Krause 2019], в «изюминку (hotspot) сельского туризма».

Когда Поташев покидал Пяльму в 1970-х гг., деревня уже была причислена к бесперспективному, то есть обреченному на уничтожение [Судьбы 1995; Мазур 2005; Калугина, Фадеева 2009]. Поэтому решение молодого человека (1953 года рождения) осесть в крупном городе казалось вполне логичным, однако, по словам старосты, ему всегда хотелось вернуться; правда, он «боялся прослыть тунеядцем, ведь работы в деревне не было: местную лесопилку перевезли в соседний поселок»²⁷. В общем-то, перед нами довольно типичная позднесоветская жизненная траектория сельского жителя [Ковалев 2009], но в эту траекторию вмещались перестройка и озвученная государством поддержка кооперативного и фермерского движений: Поташев откликнулся на этот призыв и взял в аренду сельхозугодья вокруг родной деревни.

Вообще со стороны складывается впечатление, что при иных внешних обстоятельствах Поташев почти наверняка, если судить по его собственным высказываниям, остался бы в городе, а историческая Пяльма разделила бы, скорее всего, участь множества исчезнувших деревень Русского Севера. Во всяком случае, его изложение истории умирания и возрождения поонежской деревни оказывается именно историей личного и непосредственного участия бывшего советского служащего в ее спасении («в другую деревню я бы не смог вернуться»²⁸). Но «романтизированная версия» возрождения Пяльмы (безусловно, она имеет право на существование и вполне может соответствовать фактическому ходу событий и фактическим интенциям их участников) внушает все-таки определенные сомнения: скорее, нынешний статус исторической деревни – результат коллективных усилий ТОС (и, быть может, условного землячества) и следствие комплексного воздействия целого ряда социально-экономических факторов. А та «политика памяти», которую проводит нынешний староста, объясняется его собственным целеполаганием – при молчаливом одобрении (или безразличии) других жителей деревни, поскольку те заняты прежде всего организацией своего персонального сельского досуга.

По рассказу Поташева, он по приезде в деревню занял наиболее пригодный для жилья и выгодно расположенный на пригорке

²⁷ Яровой Г. Указ. соч.

²⁸ Цит. по: Житель Карелии уже 33 года оживляет родную деревню // МК RU. Карелия, 17.09.2023. URL: <https://karel.mk.ru/culture/2023/09/17/zhitel-karelii-uzhe-33-goda-ozhivlyayet-rodnuyu-derevnyu.html> (дата обращения 17.10.2024).

пустовавший дом (родовой, но не своей семьи) и несколько лет его восстанавливал на собственные средства; а потом неожиданно прибыли хозяева дома, не появившиеся в Пяльме много лет, поблагодарили за заботу о жилище – и «предложили, как говорится, освободить помещение, бумаги показали, все как положено». Ныне староста обживает и ремонтирует семейный дом (А.Ф. Поташева), где также размещается и деревенский музей.

По туристическим блогам (см., в частности, блог «За гранью будней», или блог пользователя Vikni на портале LiveJournal²⁹) складывается забавное впечатление – Поташев неизменно первый, кого встречают гости, попадая в деревню³⁰. Сам автор настоящей статьи тоже столкнулся со старостой прямо на мосту через реку, тогда как все прочие жители деревни (собственно Пяльмы, не Новинки или Заречья) не показывались на глаза. Поневоле напрашивается предположение, что староста, когда он в деревне, считает своей обязанностью поджидать туристов, занимаясь «для вида» повседневными делами (в моем случае он возил на тачке гравий с дальнего берега реки). Это, разумеется, лишь допущение, и староста в ответ на прямой вопрос по этому поводу отшутился – мол, так совпало, только и всего, «видите, я же работаю»³¹, – но некоторая навязчивость присутствия Поташева в деревенском публичном пространстве, будь то физическом или виртуальном (материалы СМИ), подводит к мысли, что для старосты, который с течением времени из-за бюрократических препон разочаровался в фермерстве, зато сумел оценить все преимущества развития сельского туризма для сохранения деревни как таковой и местного ландшафта в целом, такое присутствие является неотъемлемой частью деятельности по развитию территории через продвижение туристического продукта. Не будет преувеличением сказать, что Поташев является «лицом» Пяльмы (самоназначенным или с одобрения общины – установить не удалось), а его личная история отъезда с малой родины и последующего возвращения удачно вписывается – возможно, была осознанно вписана – в конструируемую историю деревни как историю возрождения почти утраченных традиции и уклада.

²⁹ Личный блог: «Вечер в карельской деревне Пяльма», запись от 22.09.2019. URL: <https://vikni.livejournal.com/176039.html> (дата обращения 17.10.2024).

³⁰ Знакомые автора статьи, которые путешествовали вокруг Онеги весной 2022 г. и заезжали в Пяльму, также рассказывали, что первым им встретился не кто иной, как староста.

³¹ Судя по интервью Поташева СМИ, часто от него слышат и другой ответ: «Не хочу туда, где пальмы, а хочу остаться в Пяльме».

Пообщаться с другими жителями деревни, к сожалению, не вышло – они избегают общения, и поэтому основными материалами служат статьи в прессе и исследовательские работы. Показательно, что практически во всех публикациях³² авторы, рассуждая о деревне в целом, ссылаются все равно, как правило, на П.А. Поташева, который выступает в роли «голоса Пяльмы». В этом отношении полной противоположностью Пяльме выступают карельская же Толвуя (Медвежьегорский район), где «голосом» и «лицом» общины является не какой-то отдельный человек, а общественный совет, или село Великая Губа (тот же район), где имеется коллектив местных активистов [Морозова 2006, с. 168–169]. Так или иначе, в Пяльме как будто нет ничего «помимо Поташева» – точнее, рода Поташевых, поскольку, как удалось выяснить, еще одна представительница этого рода, сегодня проживающая в Петрозаводске, ведет стихотворную летопись деревни и тем самым тоже участвует – опосредованно – в конструировании истории Пяльмы (увы, это сочинение находится вне публичного доступа, даже отрывков нет на странице автора в социальной сети «ВКонтакте», а мой прямой запрос был автором проигнорирован³³). Не будет преувеличением сказать, что общее ощущение «поташевизации» преследует всякого, кто в наши дни пожелает углубиться в жизнь Пяльмы.

Разумеется, любое мало-мальски тщательное полевое исследование наверняка покажет, что в исторической Пяльме и вокруг нее много всего «помимо Поташева», но в силу обстоятельств, о которых уже упоминалось, пообщаться с другими местными жителями не удалось. В итоге история возрождения деревни сегодня преподносится стороннему наблюдателю именно голосом и глазами Поташева, и в этой истории староста оказывается главным героем.

Пяльма в старом и новом пространстве русской деревни

Приблизительно с середины 2000-х гг. на территории России стали все чаще возникать и фиксироваться общественные инициативы, подпадающие под определение политики памяти в ее

³² См. [Морозова 2006; Миронова 2010; Пермиловская 2011] и др.

³³ «Одной из рода Поташевых... написаны современные стихи, описывающие жизнь в Пяльме в хронологическом порядке» [Морозова 2006, с. 173].

«низовом» (grassroots) варианте³⁴: это и появление многочисленных частных / «народных» музеев³⁵ самой разной тематической направленности [Королев 2018; Черкаева 2019; Шехватова 2021], и популяризация реконструкторских движений и мероприятий [Колосков 2021]³⁶, и прочие практики «стихийной» коммодификации памяти (локальный и региональный брендинг через публичную «фольклоризацию» местной истории – см. [Ахметова, Петров, Байдуж 2018; Петрова 2013]; мемориализация природных и культурных ландшафтов посредством общественных экологических и краеведческих проектов – см. [Прохорович 2017]; и др.). В этот же ряд можно включить попытки локальных сообществ и отдельных местных активистов музеефицировать и коммодифицировать сельское наследие [Сельская Россия 2019; Нефедова 2013]. Как правило, такие попытки предпринимаются бывшими горожанами, которые перебираются в сельскую местность и стараются ее джентрифицировать, или «культурно реновировать», как выразился один из чиновников Ленинградской области, руководствуясь комплексом меркантильных, ностальгических, культурологических и даже патриотических соображений [Мельникова 2020b]; они превращают деревенские строения и окружающие пейзажи в том числе в туристические объекты – и тем самым радикально меняют функцию деревни: сам деревенский труд утрачивает – разумеется, не до конца, учитывая неизбежные инфраструктурные и экономические издержки сельской жизни – свой преимущественно аграрный характер и становится во многом «сервисным», т. е. городским [Петриков 2020].

Эта трансформация сделалась сегодня настолько заметной, что ощущается потребность каким-то образом упорядочить обилие низовых инициатив такого рода; появляются некоммерческие партнерства (наподобие уже упоминавшейся Ассоциации самых красивых деревень России, которая действует с 2014 г.) и иные

³⁴ Политика памяти, будучи разновидностью символической (или исторической) политики, есть стремление утвердить в настоящем те или иные способы интерпретации социальной реальности прошлого (ретроспективная реконструкция прошлого применительно к потребностям настоящего, как писал П. Бурдьё – см. [Бурдьё 2007]).

³⁵ Подробнее см. [Королев 2021].

³⁶ См. также интервью директора музея «живой истории» (ныне – парка «Бастион» в г. Сортавала) А.В. Тестова: Музей живой истории в Березово (Ленинградская область) // Электронный журнал «Пространство памяти. 2017. Вып. 3–4 (7). С. 7–13. URL: <http://patriacenter.ru/mag/> (дата обращения 17.10.2024).

общественные организации (например, объединения местных частных музеев), призванные организованно продвигать российскую сельскую глубинку, в том числе во взаимодействии с государством³⁷, повышать ее туристическую привлекательность (усугубляя коммодификацию сельского образа жизни; см. [Осипов и др. 2019]) и способствовать сохранению и возрождению русских деревень, пусть даже понятие «деревня» наполняется при этом неким новым, отличным от традиционного содержанием.

В регионах Северо-Запада (и не только) России процесс «преображения села» идет, что вполне объяснимо, неравномерно, постепенной туристизации подвергаются в первую очередь поселения, расположенные поблизости от федеральных и региональных автодорог – в пределах транспортной доступности с точки зрения среднестатистического путешественника – или находящиеся недалеко от региональных и локальных городских центров (скажем, село Вятское под Ярославлем, «штаб-квартира» АСКДР, или деревня Ложголово под Сланцами в Ленинградской области, где ежегодно³⁸ проводится для всех желающих фестиваль «Большие святочные гулянья», привлекающий немало участников и зрителей³⁹). В ряде случаев туристизация оказывается настолько масштабной, прежде всего по количеству приезжающих, что местные жители начинают страдать от последствий так называемого сверттуризма (*overtourism*; см. [Milano et al. 2019]): скажем, в январе 2017 г. жители карельской деревни Кинерма, первой среди деревень Карелии

³⁷ См. об этом, например: *Мозганова В.* Сельский туризм: красота – понятие экономическое // Портал «Business FM». URL: <https://www.bfm.ru/news/477402> (дата обращения 17.10.2024).

³⁸ В 2024 г. гуляний не было, но планируется возобновление праздника в январе 2025 г. С другой стороны, та же инициативная группа провела в 2024 г. сельский «Спелый фестиваль» в Лужском районе Ленинградской области в рамках проекта «Съезжий праздник».

³⁹ С другой стороны, этот фактор не всегда выступает определяющим: скажем, карельская Кинерма или архангельская деревня Кильца расположены достаточно далеко от основных трасс и урбанистических центров, но данное обстоятельство лишь повышает их привлекательность в глазах бывалых автотуристов, которые едут в глубинку за «подлинной стариной» и готовы преодолевать сравнительное бездорожье (из беседы с петербургским гидом-проводником, личный архив). Здесь уже, как представляется, сказываются умонастроения, свойственные определенной доле современных горожан и во многом родственные тому стремлению «познать истинную Россию», которое когда-то увлекло «в деревню, к народу» часть позднесоветской интеллигенции [Разувалова 2015; Неплюев 2020] и др.

вошедшей в список самых красивых деревень России от АСКДР, пожаловались в республиканское министерство культуры на чрезмерный наплыв туристов – «все население (деревни. – К. К.) насчитывает пять человек, а на территории 16 домов, из которых шесть являются памятниками архитектуры. За 2016 год деревню посетило около трех тысяч туристов. <...> Деревня физически не может принять всех путешественников, приехавших без предварительной заявки»⁴⁰. Тем не менее туристизация деревенского Русского Севера, если учитывать только эту территорию, продолжается, и многие умирающие деревни в той же Архангельской области, к примеру, стараниями бывших горожан создают у себя локальные «точки интереса», чтобы спасти поселения от окончательной гибели [Драникова 2017; Иванова 2019].

Историческая Пяльма в ее нынешнем облике может служить наглядным образцом такой туристизации. В качестве хозяйствующего субъекта деревня «умерла» еще в позднесоветский период, и фермерские авантюры 1990-х гг.⁴¹ этого положения не изменили, а возрождение деревни напрямую связано с пропагандистскими усилиями местной общины и лично старосты Поташева по привлечению туристов. Все общественные инициативы последнего десятилетия в Пяльме, включая Лесной фестиваль, были направлены на популяризацию поселения как «хранилища» сельской традиции и средоточия местного природно-культурного ландшафта (так, арт-объект в форме мандалы, представленный на одном из Лесных фестивалей, отражал, по замыслу создателей, потребность в сохранении «карельской тайги» вокруг Пяльмы, бесконечность «любви к земле, к лесу и взаимное существование человека и природы»⁴². Даже в неявном противостоянии с одноименным соседним поселком подчеркивается аутентичность деревни как «оплота» традиции: «Они – новые, настоящая Пяльма вот тут, у нас, а там (в поселке. – К. К.) лесхоз был, тайгу рубили безоглядно, такую красоту уничтожали, хотя люди у нас всегда в согласии с природой

⁴⁰ Цит. по: *Лысенко Я., Семенова А.* Пять минут славы российской глубинки: Как живут в ставших знаменитыми населенных пунктах России // Портал «Газета.ру». 29.01.2017. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2017/01/27/10495931.shtml?updated> (дата обращения 17.10.2024).

⁴¹ О них см., в частности, [Нефедова 2019]; староста деревни сегодня сам характеризует свои попытки уйти в фермеры как «авантюру».

⁴² Цит. по: *Поташов В.* В исторической карельской деревне построили мандалу // Портал «Вести Карелии». URL: https://vestikarelii.ru/social/v_istoricheskoy_karel_skoj_derevne_postroili_mandalu/ (дата обращения 17.10.2024).

жили». Эта сельская традиция в ее туристической репрезентации и является, собственно, сегодня залогом существования Пяльмы как самостоятельного поселения – во всяком случае, в изложении старосты, и туристы, насколько можно судить по блогам и отчетам, едут в Пяльму именно за традицией (как они ее понимают).

Местные активисты, как правило, превращают деревенский ландшафт или какой-либо его элемент в туристический продукт, опираясь на собственные представления о красотах села, особенностях и ценностях сельской жизни; эти представления во многом обуславливаются, конечно, влиянием массовой культуры, которая – через «пейзажный патриотизм» школьных учебников с отрывками классических «деревенских» текстов, СМИ и визуальных образов медиа [Штырков 2016; Желамский 2018] – навязывает обществу некие стереотипы восприятия сельскости. Тем самым такие активисты (и местные власти, если те поддерживают подобные общественные инициативы), оказываются и производителями обобщенной, условной сельскости, и потребителями коллективного знания о сельском [Panzer-Krause 2019, p. 7], а в результате, даже располагая они какими-то оригинальными идеями и решениями применительно к демонстрации сельского, им приходится адаптировать – в той или иной степени – свои оригинальные идеи под массовый спрос (масс-культурный образ), так что «всюду видим привычные прялки, веретена и колыбельки»⁴³ (это вовсе не сугубо российское явление – например, о сходном воздействии туризма на вернакулярную индейскую культуру см. [Deitch 1987]). Туристы же едут в деревню за сельской идиллией, каковая им рисуется под воздействием все той же массовой культуры, и достаточно сильно разочаровываются – сужу по собственным впечатлениям от общения с несколькими группами организованных туристов и местными активистами в Архангельской области в 2019 (Каргополье) и 2020 гг. (Пинежье, Мезень), – если их ожидания не оправдываются.

Показательно, что локальные репрезентации сельскости и туристские ожидания – если воспользоваться выражением Д. Макканелла [MacCannell 1976], их в совокупности можно охарактеризовать как «инсценированную» или «постановочную аутентичность» (staged authenticity) – в равной мере формируются не сельской, а городской культурой, поскольку именно городская, урбанизированная культура сегодня выступает в качестве массовой (о становлении и «урбанизации» массовой культуры в России см. [Королев

⁴³ См.: Головин В.В. Традиция и фольклор в наши дни: Видеозапись // Портал «Территория Северо-Запад». URL: <http://patriacenter.ru/video/muza> (дата обращения 17.10.2024).

2019, с. 92–101, 157–211]), и это обстоятельство не может не сказываться на представлениях об аутентичности сельской «пасторали», которую, в общем-то, обе стороны пытаются вообразить, репрезентировать и «законсервировать». В такой ситуации производитель «законсервированной» сельскости, сам в подавляющем большинстве случаев бывший горожанин, предлагает посетителям деревенской локации туристический продукт, который вряд ли может считаться подлинно сельским, но который вполне отвечает распространенным, преобладающим воззрениям на то, что такое сельскость.

Историческая Пяльма сегодня – как раз пример подобных распространенных воззрений. Начиная от грунтовки, что ведет от трассы к деревне, и моста без перил через реку до самой реки, часовни над нею, частично заслоняемой ивами, и добротных, пусть слегка обветшалых снаружи старинных крестьянских домов, эта деревня вполне соответствует расхожему образу традиционного сельского поселения на Русском Севере (о таком образе см., например, [Пермиловская 2011; Усов 2021] и др.). А экскурсии, которые устраивает местный староста, мастер-классы, которые он проводит, приемы и практики общения с гостями, общественная деятельность, которой он занимается, органично дополняют этот городской образ северорусской деревни и явно рассчитаны на потенциального туриста, способного своим визитом – и последующим тиражированием впечатлений посредством «сарафанного радио» и интернет-среды, благодаря чему в Пяльму тянутся новые гости⁴⁴ – продлить текущее существование деревни в качестве исторического поселения и главной изюминки конкретного природно-культурного ландшафта. При желании этот турист может задержаться в окрестностях деревни на несколько дней (по соседству с Пяльмой имеется гостевой дом; о гостевых домах на Русском Севере, создаваемых горожанами для других горожан, см. [Аверкиева 2020]) и более глубоко вжиться в здешнюю «сельскую идиллию» – без необходимости осваивать на практике традиционный деревенский быт с его особенностями, малопривлекательными для современного горожанина. «Инсценированная аутентичность» в сочетании с привычными

⁴⁴ Из недавней беседы с гидом-проводником, который составил автомобильный туристический маршрут вокруг Онежского озера: «После Медвежьегорска и Сандармоха как не заехать в Пяльму? Все знают, что это историческая деревня» (полевые материалы автора). Обобщение «все» можно списать на экспрессию собеседника, глубоко погруженного в тематику своей деятельности, однако оно подчеркивает и отражает несомненную известность Пяльмы в «пространстве молвы» (П. Щедровицкий).

городскими удобствами (горячая вода, туалет в помещении и пр.) обеспечивает как раз ту картину, которую желает увидеть горожанин-путешественник в сельской местности, – и это означает, что «новая сельскость» в том виде, в каком ее предлагает нынешняя Пяльма, будет, скорее всего, воспроизводиться и далее.

При этом сверхтуризм Пяльме вряд ли грозит, учитывая отдаленность деревни от локальных городских центров (до ближайшего крупного города, Петрозаводска, 250 км вокруг Онеги⁴⁵, до Вологды 530 км, до Санкт-Петербурга – почти 700 км); приток туристов едва ли станет по-настоящему массовым, доберутся сюда лишь те, кто поедет целенаправленно.

Что дальше?

Как уже отмечалось, во многом нынешняя Пяльма – это ее староста П.А. Поташев. Если он по каким-либо причинам утратит интерес к своему детищу⁴⁶ (что, впрочем, пока представляется

⁴⁵ Приблизительно такое же расстояние отделяет Вологду от Тотьмы, которая тоже находится в стороне от основных маршрутов (трасса Москва – Вологда – Архангельск), однако которая в последние годы усилиями местных активистов стала образцом для подражания в масштабах если не всей страны, то европейской части России с точки зрения эффективной работы с наследием и природным ландшафтом; но здесь нужно делать поправку на статус поселения: Тотьма – районный центр, некогда уездный и купеческий город, средоточие торговых путей, а Пяльма – деревня, давно лишившаяся своего хозяйственного значения. Кроме того, в Тотьме сложился коллектив единомышленников, увлеченных идеей освоения и приумножения наследия, тогда как в Пяльме, повторюсь, многое зависит всего от одного человека. Поэтому сравнивать Пяльму с Тотьмой на основании сопоставимых расстояний от крупных городов было бы некорректно. О Тотьме и местных проектах см. [Мастеница 2020; Чернега 2020], а также: Тотемский район: прошлое, настоящее, будущее. Краеведческий альбом / Тотемское музейное объединение (кол. авт.; отв. ред. и сост. А.В. Кузнецов, А.М. Новоселов). Череповец, Тотьма: Порт-Апрель, 2019.

⁴⁶ Любопытно, что в сентябре 2022 г. в обсуждении сообщения об очередной межрегиональной конференции «Развитие форм участия населения в осуществлении местного самоуправления в Северо-Западном федеральном округе» в социальной сети «ВКонтакте» со стороны Ассоциации ТОС Республики Карелия по поводу общины в деревне Пяльма было заявлено следующее: «Про результаты работы этого ТОС информации в Ассоциации мало, так как в региональных конкурсах он практически

маловероятным, если отталкиваться от его слов и той активности, которую он проявляет) или отойдет от дел в силу возраста, какие перспективы ожидают деревню?

В своем интервью для видеосериала «Частный музей: курс молодого бойца» в рамках аналитического сетевого проекта «Новый Музеон» директор музея Дороги жизни в деревне Кобона Ленинградской области С.В. Марков признался, что его сильнее всего беспокоит судьба музея в относительно близком будущем, лет через 10–15, когда он сам уже не сможет из-за возраста уделять музею должное внимание: «Дети интереса не проявляют, и не только у меня. Говорят, нам неинтересно. Так что вопрос, поднимет ли кто выпавшее знамя, так сказать. Вот что волнует»⁴⁷. Эти опасения разделяют многие создатели частных музеев Северо-Запада, с которыми автору настоящей статьи довелось общаться.

Полагаю, что схожие чувства должен испытывать и староста Пяльмы – ведь среди односельчан, как он сам говорит, преемника в общественных делах пока не видно⁴⁸.

Более того, остальное население Пяльмы – как более многочисленное «летнее», или дачное, так и скудное «зимнее» – не стремится, похоже, к сколько-нибудь активному участию в публичной деятельности по сохранению исторической застройки и окружающего ландшафта, довольствуясь ведением собственного хозяйства и организацией собственного досуга. Такой образ сельской жизни характерен для многих современных русских деревень⁴⁹: основную часть жителей составляют бывшие горожане, которые выкупили деревенские дома и переселились из города в сельскую местность, и дачники; занятия – преимущественно ведение подсобного хозяйства (сад и/или огород), рыбалка и реже охота, а быт все более сближается с городским (водопровод, биотуалеты и т. д.).

не участвовал. Участие отмечено в конкурсе социально значимых проектов ТОС в 2018 г., а в конкурсах, проходивших в Республике в последнее время, таких как Лучшее ТОС, Лучшая практика ТОС, Лучший праздник деревни (села), Самое красивое село (деревня) данный ТОС не заявлялся» (орфография источника сохранена, URL: https://vk.com/wall-169034427_1349?w=wall-169034427_1349 [дата обращения 17.10.2024]).

⁴⁷ Марков С.В. Интервью для проекта «100 минут музейной практики». Видеозапись // Портал «Территория Северо-Запад». URL: <http://patriacenter.ru/video/100m/> (дата обращения 17.10.2024).

⁴⁸ О личном факторе в современных «народных» проектах см. [Лебедев 2007].

⁴⁹ Ср. недавнее исследование жизненного уклада в нескольких исторических поселениях Ленинградской области ([Алексеев и др. 2020]).

Так или иначе, судьба исторической Пяльмы и ее наследия, на мой взгляд, тесно связана с деревенским старостой и его «политической деревенской памяти», при всей конвенциональности последней. (Конечно, сказанное не означает, что утрата исторического статуса – если такое вдруг случится – помешает Пяльме сохранить статус сельского поселения как такового, но это будет уже другая Пяльма – не историческая и туристическая локация, а место для выездов на рыбалку или «дачная» деревня с огородами.)

Эта политика, суть которой состоит, как кажется, в реализации коммеморативно-туристического сценария для сохранения деревни, предусматривает овеществление типичных – насколько можно судить по исследовательским работам в этой области – российских городских проекций «сельскости», от сбережения и презентации деревенского пейзажа с косогором и березками⁵⁰ (в этой связи показательным видится включение в российский список Всемирной туристской организации в 2021 г. тульской деревни Бехово, которая привлекла внимание ВТО именно таким пейзажем⁵¹) до местной часовенки как неотъемлемого элемента ландшафта, до неперемного (и традиционного по содержанию) деревенского музея – и до воспроизведения популярных хозяйственно-бытовых практик сельской жизни в форме мастер-классов и «игрищ», рассчитанных на внешнюю аудиторию, но уже чуждых современной сельской повседневности. Подобная коммеморация былого уклада находит отклик у туристов-горожан, желающих приобщиться к «крестьянской старине». Сельскость оказывается, в полном соответствии с принципами массовой культуры, клиши-

⁵⁰ Ср., например, виды на сельские просторы с недавно реконструированных (или специально построенных) набережных в малых городах России – от Вельска в Архангельской области до Вязьмы в Калужской (нарочно беру именно те малые города, где набережная расположена сравнительно далеко от реки); в этих случаях, как представляется, посетителю места предьявляется именно репрезентация / проекция «сельскости» в облике окрестной природы, которой предлагается любоваться как одной из достопримечательностей локации [Вандышев и др. 2022; Пономарева и др. 2022].

⁵¹ А также из-за присутствия на ряде картин В.Д. Поленова (поблизости находится и музей-заповедник «Поленово»). См.: *Гершкович Е.* «Москвич за МКАДом»: в Тульскую область за яблоками «дворяниновка», вареньем из йошты и зеленой палочкой счастья // *Москвич mag* (сетевое издание). URL: <https://moskvichmag.ru/gorod/moskvich-za-mkadam-v-tulskuyu-oblast-za-yablokami-dvoryaninovka-varenem-iz-joshty-i-zelenoj-palochkoj-schastyu/> (дата обращения 17.10.2024).

рованным и клишируемым воображаемым продуктом, который предъявляется в «естественных» условиях – если сравнивать с краеведческими музеями или такими заповедниками сельского зодчества, как архангельские Малые Корелы, новгородские Витославицы или тверское Василево – и который поэтому воспринимается потребителями как подлинный опыт постижения сельского (в равной степени исторического и современного⁵²). Производитель и потребитель этого опыта, будучи оба горожанами (пусть один – в недалеком прошлом, но связей с городом не теряет) и воспроизводя модели городской массовой культуры, говорят вдобавок на одном культурном языке, что существенно облегчает коммуникацию и способствует закреплению и тиражированию такого условно-лубочного образа «живой поонежской деревни». Не исключено, кстати, что этот подход будет взят на вооружение в других исторических поселениях Русского Севера (и не только), где предпринимаются попытки сохранить и «оживить» деревню: историческое ядро выделяется и как бы фиксируется в своем «открыточном» виде, вокруг него складываются / организуются коммеморативные и хозяйственные практики, приносящие доход на поддержание этого вида, а остальное пространство поселения постепенно застраивается в соответствии с пожеланиями нынешних «сезонных» жителей – как, собственно, и происходит сегодня в исторической Пяльме. Такой вариант «новой сельскости» вполне способен, как представляется, стать востребованным у горожан, выбирающих сегодня деревню местом своего проживания и приложения усилий (при том условии, разумеется, что они заинтересованы в сохранении исторического ядра поселения, а не только в обретении возможностей для сельского досуга)⁵³.

Конечно, будет изрядным преувеличением заявить, что без нынешнего старосты деревня обречена, но та застройка берегов реки, которая ведется сегодня, является сугубо «дачной» по внешнему виду; по сути, былой облик сохранил только берег с часовней и тремя старыми домами, а остальная часть деревни мало-помалу теряет исконное своеобразие. «После Поташева», если республиканское

⁵² В Малых Корелах, в частности, довелось услышать от гостей этнографического парка, что «это все, конечно, красиво, но выглядит искусственно, неживое какое-то, одна природа спасает» (личный архив). А в Витославицах местный гид рассказывала (2016 г.), что дома собраны, безусловно, интересные, но лучше их наблюдать в естественной среде, если есть такая возможность.

⁵³ Ср. рассказ бывшей горожанки о вживании в сельский быт и при внесении в него городских черт: [Куприянов, Савина 2020, с. 18–21].

министерство культуры, национальные парки или соответствующие федеральные органы (или музеи – тот же музей деревянного зодчества «Малые Корелы», скажем, или музей-заповедник Кижии) не предпримут надлежащих мер, эти старинные постройки вполне могут исчезнуть – по любой причине. Да и природная территория вокруг деревни тоже может пострадать, поскольку заказник «Река Пяльма», за который бьются экологи вместе со старостой деревни, до сих пор числится в списке ООПТ (особо охраняемых природных территорий) Республики Карелия лишь как «перспективный» – с 2007 г. Между тем покушения на местный лес, по рассказу Поташева, случаются регулярно; он даже называет себя «единственным здешним защитником карельской тайги» (справедливость этого утверждения оставим на совести информанта). Словом, в Пяльме и окрестностях практически все, что связано с попытками сохранения исторического облика деревни, происходит при непосредственном участии старосты, и его роль в заботе о местном сельском наследии – понимаемом как совокупность природы и культуры – чрезвычайно велика, и это обстоятельство необходимо, безусловно, учитывать при анализе текущего бытования самой деревни и продуцируемого ею образа «новой сельскости».

Взгляду стороннего наблюдателя, туриста и искателя старины, знакомого с местным пейзажем только по «картинкам в Интернете», Пяльма в своем современном виде предстает таким музейным экспонатом под открытым небом, а не живой деревней (при том, что летом в ней довольно многолюдно⁵⁴). В этом своем «воплощении» деревня, как бы откликаясь на ожидания потенциальных туристов-горожан, желающих увидеть своими глазами «настоящую» сельскую жизнь, типизирует воображаемую традиционную сельскость Русского Севера в ее поонежском «изводе», и такая самодеятельная музеефикация оказывается востребованной. Добавлю, что в сегодняшней Карелии случай Пяльмы отнюдь не единичен – так, в заонежской деревне Леликово, почти опустевшей в 1960-х гг. и сохранившейся усилиями горожан-дачников (в основном бывших деревенских) тоже ведется самостоятельная и самодеятельная музеефикация деревенской территории ради сбережения поселения, которое уже более полувека не считается административной единицей [Нагурная 2019].

⁵⁴ По словам старосты, сравнительно недавно приезжал даже погостить и «погонять мячик» на местной спортплощадке (за историческими домами) второй состав ФК «Зенит» (Санкт-Петербург), в администрации которого работает один из уроженцев деревни (записано автором статьи в деревне Пяльма в августе 2021 г.).

Эта воображаемая «подлинная сельскость», опосредуемая горожанами, в сочетании с дачным досугом, который практикует большинство нынешних «сезонных» жителей Пяльмы и множества других карельских деревень, способна, безусловно, поддерживать существование исторического поселения какой-то срок (не исключаю, что длительный), однако о глубине запаса прочности, если не начнется активная застройка территории при сбережении ландшафта, остается лишь гадать.

Литература

- Аверкиева 2020 – *Аверкиева К.В.* Участие горожан в развитии сельской местности: Гостевые дома на Русском Севере // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2020. № 2. С. 66–72.
- Алексеев и др. 2020 – *Алексеев А.И., Васильева О.Е., Удовенко В.С.* Сельский образ жизни: опыт изучения на примере малых сел Ленинградской области // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2020. Т. 65. № 3. С. 468–480.
- Архипова 2018 – *Архипова М.Н.* Феномен ностальгии на примере жителей Устьянского района Архангельской области // Исторические исследования: Журнал исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2018. № 3 (11). С. 122–131. URL: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/200/496> (дата обращения 17.10.2024).
- Ахметова, Петров, Байдуж 2018 – Воображаемая территория: от локальной идентичности до бренда / ред. М.В. Ахметова, Н.В. Петров, М.И. Байдуж. М.: Неолит, 2018. 224 с.
- Богданова, Бредникова 2013 – Вдали от городов: жизнь постсоветской деревни / под. ред. и с предисл. Е. Богдановой, О. Бредниковой. СПб.: Алетейя: Историческая книга, 2013. 115 с.
- Бурдые 2007 – *Бурдые П.* Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007. 228 с.
- Вандышев и др. 2022 – *Вандышев М.Н., Веселкова Н.В., Прямякова Е.В.* Меморативный ландшафт: концепция и опыт применения // Социология власти. 2022. Т. 34. № 1. С. 69–94.
- Виноградская 2018 – *Виноградская О.Я.* Онтологические основания переезда горожан в деревню // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 4. С. 123–135.
- Гаврилова 2016 – *Гаврилова К.А.* Возвращение народной культуры народу: правильная Масленица и методическое руководство сельской самодеятельности // Этнографическое обозрение. 2016. № 6. С. 27–43.
- Дранникова 2017 – *Дранникова Н.В.* «Патракеевка – поморское село»: особенности локальной идентичности жителей с. Патракеевки Приморского района Архангельской области // Арктика и Север. 2017. № 28. С. 5–23.

- Дручевская, Авилова 2014 – *Дручевская Л.Е., Авилова Н.Л.* Региональная модель туристского продукта в Московской области – «Историческая деревня» // Сервис в России и за рубежом. 2014. № 2 (49). С. 3–10.
- Желамский 2018 – *Желамский А.Г.* Неугасимая Родина: к теме образного восприятия ландшафтов // Наследие и современность. 2018. Т. 1. № 4. С. 95–110.
- Иванова 2019 – *Иванова А.А.* «Узелковое письмо» локальной идентичности: К вопросу о современных формах сохранения и презентации местным сообществом исторической и этнокультурной информации // Кенозерские чтения – 2019: Гражданские инициативы в заповедном укладе: сб. материалов IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Архангельск: Национальный парк «Кенозерский», 2019. С. 161–171.
- Калугина, Фадеева 2009 – *Калугина З.И., Фадеева О.П.* Российская деревня в лабиринте реформ: Социологические зарисовки. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2009. 338 с.
- Ковалев 2009 – *Ковалев И.В.* К вопросу о направлениях миграции сельского населения РФ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2009. № 3–1. С. 70–76.
- Колосков 2021 – *Колосков Е. А.* (Военно-) историческая реконструкция в России как символ прошлого в политике памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2021. С. 213–233.
- Королев 2018 – *Королев К.М.* Проблематика деятельности негосударственных музеев Северо-Запада // Пространство памяти. 2017. Вып. 3–4 (7). С. 7–13. URL: <http://patriacenter.ru/mag/> (дата обращения 17.10.2024).
- Королев 2019 – *Королев К.М.* Поиски национальной идентичности в советской и постсоветской массовой культуре: Славянский метасюжет в отечественном культурном пространстве. СПб.: Нестор-История, 2019. 376 с.
- Королев 2021 – *Королев К.М.* «Возвращение истории»: общественные музейные инициативы сквозь призму исторической политики // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2021. С. 199–213.
- Куприянов, Савина 2020 – *Куприянов П.С., Савина Н.А.* Современный музей русской деревни: производство сельскости бывшими горожанами // Этнографическое обозрение. 2020. № 6. С. 12–30.
- Лебедев 2007 – *Лебедев А.В.* Исчезающие малые глубины (две заметки к проблеме «Музей и местное сообщество») // Музей и личность: Методические материалы для музеев Московской области. М.: РИК: Министерство культуры МО, 2007. С. 127–135.
- Мазур 2005 – *Мазур Л.Н.* Политика реконструкции российской деревни (конец 1950-х – 1980 гг.) // Отечественная история. 2005. № 3. С. 25–36.
- Манаков 2002 – *Манаков А.Г.* Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков: Центр социального проектирования «Возрождение», 2002. 300 с.

- Мастеница 2020 – *Мастеница Е.Н.* Социокультурные практики музеев малых городов России как фактор регионального развития // Общество. Среда. Развитие (Terza Humana). 2020. № 2 (55). С. 72–78.
- Мельникова 2019 – *Мельникова Е.А.* «Здесь русский дух...»: к истории Русского Севера на символической карте воображаемой России // Кунсткамера. 2019. № 1 (3). С. 6–22.
- Мельникова 2020а – *Мельникова Е.А.* Деревня в городских проекциях современных россиян // Этнографическое обозрение. 2020. № 6. С. 5–11.
- Мельникова 2020б – *Мельникова Е.А.* Биографии переезда из города в деревню и риторика самотрансформации в современной России // Этнографическое обозрение. 2020. № 6. С. 88–105.
- Миронова 2010 – *Миронова Н.И.* Социокультурные процессы формирования местных сообществ (по результатам исследования в пилотных регионах) // Местные сообщества: проблемы социокультурного развития / под ред. Ю.М. Резника, Н.И. Мироновой. М.: РИК, 2010. С. 136–179.
- Морозова 2006 – *Морозова Т.В.* Механизмы социальной самоорганизации сельских сообществ: опыт и результаты исследования социального партнерства в Республике Карелия // Труды Карельского научного центра РАН. Петрозаводск, 2006. Вып. 9. С. 162–174.
- Нагурная 2019 – *Нагурная С.В.* Культурное наследие одной исчезнувшей заонежской деревни // Вестник славянских культур. 2019. Т. 51. № 1. С. 116–124.
- Неплюев 2020 – *Неплюев П.А.* «Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, значит, он равнодушен к своей стране»: историографический обзор историко-культурного активизма в позднесоветский период // Культурный код. 2020. № 3. С. 38–49.
- Нефедова 2013 – *Нефедова Т.Г.* Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М.: Ленанд, 2013. 456 с.
- Нефедова 2019 – *Нефедова Т.Г.* Развитие постсоветского аграрного сектора и поляризация сельского пространства европейской части России // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 36–56.
- Никифорова 2012 – *Никифорова Е.* «Торговцы красотой»: заметки о ребрендинге эстонской деревни // Вдали от городов: Жизнь постсоветской деревни. М.: ГРЦРФ, 2012.
- Осипов и др. 2019 – *Осипов А.Ю., Ляхтээнмяки М., Илмолахти О., Карху Я.* Коммодификация природы: национальный парк «Ладожские шхеры» // Мир России. 2019. Т. 28. № 3. С. 113–131.
- Пермиловская 2011 – *Пермиловская А.Б.* Проблема сохранения культурных ландшафтов сельских исторических поселений Русского Севера // Регионоведение. 2021. № 2 (75). С. 313–324.
- Петриков 2020 – *Петриков А.В.* Станет ли пандемия катализатором деурбанизации? // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 223. № 3. С. 154–164.

- Петрова 2013 – *Петрова Н.С.* Кикимора Вятская и Кощей Тверской, или Фейкlorная карта России // Фольклор XXI века: Герои нашего времени. М.: ГРЦРФ, 2013. С. 30–38.
- Пономарева и др. 2022 – *Пономарева И.Ю., Танкиева Т.А., Слемзина А.О.* Повышение attractiveness малых исторических поселений Тульской области как объектов туризма // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. № 3. С. 151–164.
- Прилуцкий, Лебедев 2020 – *Прилуцкий А.М., Лебедев В.Ю.* Образ деревни в дискурсах псевдотрадиционализма // Культура и искусство. 2020. № 2. С. 34–43.
- Прохорович 2017 – *Прохорович Е.В.* Арт-коммуникации в системе формирования региональной идентичности // Ценности и смыслы. 2017. № 1. С. 51–57.
- Разувалова* 2015 – *Разувалова А.В.* Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х гг. М.: НЛЮ, 2015. 616 с.
- Родоман 2011 – *Родоман Б.Б.* Традиционный культурный ландшафт: основные проблемы типологии, районирования и воображения // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 4 (5). С. 47–53.
- Селиваненко 2015 – *Селиваненко А.М.* Экомузей в Сибири как новая форма музеефикации // Баландинские чтения. 2015. Т. 10. Ч. 2. С. 320–324.
- Сельская Россия 2019 – Сельская Россия: прошлое и настоящее: доклады и сообщения XV научно-практической конференции, посвященной 30-летию общества «Энциклопедия российских деревень» (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 22 октября 2019 г.). М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова: Энциклопедия российских деревень, 2019. 440 с.
- Старовойтенко 2021 – *Старовойтенко А.Д.* Месть NOSTOS: о значении места в исследованиях ностальгии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 2. С. 41–53.
- Судьбы 1995 – Судьбы российского крестьянства / под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1995. 624 с.
- Усов 2021 – *Усов А.А.* Крестьянский дом как фактор формирования культурного ландшафта Русского Севера и Арктики (на примере с. Пурнема) // Культура и искусство. 2021. № 4. С. 1–18.
- Черкаева 2019 – *Черкаева О.Е.* Современный музейный ландшафт и новые тенденции музейной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 4 (41). С. 131–136.
- Чернега 2020 – *Чернега А.А.* «Сила местных сообществ»: практики, механизмы и модели участия жителей в социокультурном развитии территории (на примере малых населенных пунктов Вологодской области) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 3 (23). С. 51–77.
- Чернов 2021 – *Чернов С.З.* Два погоста, одно племя: Мировая грамота 1375 г. и механизмы вепсской колонизации новгородского Обонежья // Русь в XIII–XV вв.: Новые открытия в области археологии и истории / Ин-т археологии РАН; Ин-т российской истории РАН. М: Индрик, 2021. С. 119–153.

- Шабаетв и др. 2012 – *Шабаетв Ю.П., Жеребцов И.Л., Журавлев П.С.* «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы // Мир России: Социология. Этнология. 2012. Т. 21. № 4. С. 134–153.
- Шехватова 2021 – *Шехватова Е.В.* Современное состояние и перспективы развития частных музеев России // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2021. № 4 (30). С. 36–44.
- Штырков 2016 – *Штырков С.А.* «Церквушка над тихой рекой»: русское классическое искусство и советский пейзажный патриотизм // Этнографическое обозрение. 2016. № 6. С. 44–57.
- Deitch 1987 – *Deitch L.* The impact of tourism on the arts and crafts of the Indians of the Southwestern United States // Hosts and guests. The anthropology of tourism / ed. by V.L. Smith. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2007. P. 223–236.
- Darieva et al. 2018 – Sacred places, emerging spaces. Religious pluralism in the post-Soviet Caucasus / ed. by T. Darieva, F. Muhlfried, K. Tuite. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2018. 235 p.
- Habeck 2019 – Lifestyle in Siberia and the Russian North / ed. by J. Habeck. Cambridge: Open Book Publ., 2019. 488 p.
- Horáková et al. 2018 – Utopia and neoliberalism. Ethnographies of rural spaces / ed. by H. Horáková, A. Boscoboinik, R. Smith. Berlin: Lit-Verlag, 2018. 256 p.
- Ilbery, Bowler 1998 – *Ilbery B., Bowler I.* From agricultural productivism to post-productivism // The geography of rural change. Harlow: Longman, 1998. P. 57–84.
- MacCannell 1976 – *MacCannell D.* The tourist. A new theory of the leisure class. N.Y.: Schocken books, 1976. 280 p.
- Milano et al. 2019 – *Milano C., Novelli M., Cheer J.M.* Overtourism and degrowth. A social movement perspective // Journal of Sustainable Tourism. 2019. No. 27. P. 18–58.
- Oushakine 2007 – *Oushakine S.* “We’re nostalgic but we’re not crazy”. Retrofitting the past in Russia // The Russian Review. 2007. Vol. 66. No. 3. P. 451–482.
- Panzer-Krause 2019 – *Panzer-Krause S.* The lost rural idyll? Tourists’ attitudes towards sustainability and their influence on the production of rural space at a rural tourism hotspot in Northern Ireland // Journal of Rural Studies. 2019. Vol. 80. P. 234–245.
- Paxson 2005 – *Paxson M.* Solovyovo, The story of memory in a Russian village. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press; Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 2005. 389 p.

References

- Afanas'ev, Yu.N., ed. (1995), *Sud'by rossiiskogo krest'yanstva* [Destinies of Russian peasantry], RGGU, Moscow, Russia.
- Akhmetova, M.V., Petrov, N.V. and Baiduzh, M.I., eds. (2018), *Voobrazaemaya territoriya: ot lokal'noi identichnosti do brenda* [The imaginable territory – from local identity to a brand], Neolit, Moscow, Russia.

- Alekseev, A.I., Vasil'eva, O.E. and Udovenko, V.S. (2020), "A rural way of life. A study of small villages in the Leningrad region", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki o Zemle*, vol. 65, no. 3, pp. 468–480.
- Arkhipova, M.N. (2018), "A phenomena of nostalgia by the example of residents in the Ustiansky district of the Arkhangelsk region", *Istoricheskie issledovaniya: Zhurnal istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova*, vol. 11, no. 3, pp. 122–131, available at: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/200/496> (Accessed 17 Oct. 2024).
- Averk'ieva, K.V. (2020), "Participation of city dwellers in rural development. Guest houses of the Russian North", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya*, no. 2, pp. 66–72.
- Bogdanova, E. and Brednikova, O., eds. (2013), *Vdali ot gorodov: zhizn' postsovet'skoi derevni* [Far from cities. The life of the post-Soviet villages], Aleteiya, Istoricheskaya kniga, Saint Petersburg, Russia.
- Bourdieu, P. (2007), *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Ce que parler veut dire: l'économie des échanges linguistiques], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia.
- Cherkaeva, O.E. (2019), "The modern museum landscape and some new trends in museum activities", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, vol. 41, no. 4, pp. 131–136.
- Chernega, A.A. (2020), "The power of local communities'. Practices, tools and schemes of local participation in the sociocultural territory development (small localities of the Vologda region)", *The Journal of Sociologii and Social Antropology*, vol. 23, no. 3, pp. 51–77.
- Chernov, S.Z. (2021), "Two graveyards, one tribe. A paper of 1375 and mechanisms of Vepps colonization of the Novgorod Obonezh'je", in *Rus' v XIII–XV vv.: Novye otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii* [Russia in the 13th – 15th centuries. New discoveries of archeology and history], Institut arkheologii RAN, Institut rossiiskoi istorii RAN, Indrik, Moscow, Russia, pp. 119–153.
- Darieva, T., Muhlfried, F., Tuite, K., eds. (2018), *Sacred Places, Emerging Spaces: Religious Pluralism in the Post-Soviet Caucasus*, Berghahn Books, N.Y. and Oxford, UK.
- Deitch, L. (1987), "The impact of tourism on the arts and crafts of the Indians of the Southwestern United States", in Smith, V.L., ed., *Hosts and guests. The anthropology of tourism*, University of Pennsylvania Press, Philadelphia, USA, pp. 223–236.
- Drannikova, N.V. (2017), "'Patrakeevka is a Pomor village'. Specifics of local identity in the Primosky district of the Arkhangelsk region", *Arktika i Sever*, no. 28, pp. 5–23.
- Druchevskaya, L.E. and Avilova, N.L. (2014), "A regional model of a tourist product in the Moscow region – 'The historical village'", *Servis v Rossii i za rubezhom*, vol. 49, no. 2, pp. 3–10.
- Gavrilova, K.A. (2016), "The return of the popular culture to people. The proper Shrovetide and methodic guidance of rural activities", *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 27–43.

- Habeck, J., ed. (2019), *Lifestyle in Siberia and the Russian North*, Open Book Publ., Cambridge, UK.
- Horáková, H., Boscoboinik, A. and Smith, R., eds. (2018), *Utopia and neoliberalism. Ethnographies of rural spaces*, Lit-Verlag, Berlin, Germany.
- Ilbery, B. and Bowler, I. (1998), "From agricultural productivism to post-productivism", in *The geography of rural change*, Longman, Harlow, UK, pp. 57–84.
- Ivanova, A.A. (2019), " 'Talking knots' of local identity. To the modern forms of historical, ethnic and culture representation by the local community", in *Kenozerskie chteniya – 2019: Grazhdanskie initsiativy v zapovednom uklade: sbornik materialov IX Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*, Natsional'nyi park "Kenozerskii", Arkhangelsk, Russia, pp. 161–171.
- Kalugina, Z.I. and Fadeeva, O.P. (2009), *Rossiiskaya derevnya v labirinte reform: Sotsiologicheskie zarisovki* [The Russian village in the labyrinth of reforms. Sociological scenes], Izdatel'stvo IEOPP SO RAN, Novosibirsk, Russia.
- Koloskov, E.A. (2021), (War-) and historical reconstruction in Russia as a symbol of the past in the memory politics", in *Simvolicheskie aspekty politiki pamyati v sovremennoi Rossii i Vostochnoi Evrope* [Symbolic aspects of memory politics in contemporary Russia and Eastern Europe], Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, Saint Petersburg, Russia, pp. 213–233.
- Korolev, C.M. (2018), "Problematics in the activities of non-state museums in the North-West", *Prostranstvo pamyati*, vol. 7, no. 3–4, pp. 7–13, available at: <http://patriacenter.ru/mag/> (Accessed 6 Dec. 2023).
- Korolev, C.M. (2019), *Poiski natsional'noi identichnosti v sovetskoj i postsovetskoj massovoi kul'ture: Slavyanskii metasyuzhet v otechestvennom kul'turnom prostranstve* [The quest for national identity in the Soviet and post-Soviet popular culture. The Slavic metaplot in the Russian cultural space], Nestor-Istoriya, Saint Petersburg, Russia.
- Korolev, C.M. (2021), " 'The return of history'. Public museum initiatives through the lens of memory politics", *Simvolicheskie aspekty politiki pamyati v sovremennoi Rossii i Vostochnoi Evrope* [Symbolic aspects of memory politics in contemporary Russia and Eastern Europe], Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, Saint Petersburg, Russia, pp. 199–213.
- Kovalev, I.V. (2009), "On the directions of migration for rural population in the Russian Federation", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya*, no. 3–1, pp. 70–76.
- Kupriyanov, P.S. and Savina, N.A. (2020), "A modern museum of the Russian village. The production of rural life by former city dwellers", *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 12–30.
- Lebedev, A.V. (2007), "The apparently shallow waters (two notes to the issue of museums and local communities)", *Muzei i lichnost': Metodicheskie materialy dlya muzeev Moskovskoi oblasti* [A museum and a personality. Methodic materials for the Moscow region museums], RIK, Ministerstvo kul'tury MO, Moscow, Russia, pp. 127–135.

- MacCannell, D. (1976), *The tourist. A new theory of the leisure class*, Schocken books, New York, USA.
- Manakov, A.G. (2002), *Geokul'turnoe prostranstvo severo-zapada Russkoi ravniny: dinamika, struktura, ierarkhiya* [The geocultural space of the North-Western Russian plain. Dynamics, structure and hierarchy], sentr sotsial'nogo proektirovaniya "Vozrozhdenie", Pskov, Russia.
- Mastenitsa, E.N. (2020), "Sociocultural practices of museums in the Russian towns as a factor of regional development", *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*, vol. 55, no. 2, pp. 72–78.
- Mazur, L.N. (2005), "The politics of restoration in the Russian villages (the end of 1950s – 1980s)", *Otechestvennaya istoriya*, no. 3, pp. 25–36.
- Mel'nikova, E.A. (2019), " 'The Russian spirit is here'. On the history of the Russian North in symbolic map of imaginable Russia", *Kunstkamera*, vol. 3, no. 1, pp. 6–22.
- Mel'nikova, E.A. (2020), "A village in urban projections of the modern Russian people", *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 5–11.
- Mel'nikova, E.A. (2020), "Life stories of city-to-village migrations and rhetoric of self-transformation in the modern Russia", *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 88–105.
- Milano, C., Novelli, M. and Cheer, J.M. (2019). "Overtourism and degrowth. A social movement perspective", *Journal of Sustainable Tourism*, no. 27, pp. 18–58.
- Mironova, N.I. (2010), "Sociocultural processes in forming the local communities (on the base of some pilot studies)", in Reznik, Yu.M. and Mironova, N.I., eds., *Mestnye soobshchestva: problemy sotsiokul'turnogo razvitiya* [Local communities. Trends of sociocultural development], RIK, Moscow, Russia, pp. 136–179.
- Morozova, T.V. (2006), "Mechanisms of social self-organization in rural communities. The results of studying the social partnership in the Republic of Karelia", in *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra RAN* [Works of the Karelia RAS Science Center], iss. 9, Petrozavodsk, Russia, pp. 162–174.
- Nagurnaya, S.V. (2019), "The cultural heritage of a vanished village beyond the Onega lake", *Vestnik slavyanskikh kul'tur*, vol. 51, no. 1, pp. 116–124.
- Nefedova, T.G. (2013), *Desyat' aktual'nykh voprosov o sel'skoi Rossii: otvety geografa* [Ten current questions on the rural Russia. Answers by a geographer], Lenand, Moscow, Russia.
- Nefedova, T.G. (2019), "Development of the post-Soviet agrarian sector and polarization of rural space in the European part of Russia", *Spatial Economics*, vol. 15, no. 4, pp. 36–56.
- Neplyuev, P.A. (2020), " 'If one is indifferent to the heritage of his country, he is indifferent to his country'. A historiographical overview of historical and cultural activism in the post-Soviet period", *Kul'turnyi kod*, no. 3, pp. 38–49.
- Nikiforova, E. (2012), " 'The beauty sellers'. Notes to the re-branding of an Estonian village", in *Vdali ot gorodov: Zhizn' postsovet'skoi derevni* [Away from cities. Post-Soviet rural landscapes], GRTsRF, Moscow, Russia.

- Osipov, A.Yu., Lyakhteenmyaki, M., Ilmolakhti, O. and Karkhu, Ya. (2019), "Commodification of the nature. The Ladoga skerries national park", *Universe of Russia*, vol. 28, no. 3, pp. 113–131.
- Oushakine, S. (2007), "'We're nostalgic but we're not crazy'. Retrofitting the past in Russia", *The Russian Review*, vol. 66, no. 3, pp. 451–482.
- Panzer-Krause, S. (2019), "The lost rural idyll? Tourists' attitudes towards sustainability and their influence on the production of rural space at a rural tourism hotspot in Northern Ireland", *Journal of Rural Studies*, vol. 80, pp. 234–245.
- Paxson, M. (2005), *Solovyovo, The story of memory in a Russian village*, Woodrow Wilson Center Press, Washington, DC, distributed by Indiana University Press, USA.
- Permilovskaya, A.B. (2011), "The issue of cultural landscapes preservation in the historical Russian North villages", *Regionologiya*, vol. 75, no. 2, pp. 313–324.
- Petrikov, A.V. (2020), "Will the pandemic be a catalyzer of de-urbanization?", in *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific works of the Russian Free Economic Society], vol. 223, no. 3, pp. 154–164.
- Petrova, N.S. (2013), "The Kikimora of Vyatka, the Koschey of Tver, or a fake-lore map of Russia", in *Fol'klor XXI veka: Geroi nashego vremeni* [Folklore of the 21st century. Heroes of our times], GRTsRF, Moscow, Russia, pp. 30–38.
- Ponomareva, I.Yu., Tankieva, T.A. and Slemzina, A.O. (2022), "How to increase the attractiveness of small historical places as tourist objects in the Tula region", *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, no. 3, pp. 151–164.
- Prilutskii, A.M. and Lebedev, V.Yu. (2020), "The image of a village in the pseudo-tradition discourses", *Kul'tura i iskusstvo*, no. 2, pp. 34–43.
- Prokhorovich, E.V. (2017), "Art communications as a factor of local identity", *Tsennosti i smysly*, no. 1, pp. 51–57.
- Razuvalova, A.V. (2015), *Pisатели-"derevenshchiki": literatura i konservativnaya ideologiya 1970-kh gg.* [The "village prose" writers. Literature and conservatism in the 1970s], NLO, Moscow, Russia.
- Rodoman, B.B. (2011), "A traditional cultural landscape. Most profound issues of typology, region specifics and imagination", *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniï kul'tury*, vol. 5, no. 4, pp. 47–53.
- Sel'skaya Rossiya: proshloe i nastoyashchee: doklady i soobshcheniya XV-i nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 30-letiyu obshchestva "Entsiklopediya rossiiskikh dereven'"* (Moskva, MGU im. M.V. Lomonosova, 22 oktyabrya 2019 g.) [The rural Russia. The past and the now. Reports and information of the XV scientific-practical Conference on the occasion of the 30th anniversary of the society "Encyclopedia of Russian Villages" (Lomonosov Moscow State University, October 22, 2019). Moscow] (2019), VIAPI im. A.A. Nikonova, *Entsiklopediya rossiiskikh dereven'*, Moscow, Russia.
- Selivanenko, A.M. (2015), "An eco-museum in Siberia as a new form of museefication" in *Balandinskie chteniya* [The Balandin Conference], vol. 10, part 2, pp. 320–324.

- Shabaev, Yu.P., Zherebtsov, I.L. and Zhuravlev, P.S. (2012), “The Russian North. Cultural limits and meanings”, *Universe of Russia. Sotsiologiya. Etnologiya*, vol. 21, no. 4, pp. 134–153.
- Shekhvatova, E.V. (2021), “The current state and prospects of development of Russian private museums”, *Uchenye zapiski (Altayskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstvo)*, vol. 30, no. 4, pp. 36–44.
- Shtyrkov, S.A. (2016), “ ‘A templet over a quiet river’. The classic Russian art and the soviet landscape patriotism”, *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 44–57.
- Starovoitenko, A.D. (2021), “A ravenge of NOSTOS. On the meaning of a place in the nostalgia studies”, *Interaction. Interview. Interpretation*, vol. 13, no. 2, pp. 41–53.
- Usov, A.A. (2021), “A peasant house as a factor of cultural landscape in the Russian North and the Arctic region (village of Purnema)”, *Kul'tura i iskusstvo*, no. 4, pp. 1–18.
- Vandyshchev, M.N., Veselkova, N.V. and Pryamikova, E.V. (2022), “Memory landscape – a notion and the application”, *Sotsiologiya vlasti*, vol. 34, no. 1, pp. 69–94.
- Vinogradskaya, O.Ya. (2018), “The ontological grounds for the move of urban dwellers to villages”, *Krest'yanovedenie*, vol. 3, no. 4, pp. 123–135.
- Zhelamskii, A.G. (2018), “The unquenchable homeland. On the subject of artistic landscape perception”, *Nasledie i sovremennost'*, vol. 1, no. 4, pp. 95–110.

Информация об авторе

Кирилл М. Королев, кандидат филологических наук, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, д. 32-А; cyril.korolev@gmail.com

Information about the author

Ciril M. Korolev, Cand. of Sci. (Philology), N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32-A, Leninskii Av., Moscow, Russia, 119334; cyril.korolev@gmail.com

«Новое искусство» и культура XX века

УДК 791(44)

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-4-161-183

Французский кинематограф и процессы иммиграции: школьная тема и ислам

Наталья В. Казурова

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия, kazurova@inbox.ru*

Екатерина Ю. Трушкина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, e.trushkina@gmail.com*

Аннотация. В фокусе исследования – трансформация французского кинематографа под влиянием процессов, неизбежно изменяющих современную культурную среду. Сегодня визуальная культура переосмысляет установленные границы национальных культур и возникающие в этой связи закономерные проблемы современного западного общества. Процессы миграции, классовое расслоение и религиозный плюрализм все больше находят отражение в кинолентах, выдвигая на первый план явления не только политического, социального, но и культурного порядка. Наиболее ярко описываемые изменения проявляются в кинематографе мейнстрима, направленного на широкую аудиторию. Так, созданные французским кинорежиссерами фильмы в стиле “Culture Clash Comedy” призваны примирить зрителей разных религиозных традиций и/или исполнить воспитательную функцию, что приводит к постепенной смене визуальных привычек кинозрителей. Одним из медиаторов новых социальных норм поведения и культурных паттернов поведения выступает школа, а сами фильмы о школе переносят на киноэкраны идею формирования нации по «республиканской модели». Таким образом, школьная тема привлекает внимание режиссеров, а вслед за ними и исследователей кинематографа. В статье представлен последовательный анализ корреляции между процессами иммиграции, влиянием ислама и школьной французской системой на визуальный нарратив французского кинематографа.

Ключевые слова: школа, национальный кинематограф, Франция, Магриб, ислам, мусульманская культура, гендер, иммиграция, идентичность, фигура актера, Culture Clash Comedy, социальная драма

© Казурова Н.В., Трушкина Е.Ю., 2025

Для цитирования: Казурова Н.В., Трушкина Е.Ю. Французский кинематограф и процессы иммиграции: школьная тема и ислам // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 4. С. 161–183. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-4-161-183

French cinema and immigration. School case and Islam

Natalia V. Kazurova

*Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia,
kazurova@inbox.ru*

Ekaterina Yu. Trushkina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
e.trushkina@gmail.com*

Abstract. The study focuses on the transformation of French cinema under the influence of processes that inevitably change modern culture. Today visual culture is rethinking the established boundaries of national cultures, and the natural concerns which arise in that regard. The migration processes, class inequality and religious pluralism are increasingly reflected in contemporary films. Such films highlight the phenomena related not only to political and social occurrences but also to cultural issues. The most pronounced changes occur in mainstream cinema, which attracts a broad audience. Thus, films created by French filmmakers, in particular, of the “Culture Clash Comedy” style, aim to appeal to audiences from different religious backgrounds and/or often serve an educational purpose, what leads to a gradual change in the visual habits of the audience. Schools play a crucial role in mediating new social norms and cultural patterns of behavior, and the films centered around educational themes convey the idea of nation-building based on the “republican model”. As a result, the theme of schools attracts attention of directors, followed by film researchers. The article provides a detailed analysis of the correlation between immigration processes, the influence of Islam, and the French educational system on the visual narrative of French cinema.

Keywords: school, national cinema, France, Maghrib, Islam, Muslim culture, gender, immigration, identity, actor, “Culture Clash Comedy”, social drama movie

For citation: Kazurovam N.V. and Trushkina, E.Yu. (2025), “French cinema and immigration. School case and Islam”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 161–183, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-4-161-183

Французский кинематограф сегодня

Современные французские фильмы представляют собой весьма пеструю мозаику сюжетов на этнические темы, в свою очередь профессиональный фактор оказывает заметное влияние на кинематограф страны. Во-первых, многие компании работают с иностранными режиссерами и снимают картины в копродукции, включая те страны, в которых превалирует мусульманская традиция¹, во-вторых, межэтническое разнообразие во французских фильмах проистекает из ситуации, сложившейся непосредственно внутри государства². Одной из ключевых проблем для французского общества сегодня выступает вопрос присутствия бёров³ в политическом и социальном пространстве, включая кинематограф и средства массовой информации. Хотя стоит отметить, что во Франции живут и работают представители киноиндустрии и деятели искусства, которые являются детьми иммигрантов из разных стран мусульманского Востока, а не только из Магриба (Север Африки). Говоря обобщенно, в наши дни французские ленты уже давно стали неотъемлемой частью мусульманского кинематографа Европы⁴.

¹ «Земля и зола» (2004) и «Камень терпения» (2012) афганца А. Рахими, «Уроки гармонии» (2013) казахского автора Э. Байгазина, «Мой милый Пепперленд» (2013) француза из Иракского Курдистана Х. Салима, «Мустанг» (2015) француженки турецкого происхождения Д.Г. Эргювен и др.

² Дискуссия о национальной идентичности во Франции, которая прошла в ноябре 2009 – январе 2010 г., указывает на вариативность в восприятии гражданами страны своей национальности [Новоженова 2010, с. 114–144].

³ Бёры – представители второго поколения магрибинских иммигрантов во Франции. Слово «бёр» (“beur”) образовано от слова «араб» (“arabe” – «магрибинец» на жаргонном языке окраин) путем переставления слогов. В русскоязычной научной литературе истории иммиграции и современному политическому, социальному и культурному положению магрибинцев во Франции посвящен ряд аналитических работ Е.Д. Деминцевой [Деминцева 2006, с. 105–115; Деминцева 2008а; Деминцева 2008b, с. 83–97; Деминцева 2009, с. 35–40; Деминцева 2011, с. 149–164].

⁴ Сегодня африканские, ближневосточный и центральноазиатские элементы культуры выступают уже неотъемлемой частью европейского киномира. Далеко за пределами Германии известны авторы турецкого происхождения Ф. Акин и Т. Арслан [Казурова 2016, с. 252–266]; в Бельгии братья Дарденн сняли фильмы «Молодой Ахмед» (2019) и «Тори

Исследователи в своих работах на конкретных примерах демонстрируют трансформацию кино бёров как феномена социального и культурного дискурса [Naficy 2001, pp. 95–100]. С начала 1980-х гг. режиссеры магрибинского происхождения подключались к обсуждению таких важных вопросов, как адаптация/интеграция иммигрантов во французское общество и того, как понимание ими самими и коренными французами национальной идентичности находит свое отражение в кино. Однако в те годы этот процесс происходил вдалеке от мейнстрима и скорее с маргинальных позиций. С начала 2000-х гг. режиссеры-потомки эмигрантов из Магриба становятся все более приметными по обе стороны камеры, а фильмы с их участием все больше отличаются разнообразием стилей и жанров. Это вовсе не означало, что их фильмы утратили социальную или политическую значимость по сравнению с работами бёров 1980-х гг., хотя известность и популярность режиссеров из среды иммигрантов росла. Тем не менее в 2000-е гг. изменения все же постепенно начинают происходить. Режиссеры, которые выросли в семьях мигрантов, переосмысляют свою собственную этническую и национальную идентичность и все больше настаивают на пересмотре устоявшихся *границ*, которые выступают как преграда на пути эффективной и благополучной интеграции иммигрантов из Северной Африки и их потомков во французское общество. Как результат, эти размышления приводят и к сомнениям в отношении *границ* между национальным и транснациональным кино [Higbee 2013].

Сегодня сложно спорить с тем фактом, что нормы ислама оказывают все возрастающее воздействие на выбор тем и их визуальное решение во французских фильмах самых разных жанров (криминальной и социальной драмы, комедии, мелодрамы и пр.). Население Франции этнически не гомогенно, отсюда следует, что фильмы авторов разного происхождения существуют в межкультурном и межконфессиональном контексте, поэтому у зрителей и специалистов возникают сложности при интерпретации интернациональных нарративов. Если еще совсем недавно в работах о современной истории французского кино и в междисциплинарных исследованиях ученые или вовсе избегали историй, связанных с сюжетами о диаспорах, или концентрировались только на самых громких фестивальных именах режиссеров, прежде всего на фигуре

и Локита» (2022); «Айка» (2018) С. Дворцевого, «Продукты 24» (2022) М. Бородина, «На близком расстоянии» (2021) Г. Добрыгина, сериал «Идентификация» (2022) В. Санду рассказывают о трудовой иммиграции в России.

А. Кешиша⁵, то в настоящее время описывать «иммигрантское» кино как маргинальное течение уже не приходится. При этом наиболее востребованными инструментами при анализе фильмов с транснациональным акцентом по-прежнему остаются феминистская теория фильма и постколониальная теория⁶.

Российские киноведы в своих публикациях практически не касаются фильмов режиссеров мусульманского происхождения. Т. Царапкина в своей работе «В одиночном плавании по “новой новой волне”...» отмечает, что «изменение социально-экономического состояния общества, связанное с эпохой Франсуа Миттерана, – кризис, безработица, иммиграция и миграция, сложные взаимоотношения человека с реальностью – требовало своего отражения на экране» [Царапкина 2012, с. 15]. Исследовательница изучает картины так называемого поколения ВВС, однако в тексте нет даже беглого упоминания о «восточном компоненте» во французском кино. Так, например, в работе В. Виноградова «Стилевые направления французского кинематографа» в главе «Современный этап» [Виноградов 2019, с. 422–446] автор подробно рассматривает лишь нашедшую в свое время ленту «Ненависть» (1995) М. Кассовица. Заметим, что во французском учебном пособии⁷ образу мигрантов в кино отводится целая отдельная глава.

В отечественной науке исследователей в основном привлекает социальный и политический контексты вопросов иммиграции во Франции⁸, этим актуальным проблемам современности посвящены

⁵ А. Кешиш – французский режиссер театра и кино, сценарист и продюсер тунисского происхождения. Лауреат престижных международных премий и обладатель «Золотой пальмовой ветви» за киноленту «Жизнь Адель» (2013).

⁶ Комплексное исследование, посвященное первому поколению женщин-иммигрантов из Магриба (Алжир, Марокко, Тунис), написано на стыке гендерных исследований, постколониальной теории и киноведения. Данная работа уникальна в своем роде, так как автор на обширном материале показывает жизнь магрибинских женщин во Франции и разрушает многие сложившиеся стереотипы о их роли в кинематографе [Kealhofer-Kemp 2015].

⁷ *Singerman A., Bissière M. Contemporary French cinema. A student's book.* Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2018. 440 p.

⁸ Исследования об истории иммиграции во Франции [Чернега 2016, с. 140–156]; о становлении и развитии французской модели интеграции иммигрантов в социум [Якубова 2020, с. 35–41; Любарг 2019, с. 26–48; Преображенская 2017, с. 18–36]; сравнение французской политики в сфере иммиграции с Великобританией и Германией [Новоженова 2011, с. 117–139; Осипов 2021, с. 33–37].

диссертационные работы молодых специалистов [Сафонова 2023], в сфере киноведения порой выходят рецензии на заметные фильмы⁹, однако последовательного и обстоятельного исследования, которое бы формулировало своей главной научной целью проследить изменение самой идеи *визуального* во французском кино (и европейском в целом) под влиянием исламского фактора пока рано, впрочем, у авторов на Западе также все еще сохраняется фокус внимания на политических мотивах и социальных сюжетах, хотя постепенно начинают выходить в свет междисциплинарные исследования, которые призывают к переоценке самих визуальных практик репрезентации *Другого* в кинематографе¹⁰.

Контекст задает социальный и политический фон¹¹ производства фильмов и, в конечном счете, влияет на проблематику этих фильмов, их эстетику и поэтику. Наиболее проявленными новые тенденции выглядят в кинематографе мейнстрима, ориентированного на широкого зрителя. Особую популярность у аудитории приобретают фильмы в стиле “Culture Clash Comedy”, которые, по сути, должны примирить зрителей разных этносов и религий и/или выполнить образовательную и воспитательную функцию. Одним из медиаторов-проводников новых социальных норм и культурных паттернов поведения выступает школа. Вопросам интеграции молодежи разного этнического происхождения посредством образовательного процесса во французское общество посвящена обширная научная литература [Джурицкий 2018, с. 32–44; Дудко 2013, с. 70–80; Преображенская 2017, с. 18–36], а сами фильмы о школе переносят на киноэкраны идею формирования нации по «республиканской модели»: «Франция страна этичности, а не этничности»

⁹ Л. Канте за картину «Класс» (2008) был удоен «Золотой пальмовой ветви». Фильм вызвал широкий общественный резонанс, о нем писали многие журналисты, киноведы, антропологи, социологи и пр. исследователи [Кривилева 2011; Кривилева 2012]; фильмы А. Кешиша также привлекают внимание киноведов, например, о ленте «Кускус и барабулька» (2007) не единожды пишет А. Плахов [Плахов 2018; Плахов 2019].

¹⁰ На данную тему вышло междисциплинарное исследование “Artistic (Self)-Representations of Islam and Muslims. Perspectives Across France and the Maghreb” [Mielusel 2022], в котором приводится многомерный анализ визуальной репрезентации мусульман, особое внимание авторами уделяется сфере киноиндустрии.

¹¹ Эволюция французского законодательства в сфере иммиграции [Ашмарина, Корнилов 2019, с. 9–17] тесно связана с политическими и культурными факторами, влияющими на создание картин на тему иммиграции [Кривилева 2012, с. 137–144].

[Жолудева 2019, с. 132]. В итоге школьная тема привлекает внимание режиссеров, а вслед за ними и исследователей кинематографа¹².

Французская школа как модель государства и фигура учителя: внутри и вне экрана

В фильмах об интеграции иммигрантов и их детей во французское общество условно можно выделить несколько базовых сюжетов, прежде всего, связанных с криминалом, адаптацией семьи и индивидуума к реалиям социальной и культурной жизни во Франции. Одной из наиболее последовательно представленных в кинематографе тем выступает проблема школьного образования. Фильмы о школе не просто повествуют о жизни подростков, рассказанные с киноэкранов истории и заложенные в сценариях идеи становятся важными маркерами политических процессов, протекающих в обществе. Для современной французской школы одной из ключевых уже давно стала проблема религиозного разнообразия, представленного в стране, при этом ислам выступает одним из наиболее заметных предметов в беседе о межконфессиональном взаимодействии.

Драмы «Увертка» (2003) А. Кешиша, «Последний урок» (2008) Ж.-П. Лильенфельда, «Класс» (2008) и «Мастерская» (2017) Л. Канте, «Наследники» (2014) М.-К. Менсьон-Шаар, комедийный фильм «Выпускной экзамен» (2014) А. Блоссье и многие другие фильмы показывают зрителям события из повседневной жизни подростков. Повествуя о судьбах главных героев, режиссеры создают модель социума, в котором живут не только школьники, но и все французское население. Социальная критика протекающих в стране процессов авторами транслируется зрителям через метафору школы как универсального образа французского общества.

Российские исследователи В. Михайлин и Г. Беляева достаточно емко и точно сформулировали идею школы как модели государства в своей монографии «Скрытый учебный план: антропология советского школьного кино начала 1930 – середины 1960-х гг.». Авторы пишут, что «любую ситуативно объединяющуюся группу людей, а тем более любое социальное учреждение при некоторой доле фантазии можно превратить в метафору или модель того общества, в котором живут эти люди и в котором эти учреждения функционируют. На данную нехитрую стратегию опирается едва ли не большинство художественных текстов (вер-

¹² *Singerman A., Bissière M. Op. cit.*

бальных, визуальных, перформативных), ориентированных как на социальное проектирование, так и на социальную критику. Есть, впрочем, институции, буквально взывающие к тому, чтобы их время от времени превращали в зеркало общего социального порядка. Учреждения эти обладают рядом общих характеристик: они функционально ориентированы на дисциплинирующие техники, иерархически организованы, крайне ригидны, репрезентативны ровно настолько, чтобы, с одной стороны, прямо апеллировать к культурному багажу максимально широкой целевой аудитории, а с другой – содержать в себе элемент исключительности, маргинальности, контринтуитивности, позволяющий экстраполировать моделируемую ситуацию на актуальный повседневный опыт зрителя/читателя и, следовательно, вызывать у последнего интерес. Это, прежде всего, тюрьма, сумасшедший дом, армия и, конечно же, школа» [Михайлин, Беяева 2020, с. 15–16].

После того как Франция отказалась от обязательной военной службы, именно образование считается главным посредником в передаче идеалов Республики от одного поколения к другому. Официальные источники гласят, что «правительство стремится усилить роль школы в формировании гражданской совести молодых... связь между школой, нацией, Республикой и родиной – одно из основных исторических качеств образовательной системы... однако геополитические, экономические, социальные и культурные потрясения второй половины XX в. сделали более сложными отношения между гражданственностью, нацией и школой» [Новоженова 2010, с. 134–135].

Ситуация осложняется конфликтующими между собой подходами к обучению школьников, которые продвигают светские и религиозные институты, часто дискуссия принимает острый характер и представлена диаметрально противоположными взглядами на реализацию светской модели школьной программы по воспитанию граждан Франции и религиозными предписаниями. В современном французском обществе все больше увеличивается противоборство между исламским повседневностью и светским эталоном поведения. Исследователи отмечают, что «исторически сложилось так, что именно левые силы выступали с наиболее последовательных антиклерикальных позиций. Во многом благодаря их усилиям принцип светскости государства “республиканских ценностей” и до сего дня определяет официальный дискурс и направленность образования в стране. По существу, он превратился в принцип воинствующего атеизма» [Чернега 2016, с. 149]. Разногласия нарастают и в самой жизни, и в судьбах киногероев, безусловно, ислам и образ жизни учеников и их родителей

превращается в одну из главных тем для обсуждения в социуме и, как следствие, в кинематографе страны.

Особую роль в фильмах о школе, помимо учащихся, играет фигура учителя. «Как правило, каждую смысловую область “стягивает” на себя фигура учителя, преподавателя соответствующей учебной дисциплины. Вообще в школьном тексте учитель, как правило, есть фигура самая многоплановая и интересная, поскольку включена она сразу в несколько не сводимых друг к другу систем отношений, расположенных при этом на разных “этажах” школьной иерархии» [Михайлин, Беляева 2020, с. 17]. Таким образом, в качестве низового, но важного агента власти, педагог принимает участие в преобразовании самой реальности вокруг себя и окружающих его людей и выступает сотворцом истории. Он воспитывает детей и подростков и готовит их для соучастия в формировании общей национальной гражданственности. Поведение преподавателя созвучно основной стратегии социальной политики государства, при этом именно учитель – фигура многогранная. Он обладает ценным жизненным опытом, собственным взглядом на мир и, порой, скрытыми от глаз других индивидуальными проблемами и переживаниями. Тем временем школьники обсуждают в классных комнатах статус французского языка, роль классической литературы, по-юношески философствуют и провоцируют религиозные дебаты. Своими резкими и зачастую бескомпромиссными суждениями они призывают учителя к дискуссии, а вместе с ним и все французское общество.

Классическими примерами современных фильмов на школьную тему во французском кино являются «Класс» / «Между стен» (2008) Л. Канте и «Последний урок» / «День юбки»¹³ (2008) Ж.-П. Лилиенфельда. Две истории преподавателей французского языка и литературы. В обоих фильмах фигура педагога вынесена в центр внимания, в первом случае режиссер делает акцент на попытке диалога между коренным населением Франции в лице школьного учителя Ф. Бегодо и «новыми французами»; во втором – диалога между учительницей С. Бержерак в исполнении И. Аджани и школьниками не получается, и ситуация принимает крутой оборот. «Последний урок» выглядит радикальным по сравнению с «Классом». Школьная учительница не готова смириться с хамством и безграмотностью своих учеников, поэтому в отличие

¹³ Фильм широко известен в РФ, был неоднократно показан на общественных телеканалах. В 2015 г. в России вышла картина «Училка» А. Петрухина с И. Купченко в главной роли. «Училка» сюжетно перекликается с французской картиной «Последний урок».

от своего коллеги из фильма «Класс» она берет в руки оружие и держит класс в заложниках, чтобы донести свою правду до учащихся и убедить их в ценности образования и идеалах французского государства в буквальном смысле силой. Соня Бержерак, как и сама И. Аджани, по происхождению не этническая француженка, героиня фильма на своем примере пытается показать, что через образование пролегает путь к достойной жизни.

Примечательно, что как раз вслед за указанными фильмами с ноября 2009 по январь 2010 г. в стране прошла всеобщая дискуссия о национальной идентичности во Франции, в ходе которой были выдвинуты два главных вопроса: «Что значит в наши дни быть французом?» и «Каков вклад иммиграции в национальную идентичность?». Были представлены самые разные мнения, что показало неоднородность суждений и причины обостренных отношений [Новоженова 2010, с. 114–144; Любарг 2019, с. 26–48]. Сегодня французское общество немонолитно с конфессиональной и этнической точки зрения, у отдельных социальных групп и этнических сообществ свои представления о морали, этике и нормах поведения, если переводить на язык ислама, то речь идет, в том числе, о дозволенном (халяль) и запретном (харам). Представители разных страт общества во Франции дают соответственно разную *оценку* тому, как нужно выглядеть, говорить, вести себя в пространстве дома и в общественных местах. Поэтому вокруг вопросов отношения к модели поведения проводятся официальные политические дебаты и бытовые споры, зачастую раскалывая французское общество на непримиримые лагеря.

С момента появления «Класса» и «Последнего урока» прошло больше десяти лет, ситуация меняется в стране и образ школы также трансформируется. Сегодня можно наблюдать новые нюансы отношений между одноклассниками, учениками и учителями и их родителями. В этой связи интересно обратить внимание на два фильма одного года выпуска «Классовая борьба» (2019) М. Леклерка и «Школьная жизнь» (2019) М. Идира и Г.К. Маляда.

Школьные этюды во французском кино: образы и ситуации

«Классовая борьба» представляет на экране общий взгляд на мозаичную картину жизни в современной Франции. По сюжету Поль, Софи и их ребенок переезжают жить в небольшой город, где они сталкиваются с разными бытовыми проблемами. Адаптироваться к окружающей среде трудно как взрослым, так и ребенку. Родители Поль и Софи не сразу находят общий язык с соседями

и только что появившимися знакомыми, а их сыну в силу разных обстоятельств сложно найти друзей в новом классе. В фильме школа выступает одним из ключевых пространств для споров, дискуссий и примиряющих компромиссов (ил. 1).

Обстановка в городке показана глазами коренного француза Поля и арабки по происхождению Софи в исполнении актрисы магрибинского происхождения Л. Бехти. Через весь фильм лейтмотивом проходит столкновение культурных и религиозных норм поведения в стилистике “Culture Clash Comedy”. Среди эпизодов об образовательном процессе выделяется ставший уже традиционным сюжет обсуждения исключения свинины из школьного питания¹⁴, комично представлена сцена, в которой отец мальчика Поль забирает ребенка из школы и встречает у ее ворот ожидающих своих детей матерей. При этом практически все женщины в хиджабах¹⁵. В последствии, когда Поль будет обсуждать сложившуюся ситуацию с Софи и отказываться встречать собственного ребенка из школы, потому что он чувствует себя неловко, будучи единственным родителем мужского пола, Софи будет заступаться за покрытых женщин¹⁶ подчеркивая мультикультурное разнообразие. В свою очередь Поль заметит, что «для разнообразия нужно разнообразие, когда все одинаковое, то это уже не разнообразие».

¹⁴ О разногласиях в школьной системе управления, включающей вопросы возможности организовывать в школах по требованию родителей питание «халяль» по мусульманской традиции или обеспечивать осмотры и уход в больницах за женщинами-мусульманками исключительно женским персоналом, много говорится во французском обществе [Чернега 2016, с. 151].

¹⁵ Хиджаб (араб. преграда, завеса) – покрывало, накидка, надеваемые женщинами-мусульманками при выходе на улицу и скрывающая лицо и фигуру. Существуют различные виды хиджаба. Сегодня в мусульманских странах большее распространение получил упрощенный вариант хиджаба – головной платок и одежда, закрывающая руки и шею. Во Франции с 2004 г. запрещено ношение в школах религиозных символов или одежды [Ашмарина, Корнилов 2019, с. 10], подробно вопрос о соблюдении принципа светскости в школах Франции освещен в книге Е. Деминцевой «Быть арабом во Франции» [Деминцева 2008а].

¹⁶ Существуют разнообразные по формату, жанру, научной и публицистической направленности издания, посвященные теме символической борьбы через репрезентацию внешности [Keaton 2006; Tarr 2014, pp. 516–533] в том числе, в контексте мусульманской моды, норм дресс-кода и запрета на ношение хиджаб в школе [Strom 2008; Fredette 2014; Mattei, Aguilar, Aguilar 2016].

И продолжит мысль рассуждением о том, что когда он сам учился в школе, то у них в классе был один мальчик африканского происхождения, и с его родителями никто не общался, а теперь он сам чувствует себя на месте родителей того Макса, полностью исключенным из социального пространства школы.

Весь фильм пронизывают довольно острые и зачастую неполииткорректные шутки о коренных французах и бёрах, евреях и Шаббате, о боге и социальных классах и пр. Например, еврей-соседи Поля и Софи строят стену в 3,5 метра от своих соседей мавританцев. В целом картина рассчитана на широкую аудиторию и, несмотря на язвительные замечания героев в адрес друг друга, иронию и сарказм, но в итоге по законам жанра развитие действия приводит персонажей к перемирию. Буквально следуя заявлениям политиков «о необходимости осуществления установок на превращение культурных различий между иммигрантами и коренными французами в позитив» [Джурицкий 2018, с. 37]. Однако в «Классовой борьбе» представлена яркая палитра красок социальных проблем и показано противоречивое отношение разных по своему этническому происхождению и вероисповеданию граждан страны на эти проблемы. Даже в самой семье Поля и Софи одновременно представлен мужской взгляд на жизнь коренного француза крайне левых убеждений и женский взгляд социально более успешной и адаптивной Софи, вышедшей из семьи иммигрантов.

Пожалуй, самая примечательная и сильная сторона фильма «Классовая борьба» заключается в том, что в нем показан сложный социальный ландшафт современного французского общества. Все фильмы, связанные с темой иммиграции, в той или иной степени затрагивают вопросы маркирования пространства границами между кварталами/районами города и/или пригородами и социальными проблемами, существующими в них. Тем не менее по мере развития сюжета в «Классовой борьбе» подвергается переосмыслению сам статус видимых и невидимых границ, сформированных по социальному, этническому, политическому или конфессиональному признаку. Границы пространства взаимодействия становятся пронцаемыми и открытыми, хотя и не без социальных рисков для всех акторов межэтнического общения. Школа здесь выступает важным узлом коммуникации и реформатирования самого общественного пространства. На экране «публичные пространства, связанные с властным управлением, распределением, образованием, – имеют тенденцию к «правильности»; на противоположном полюсе оказываются те, что связаны с семьей, микрогрупповой солидарностью, приватностью... Мера правильности и неправильности того или иного пространства напрямую связана с процентным соотношением

«наших» и «не наших» людей среди его обитателей. И от того задача по его нормализации становится двуединой: обучение и воспитание – тех, кто потенциально способен встроиться в историческую неизбежность, и разнообразие практики исключения – для тех, кто не может или не хочет это делать. Понятно, что в этой связи любые метафоры, связанные с образовательным и воспитательным процессом, являются крайне продуктивными – причем не только для проработки воспитательных сюжетов» [Михайлин, Беляева 2020, с. 27]. Таким образом зритель проходит весь этот путь к взаимопониманию и принятию *Другого* вместе с семьей Поля и Софи.

Если в «Классовой борьбе» школьные эпизоды – важные звенья общей многослойной картины межэтнического общения внутри французского общества и персонально между героями фильма, то в «Школьной жизни» по сути практически вся повседневность персонажей выстроена вокруг педагогического процесса. По сюжету Самия – молодой консультант по вопросам образования в исполнении З. Анро¹⁷ – только что приехала с юга Франции и устраивается в среднюю школу в пригороде Парижа¹⁸. Молодая женщина увлечена новой работой, старается помочь найти общий язык между учениками и учителями, однако в повседневной работе сталкивается с постоянными трудностями.

В фильмах о школе «учитель и ученик – два базовых компонента жанровой системы и два основных объекта зрительской эмпатии, через которые по преимуществу и транслировались ключевые модели поведения» [Михайлин, Беляева 2020, с. 22]. В «Школьной жизни» особое внимание уделяется тому, как Самия старательно хочет повлиять на успеваемость одного из учащихся – Яниса из проблемного класса. Но несмотря на то что Самия и Янис находятся в центре внимания, в фильме показывают характеры и многих других персонажей. Прежде всего, это обучающиеся и учителя, директор, родители и другие действующие лица. Кроме того, на экран попадают различные пространства – от постоянно присутствующих в кадре (классная комната, школь-

¹⁷ З. Анро прежде появилась в фильме «Фатима» (2015) Ф. Фокона, где предстала в роли абитуриентки медицинского вуза, а в «Школьной жизни» она выступает уже в статусе координатора-консультанта.

¹⁸ О формировании «мигрантских кварталов» и гетто, о «втором поколении мигрантов» / «поколении окраин» и о «новой Франции» и «новых французах» [Деминцева 2008а; Деминцева 2015а, с. 135–148; Деминцева 2015b, с. 105–112]. О политике организации кварталов и полемике вокруг понятия «неблагополучного квартала» [Чернега 2016, с. 148–149; Жолудева 2019, с. 132–137].

ный двор и коридор, учительская, квартиры героев фильма) до проходных и случайных – но иногда не менее важных.

Школа выступает как социальный институт, в котором проводится идея системного опыта вторичной социализации. Здесь происходит «перевод» индивидуальных социально значимых смыслов на язык публичного. Индивид сталкивается с системой и не может ей противостоять, с другой стороны, система не может полностью «приручить», перевоспитать школьников окраин Парижа. При этом сложно, как обучающимся, так и педагогам. В «Школьной жизни» многие взрослые – это те, кто вырос в этих социальных кварталах и сегодня пришел преподавать следующему поколению «новых французов». Этика их поведения и манера общения часто кажутся далекой от привычной нормы поведения школьного учителя. На этом фоне «белой вороной» выглядит преподаватель истории, этнический француз, который ненавидит своих учеников и в отличие от своих коллег не видит в них ничего хорошего, не верит в их социальную адаптацию после окончания обучения, и сами школьники в ответ над ним только издеваются¹⁹. Человечность и гуманизм не успевшей разочароваться в людях Самии становятся в фильме главным источником доброты и свежего воздуха.

В «Школьной жизни», как и в большинстве картин, тесно связанных с межкультурными темами, ведутся разговоры об исламских запретах и несоответствии стандартов поведения среди религиозных мусульман и повседневными практиками в светской Франции, например, между делом происходит беседа о распитии вина. Однако примечательно, что в этой ленте фиксируется образ упавшего духом подростка «третьего поколения мигрантов», этот подросток часто уже и не пытается спорить со взрослыми, равнодушно общается с ними, живет своей жизнью и обреченно смотрит на происходящее. Обучающиеся словно видят свое будущее без будущего, например, Янис во время обсуждения его потенциально-го отчисления говорит: «Честно, если бы я мог, я бы проголосовал за свое исключение из школы. Я не адаптирован к вашей системе. Я знаю, что я не тупой, что у меня есть способности, как вы говорите, но я вижу, что не для меня это все. <...> Вы думаете у меня с моим досье есть шанс? Смотрите, что вы сделали за год. Вы собрали

¹⁹ Исследователи отмечают, что попавшие в школы мигрантских кварталов по национальному конкурсу найма учителя, зачастую стремились как можно скорее их покинуть. В лицеи и колледжи преподаватели принимались на работу только через национальный конкурс. Молодые специалисты могли выбрать лишь регион и часто оказывались в подобных кварталах [Деминцева 2015b, с. 108].

всех хулиганов и двоечников в один класс. И с этим классом теперь одни проблемы. И мы живем в городе хулиганов, в квартале хулиганов, ходим в такую школу. Вы хотите собрать их всем вместе? В этом и заключается ваш план?» (ил. 2).

Исследователи отмечают, что «уровень знаний учащихся в школах районов “гетто” ниже среднего, мотивация – ниже, учащиеся более враждебно относятся к школьным правилам и академическим стандартам. Преподаватели также стараются приспособиться к учащимся, ставят заниженные цели, занятия упрощаются и пр.» [Дудко 2013, с. 73]²⁰. Ученые и режиссеры каждый по-своему рассказывают о том, что надежды детей мигрантов на лучшую жизнь сменились разочарованием. На обучающихся-бёров колоссальное влияние оказывают примеры судеб их одноклассников, родителей, друзей и соседей, жизненные истории которых зачастую не отличаются позитивным исходом. Отсюда возникает твердое мнение о неизбежной бедности и отсутствии социальных лифтов для потомков иммигрантов. В итоге молодежь из социальных кварталов считает, что совершенно бессмысленно хорошо учиться и получать высшее образование, ибо достойную работу все равно не найти из-за их происхождения и предрассудков, бытующих во французском обществе [Дудко 2013, с. 75].

Еще в школе молодые люди получают свой первый опыт взаимодействия с криминалом²¹. Подобно Янису из «Школьной жизни»

²⁰ О провале реформы школьного образования программы «Приоритетных зон образования» в проблемных кварталах [Деминцева 2015а, с. 140; Деминцева 2015b, с. 108–109]. Тем не менее исследователи отмечают и положительные достижения по интеграции молодежи «проблемных пригородов» в жизнь французского общества через местные и региональные инициативы и культурные мероприятия и фестивали [Деминцева 2015а, с. 140]. См. о реализации программы по политике межкультурного образования в вопросах миграции [Джурицкий 2018, с. 37–38], о преподавании родных для иммигрантов языков во Франции [Осипов 2021, с. 33–36], об интеграции иммигрантов через школу в социум и французскую культуру [Новоженова 2011, с. 117–139].

²¹ Исследователи отмечают, что за 2015 г. число преступлений выросло на 7%, статистика по уличным нападениям продолжает расти, а в 2015 г. к бытовому криминалу прибавилась террористическая угроза. Кроме того, политика в сфере поддержки малоимущих слоев мигрантов осуществляется с большими сложностями [Ашмарина, Корнилов 2019, с. 13; Жолудева 2019, с. 133]. Миграционный кризис стал одним из важнейших вопросов, обсуждаемых кандидатами в президенты на выборах 2017 г. [Ашмарина, Корнилов 2019, с. 14].

многих манит улица своей свободой и кажущейся простотой и внятностью царящих на ней порядков и законов²². Пространство насилия и/или экономической незащищенности, в которых обитают иммигранты, получает самые альтернативные трактовки в фильмах французских авторов на криминальные сюжеты²³. Подростки из «Школьной жизни» проявляют то «тихое» (пассивное), то «громкое» (буйное) недовольство, их внутреннее несогласие с устоявшейся социальной стигматизацией вызывает глухое неприятие всего происходящего с их стороны²⁴. Неприкаянное детство и неудовлетворенность жизнью родителей на новой родине ставит реальных подростков и героев фильмов перед сложным выбором.

²² В 1980–1990-е гг. школа в социальных кварталах Франции стала местом, куда нужно ходить, но где школьники не хотели учиться, здесь было непринято быть хорошим учеником. В местных компаниях существовали (и продолжают существовать) негласные правила, по которым учеба только портит «имидж правильного парня окраин» [Деминцева 2015b, с. 108]. Поэтому здесь парни как раньше, так и теперь предпочитают работу «настоящих пацанов», связанную с криминалом, бросают школу или почти в нее не ходят.

²³ В одних работах на преступной среде акцентировано внимание: «Ненависть» (1995) М. Кассовица, «Пророк» (2009) Ж. Одиара, в других фильмах иммигранты показаны как заложники обстоятельств и/или преступники поневоле: «Во всем виноват Вольтер» (2000) и «Кус-кус и барабулька» (2007) А. Кешиша, «Омар меня убить» (2011) Р. Зема. Отдельный субжанр представлен фильмами о трудных подростках, например, «Молодая кровь» (2015) Э. Берко и «Отверженные» (2019) Л. Ли. Встречаются фильмы, в которых размышления о природе насилия выводят на философские и теологические дискуссии о сущности христианства и ислама, о чем снимает «Хадевейх» (2009) Б. Дюмон, или игра с жанром в постмодернистских «Криминальных любовниках» (1999) Ф. Озона и в картине «Скрытое» (2004) М. Ханеке. Кроме того, отдельную нишу занимают фильмы об экстремизме «Сделано во Франции» (2015) Н. Бухрифа и «Ноктюрама» (2016) Б. Бонелло. О джихадизме во Франции [Долгов 2015, с. 112–140; Долгов 2017; Долгов 2021, с. 173–190; Чернега 2016, с. 154].

²⁴ С середины 1990-х гг. в мигрантских кварталах происходили социальные трансформации, изменившие восприятие этих районов не только у коренных французов, но и у их обитателей. Перемены затронули школу, поменялась роль полиции в этих кварталах. Стало возрастать влияние неформального сектора: появилась теневая экономика, прежде всего основанная на криминальном бизнесе, кварталы стали ассоциироваться с насилием и преступностью [Деминцева 2015b, с. 109].

Эта ситуация напряжения складывалась на протяжении нескольких десятилетий, а образовательный процесс и школа попеременно сглаживают и, наоборот, взрывают ситуацию. Сегодня на киноэкране в образах героев читается усталость, хотя без сомнения режиссеры в очередной раз оставляют в финале надежду своим персонажам и зрителям, как это делают авторы «Классовой борьбы» и «Школьной жизни».

* * *

Помимо броского социального характера многих французских фильмов о школе и образовательном процессе, нельзя не отметить еще одно важное явление эстетического порядка. Усиление роли транснационального компонента в современном национальном кино Франции отражает социальный и политический дискурсы в обществе, и вместе с тем влияет на изменение системы средств художественной выразительности. В лентах об актуальных проблемах мигрантов большое значение имеют выбор злободневной темы и интонация ее звучания, локации съемок, которые формируют пространственное восприятие зрителем частного (домашнего) и публичного пространства персонажей, однако все-таки именно актер выступает ключевой фигурой и смысловым центром сюжета. В разговоре о жизни и судьбе иммигрантов и их детей важно не только мастерство исполнения роли, но зачастую и происхождение, вероисповедание и судьба семьи самого актера. В фильмах об иммигрантах он выступает в качестве основного источника межэтнического взаимодействия. Его жесты, мимика, пластика и речь (практики тела) вписаны в общий процесс изменения культурного ландшафта французского социума²⁵ и невольно воздействуют на содержание и визуальное решение кинокартин. В свою очередь школа выступает эталонным местом для моделирования поведения граждан согласно «республиканскому» образу поведения, при этом здесь невольно возникает площадка для дискуссий и обсуждений противоречий, режиссеры проецируют общенациональные споры на экран и мотивируют граждан страны к диалогу.

²⁵ Исследователь культуры мусульманских сообществ Х. Нафиси указывает на примечательный стиль кино иммигрантов, автор пишет о языке, голосе актеров, репертуаре чувств, телесности, тактильности и самом выборе тем [Naficy 2001]. В 2000-е гг. в киноиндустрию пришло новое поколение профессионалов мусульманского происхождения, многие отличия между их видением жизни и искусства и мировоззрением коренных французов углубились и закрепились в качестве новой нормы.

Ил. 1. Постер. «Классовая борьба»
(Франция, 2019 г.,
реж. М. Леклерк)

Ил. 2. Постер. «Школьная жизнь»
(Франция, 2019 г.,
реж. М. Идир, Г.К. Маляд)

Литература

- Ашмарина, Корнилов 2019 – Ашмарина А.А., Корнилов А.А. Эволюция французского законодательства в сфере иммиграции (2003–2016 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 2. С. 9–17.
- Виноградов 2019 – Виноградов В. Стилиевые направления французского кинематографа. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2019. 448 с.
- Деминцева 2006 – Деминцева Е.Б. Иммигрантские сообщества: опыт Франции // Россия в глобальной политике. 2006. Т. 4. № 5. С. 105–115.
- Деминцева 2008a – Деминцева Е.Б. Быть «арабом» во Франции. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 192 с.
- Деминцева 2008b – Деминцева Е.Б. Магрибинское сообщество во Франции: формирование диаспоры и политика интеграции // Восток. 2008. № 1. С. 83–97.
- Деминцева 2009 – Деминцева Е.Б. Марокко – Франция: С мечтой о «райской» жизни // Азия и Африка сегодня. 2009. № 2. С. 35–40.
- Деминцева 2011 – Деминцева Е.Б. Ислам во Франции (дискурс в трудах французских ученых второй половины XX – начала XXI в.) // Восток. 2011. № 1. С. 149–164.
- Деминцева 2015a – Деминцева Е.Б. «Проблемные окраины» и их обитатели: парижские предместья между «Бунтом окраин» и «Шарли Эбдо» // Этнографическое обозрение. 2015. № 5. С. 135–148.

- Деминцева 2005b – *Деминцева Е.Б.* Создавая «гетто»: социальные кварталы Франции и их обитатели (1960–2010) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 398. С. 105–112.
- Долгов 2015 – *Долгов Б.В.* Мусульманский ренессанс во Франции: итоги и перспективы // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 4. С. 112–140.
- Долгов 2017 – *Долгов Б.В.* Арабо-мусульманское сообщество во Франции: исламская идентификация и светская демократия (1980–2016 гг.) / РАН. Ин-т востоковедения. М.: Ленанд, 2017. 160 с.
- Долгов 2021 – *Долгов Б.В.* Исламистский терроризм, политика Запада и исламский фактор в Европе (на примере Франции) // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 4 (112). С. 173–190.
- Джуринский 2018 – *Джуринский А.Н.* Межкультурное образование во Франции // Преподаватель XXI век. 2018. № 1–4. С. 32–44.
- Дудко 2013 – *Дудко С.А.* Интеграция иммигрантской молодежи во Франции как социально-педагогическая проблема // Отечественная и зарубежная педагогика. 2013. № 3 (12). С. 70–80.
- Жолудева 2019 – *Жолудева Н.Р.* Мусульмане во Франции: жизнь мусульманских кварталов Парижа // Вестник Томского гос. ун-та. 2019. № 438. С. 132–137.
- Казурова 2016 – *Казурова Н.В.* Берлин – Стамбул: перекресток кинематографических культур // Антропология медиа: теория и практика. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 252–266.
- Кривилева 2011 – *Кривилева О.Г.* Французская мультикультурная политика в сфере образования (на примере кинофильма «Класс») // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 17 (79). С. 118–125.
- Кривилева 2012 – *Кривилева О.Г.* Мультикультурализм в европейском кино: стихийный процесс или политический заказ? // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология, Религиоведение. 2012. № 1 (8). С. 137–144.
- Любарт 2019 – *Любарт М.К.* «Национальная идентичность и миграционный фактор в современной Франции» // Сибирские исторические исследования. 2019. № 3. С. 26–48.
- Михайлин, Беляева 2020 – *Михайлин В., Беляева Г.* Скрытый учебный план: антропология советского школьного кино начала 1930 – середины 1960-х гг. М.: НЛО, 2020. 584 с.
- Новоженова 2010 – *Новоженова И.С.* Дискуссия о национальной идентичности во Франции // Актуальные проблемы Европы. 2010. № 4. С. 114–144.
- Новоженова 2011 – *Новоженова И.С.* Французская модель интеграции иммигрантов и мультикультурализм // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 4. С. 117–139.
- Осипов 2021 – *Осипов Е.А.* Современная Франция: от мультикультурализма к нулевой терпимости? // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 10–1 (61). С. 33–37.

- Плахов 2018 – Плахов А. Абделлатиф Кешиш: Кус-кус и лягушки. Устрицы и макароны // Сеанс. 2018. URL: <https://seance.ru/articles/abdellatif-kechiche/> (дата обращения 05.11.2024).
- Плахов 2019 – Плахов А. Кино за гранью. СПб.: Сеанс, 2019. 527 с.
- Преображенская 2017 – Преображенская А.А. Французская модель интеграции иммигрантов: испытание временем // Человек. Сообщество. Управление. 2017. Т. 18. № 3. С. 18–36.
- Сафонова 2023 – Сафонова Н.В. Исламский фактор в общественно-политической жизни Франции (2005–2021 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. РГГУ, 2023. URL: <https://www.dissercat.com/content/islamskii-faktor-v-obshchestvenno-politicheskoi-zhizni-frantsii-2005-2021?ysclid=m34nigo03a7818278> (дата обращения 05.11.2024).
- Чернега 2016 – Чернега В.Н. Франция: кризис политики интеграции мигрантов // Актуальные проблемы Европы. 2016. № 4. С. 140–156.
- Царапкина Т. 2012 – Царапкина Т. В одиночном плавании по «новой новой волне»: от Жан-Жака Бенекса до Франсуа Озона и Доминика Молля. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2012. 320 с.
- Якубова 2020 – Якубова Л.А. Особенности французской модели интеграции мигрантов в контексте социального развития единой Европы во второй половине XX – начале XXI в. // Вестник Нижневартковского государственного университета. 2020. № 4. С. 35–41.
- Mielusel 2022 – Artistic (self)-representations of Islam and Muslims. Perspectives across France and the Maghreb / ed. by R. Mielusel. N.Y.: Springer International Publishing, 2022. 253 p.
- Higbee 2013 – Higbee W. Post-beur cinema. North African émigré and Maghrebi-French filmmaking in France since 2000. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013. 288 p.
- Fredette 2014 – Fredette J. Constructing Muslims in France. Discourse, public identity, and the politics of citizenship. Philadelphia: Temple University Press, 2014. 232 p.
- Kealhofer-Kemp 2015 – Kealhofer-Kemp L. Muslim women in French cinema. Voices of Maghrebi migrants in France. Liverpool: Liverpool University Press, 2015. 212 p.
- Keaton 2006 – Keaton T.D. Muslim girls and the other France. Race, identity politics, and social exclusion. Bloomington: Indiana University Press, 2006. 240 p.
- Mattei, Aguilar, Aguilar 2016 – Mattei P., Aguilar A.S., Aguilar A. Secular institutions, Islam and education policy France and the U.S. in comparative perspective. L.: Palgrave Macmillan, 2016. 250 p.
- Naficy 2001 – Naficy H.A. An accented cinema. Exilic and diasporic filmmaking. Princeton: Princeton University Press, 2001. 374 p.
- Strom 2008 – What do we do with a difference? France and the debate over headscarves in schools // Facing history & Ourselves foundation / ed. by A. Strom. Boston, 2008. P. 1–5.
- Tarr 2014 – Tarr C. Looking at Muslims. The visibility of Islam in contemporary French cinema // Patterns of prejudice. 2014. Vol. 48. Iss. 5. P. 516–533. (Imaginarities of the other. Past and present expressions of Islamophobia)

References

- Ashmarina, A.A. and Kornilov, A.A. (2019), "The evolution of French immigration law (2003–2016)", *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo*, no. 2, pp. 9–17.
- Chernega, V.N. (2016), "France. A crisis in the policy of assistance to specialists", *Urgent problems of Europe*, no. 4, pp. 140–156.
- Tszarapkina, T. (2012), *V odinochnom plavanii po "novoi novoi volne": ot Zhan-Zhaka Beneksa do Fransua Ozona i Dominika Mollya* [The solo sailing on the "New new wave". From Jean-Jacques Benex to François Ozon and Dominique Moll], Kanon+ROOI "Reabilitatsiya", Moscow, Russia.
- Demintseva, E.B. (2006), "Immigrant communities. French experience", in *Rossiya v global'noi politike*, vol. 4, no. 5, pp. 105–115.
- Demintseva, E.B. (2008), *Byt' "arabom" vo Frantsii* [Being an "Arab" in France], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Demintseva, E.B. (2008), "The Maghreb community of France. Formation of diaspora and the politics of integration", *Oriens*, no. 1, pp. 83–97.
- Demintseva, E.B. (2009), "Morocco – France. Dreaming of a 'heaven' life", *Asia & Africa today*, no. 2, pp. 35–40.
- Demintseva, E.B. (2011), "Islam in France (discourse in the works of French scholars of the second half of the 20th – early 21st c.)", *Oriens*, no. 1, pp. 149–164.
- Demintseva, E.B. (2015), "The 'problematic outskirts' and its inhabitants. Parisian suburbs between the 'Revolt of the outskirts' and 'Charlie Hebdo' ", *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 135–148.
- Demintseva, E.B. (2015), "Creating 'ghetto'. French social neighborhoods and its inhabitants (1960–2010)", *Tomsk State University Journal of History*, no. 398, pp. 105–112.
- Dolgov, B.V. (2015), "Muslim Renaissance in France. The results and prospects", *Urgent problems of Europe*, no. 4, pp. 112–140.
- Dolgov, B.V. (2017), *Arabo-musul'manskoe soobshchestvo vo Frantsii: islamskaya identifikatsiya i svetskaya demokratiya (1980–2016 gg.)* [The Arab-Muslim community in France. Islamic identification and secular democracy (1980–2016)], Lenand, Moscow, Russia.
- Dolgov, B.V. (2021), "Islamist terrorism, Western policy and the Islamic factor in Europe (on the example of France)", *Aktual'nye problemy Evropy*, vol. 112, no. 4, pp. 173–190.
- Dzhurinskii, A.N. (2018), "The intercultural education in France", *Prepodavatel' XXI vek*, no. 1–4, pp. 32–44.
- Dudko, S.A. (2013), "The integration of immigrant youth in France as a socio-pedagogical issue", *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*, vol. 12, no. 3, pp. 70–80.
- Fredette, J. (2014), *Constructing Muslims in France. Discourse, public identity, and the politics of citizenship*, Temple University Press, Philadelphia, USA.

- Higbee, W. (2013), *Post-beur cinema. North African émigré and Maghrebi-French film-making in France since 2000*, Edinburgh University Press, Edinburgh, UK.
- Kazurova, N.V. (2016), "Istanbul. A crossroads of cinematic cultures", in *Antropologiya media: teoriya i praktika* [Anthropology of media. Theory and practice], IEA RAN, Moscow, Russia, pp. 252–266.
- Kealhofer-Kemp, L. (2015), *Muslim women in French cinema. Voices of Maghrebi migrants in France*, Liverpool University Press, Liverpool, UK
- Keaton, T.D. (2006), *Muslim girls and the other France. Race, identity politics, and social exclusion*, Indiana University Press, Bloomington, USA.
- Krivileva, O.G. (2011), "The French multicultural policy in the sphere of education (film 'The Class' as example)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Culturology. Art History. Museology" Series*, vol. 79, no. 17, pp. 118–125.
- Krivileva, O.G. (2012), "Multiculturalism in European cinema. Spontaneous process or political order?", *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya, Religiovedenie*, vol. 8, no. 1, pp. 137–144.
- Lyubart, M.K. (2019), "National identity and migration factor in modern France", in *Siberian Historical Research*, no. 3, pp. 26–48.
- Mattei, P., Aguilar, A.S. and Aguilar, A. (2016), *Secular institutions, Islam and education policy France and the U.S. in comparative perspective*, Palgrave Macmillan, London, UK.
- Mielusel, R., ed. (2022), *Artistic (self)-representations of Islam and Muslims. Perspectives across France and the Maghreb*, Springer International Publishing, New York, USA.
- Mikhailin, V. and Belyaeva, G. (2020), *Skrytyi uchebnyi plan: antropologiya sovetskogo shkol'nogo kino nachala 1930 – serediny 1960-kh gg.* [The hidden curriculum. The anthropology of Soviet school cinema, early 1930s – mid 1960s], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Naficy, H.A. (2001), *An accented cinema. Exilic and diasporic filmmaking*, Princeton University Press, Princeton, USA.
- Novozhenova, I.S. (2010), "The debate on national identity in France", in *Urgent problems of Europe*, no. 4, pp. 114–144.
- Novozhenova, I.S. (2011), "The French model of immigrant integration and multiculturalism", *Urgent problems of Europe*, no. 4, pp. 117–139.
- Osipov, E.A. (2021), "Modern France. From Multiculturalism to Zero Tolerance?", *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, vol. 61, no. 10–1, pp. 33–37.
- Plakhov, A. (2018), "Abdelatif Kechiche. Couscous and frogs. Oysters and pasta", *Seans*, available at: <https://seance.ru/articles/abdellatif-kechiche/> (Accessed 5 Nov. 2024).
- Plakhov, A. (2019), *Kino za gran'yu* [Beyond cinema], Seans, Saint Petersburg, Russia.
- Preobrazhenskaya, A.A. (2017), "The French model of immigrant integration. The test of time", in *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, vol. 18, no. 3, pp. 18–36.
- Safonova, N.V. (2023), *Islamskii faktor v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Frantsii (2005–2021 gg.)* [The Islamic factor in the socio-political life of France (2005–2021)], Ph.D. Thesis (History), available at: <https://www.disserscat.com/content/>

- islamskii-faktor-v-obshchestvenno-politicheskoi-zhizni-frantsii-2005-2021?ysclid=m34nigo03a7818278 (Accessed 5 Nov. 2024).
- Strom, A., ed. (2008), "What do we do with a difference? France and the debate over headscarves in schools", in Strom, A., ed., *Facing history & Ourselves foundation*, Boston, USA, pp. 1–5.
- Tarr, C. (2014), "Looking at Muslims. The visibility of Islam in contemporary French cinema", *Patterns of Prejudice*, vol. 48, iss. 5, pp. 516–533. (*Imagaries of the other. Past and present expressions of Islamophobia*)
- Vinogradov, V. (2019), *Stilevye napravleniya frantsuzskogo kinematografa* [The style directions of French cinema], Kanon+ROOI «Reabilitatsiya», Moscow, Russia.
- Yakubova, L.A. (2020), "The features of the French model of migrant integration in the context of the social development of a united Europe in the second half of the 20th century – the beginning of the 21st century], *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, pp. 35–41.
- Zholudeva, N.R. (2019), "Muslims in France. Life in the Muslim quarters of Paris", in *Tomsk State University*, no. 438, pp. 132–137.

Информация об авторах

Наталья В. Казурова, кандидат исторических наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3; kazurova@inbox.ru

Екатерина Ю. Трушкина, кандидат философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6.; e.trushkina@gmail.com

Information about the authors

Natalia V. Kazurova, Cand. of Sci. (History), Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia; 3, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, Russian, 199034; kazurova@inbox.ru

Ekaterina Yu. Trushkina, Cand. of Sci. (Philosophy), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6., Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; e.trushkina@gmail.com

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»
№ 4
2025

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
П.М. Смоктунова

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ ФС77-74270 от 09.11.2018 г.
Периодичность 12 раз в год

Подписано в печать 24.04.2025
Выход в свет 30.04.2025
Формат 60 × 90 ¹/₁₆
Уч.-изд. л. 11,0. Усл. печ. л. 11,5
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2153

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru